

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

58
XXXVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXXVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1951 Ленинград

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор член-корр. АН СССР *А. Д. Удальцов*

Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибиков, Б. Н. Граков,

С. В. Киселев, А. Л. Монгайт

СЕССИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ АН СССР
И ПЛЕНУМ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АН СССР,
ПОСВЯЩЕННЫЕ ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ИИМК ЗА 1949 г.¹

І. ДОКЛАДЫ НА СЕССИИ И ПЛЕНУМЕ

М. К. КАРГЕР

НОВЫЕ ДАННЫЕ К ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЖИЛИЩА

Территория Михайловского Златоверхого монастыря за последние годы уже не раз была объектом археологических исследований достаточно крупного масштаба.

Одним из важнейших результатов раскопок на этой территории древнего Киева было открытие Киевской археологической экспедицией 1938 г. целого комплекса жилищ-мастерских конца XII — начала XIII вв., разрушенных во время монгольского разгрома Киева в декабре 1240 г.²

Последующими раскопками 1940 г. комплекс этот удалось дополнить двумя жилищами XI—XII вв., расположенными в непосредственной близости к собору Дмитриевского (позже Михайловского Златоверхого) монастыря.

В 1944 — 1945 гг. значительная часть территории Михайловского монастыря была застроена разнообразными хозяйственными и санитарными постройками, вследствие чего доступная для археологических исследований площадь значительно сократилась. Раскопки разведочного характера, проведенные на различных участках бывшей монастырской территории Киевской экспедицией 1948 г., не увенчались серьезным успехом. На участке, вплотную примыкающем к площади, раскопанной в 1938 г., удалось обнаружить лишь несколько древних хозяйственных ям полусферической формы. Там же были найдены незначительные остатки древней мастерской стеклянных браслетов и перстней (тигель для плавки стекла, целые браслеты и перстни и многочисленные обломки).

Раскопками на двух других участках монастырской территории (в юго-восточном углу ее) удалось обнаружить кое-где очень плохо сохранившиеся остатки глинобитных печей.

Раскопки 1949 г., проведенные Киевской археологической экспедицией АН СССР и АН УССР при участии Государственного Эрмитажа, были развернуты на территории небольшого садика, расположенного между

¹ Часть докладов напечатана в КСИИМК, вып. XXXVII, 1951.

² М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, Киев, 1950, стр. 8—44, его же. Землянка-мастерская киевского художника XIII века. КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 5—15.

западной стеной бывш. Трапезной церкви Михайловского монастыря и оградой, опоясывающей бывш. монастырскую территорию со стороны ул. Жертв Революции (бывш. Трехсвятительской). Общая площадь участка около 300 м², однако окаймляющие его со всех сторон деревья и кустарники значительно сокращали площадь, доступную для раскопок.

Разведочные раскопы, общей площадью 60 м², дали возможность установить характер стратиграфии участка. Поздние разновременные ямы, прорезающие одна другую, глубокие фундаменты построек XVIII—XIX вв.

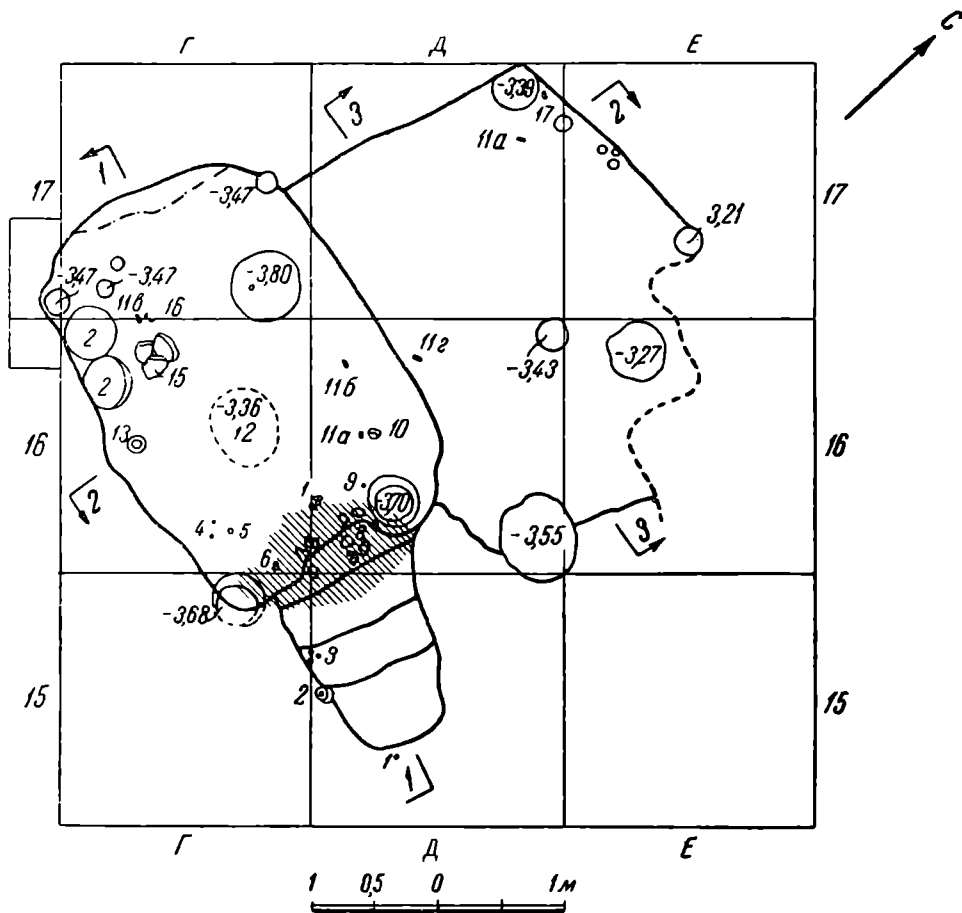

Рис. 1а. Киев. Землянка XIII в. План

1 — монета; 2 — горшок, глуб. 2,10 м; 3 — три гирьки, глуб. 2,20 м; 4 — две бронзовые чашечки, глуб. 3,20—3,25 м; 5 — медальон, глуб. 3,15 м; 6 — серебряная гривна, глуб. 2,25 м; 7 — куски стекла, глуб. 2,90 м; 8 — золотая серьга, глуб. 2,20 м; 9 — вторая монета, глуб. 3,15 м; 10 — ковш, глуб. 3,20 м; 11 — железные замки (а — глуб. 3,20 м, б, в — глуб. 3,30 м, г — глуб. 3,05 м, д — глуб. 2,98 м); 12 — угольное пятно и спекшееся зерно; 13 — зарытая в пол корчага; 14 — два жернова, глуб. 3,00—3,05 м; 15 — обломки жернова; 16 — бронзовая ручка, глуб. 3,30 м; 17 — железный ножик, глуб. 3,05 м

и несколько водопроводных и канализационных магистралей почти полностью уничтожили древние напластования на этом участке. Вплоть до материка, на глубину до 3—3,5 м, доходят заполненные почти сплошь современным мусором и различными строительными остатками огромные ямы.

Только в трех квадратах, расположенных у северо-западной границы участка, под напластованием верхних поздних слоев, ниже уровня двух, почти параллельно расположенных водопроводных магистралей, на глубине в среднем около 2 м от современной поверхности, в светложелтом материковом лёссе был прослежен неполный контур пятна ямы, в гумусированном заполнении которой уже в верхних горизонтах встречались разнообразные предметы XII—XIII вв.

Вскоре были обнаружены спускающиеся вниз ступени вырубленной в плотном материковом лёссе лестницы. Таким образом, не оставалось сомнений в том, что разведочный раскоп подвел нас прямо к входу в постройку полуземляночного типа домонгольского периода. Для раскрытия постройки площадь раскопок была утроена. После того, как верхние поздние напластования на всей этой площади были удалены, определились контуры прямоугольного в плане сооружения, от которого сохранилась нижняя его часть, углубленная в материк, заполненная обвалом верхних, наземных частей постройки и гумусными отложениями, образовавшимися в период длительного запустения участка.

По мере углубления раскопа находки разнообразных древних предметов становились все многочисленнее. Состав и характер их убеждали в том,

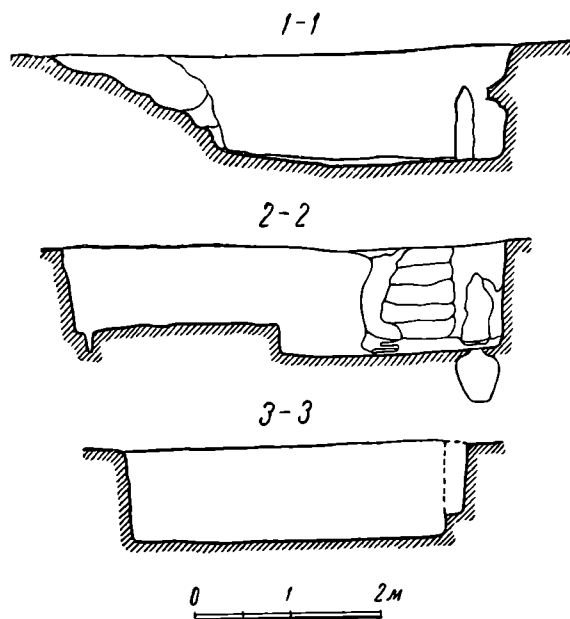

Рис. 16. Киев. Землянка XIII в. Разрезы.

что перед нами еще одно прекрасно сохранившееся жилище полуземляночного типа конца XII—XIII вв., дополняющее замечательный комплекс жилых и производственных сооружений, раскопанных на изучаемой территории в 1937, 1938, 1940 и 1948 гг.

Землянка 1949 г. (рис. 1а, 1б) состоит из двух примыкающих вплотную одно к другому помещений, полы которых находятся на разных уровнях: в основном (южном) помещении — на глубине 3,36 м от уровня современной поверхности земли, а во втором (северном) — на глубине 3,10 м; разницей в уровнях полов двух помещений создается уступ в 0,26 м высотой. Глубина подземной части постройки в главном помещении была 1,36 м, а во втором — 1,10 м. Обычная для известных нам киевских жилищ полуземляночного типа глубина заложения значительно меньше — 0,30 — 0,50 — 0,60 м.

Не вполне обычно для киевских жилищ XI—XIII вв. и соединение в постройке двух помещений с различными уровнями пола. Среди многочисленных киевских жилищ XI—XIII вв., раскопанных за последние полтора десятилетия, сочетание двух помещений, вплотную примыкающих одно к другому, встречено лишь один раз — при раскопках 1940 г. на участке, расположенном в ближайшем соседстве с землянкой 1949 г. Землянки I и II, раскопанные в 1940 г. у северной стены той же Трапезной церкви, не только вплотную примыкали одна к другой, но, как справедливо отмечал исследователь их, конструктивные столбы одной землянки

иногда являлись в то же время столбами второй¹. Однако в этом случае уровни пола двух помещений были одинаковыми. Из кратких описаний В. В. Хвойки явствует, что при его раскопках 1907—1908 гг. на усадьбе Петровского также попадались жилища, состоявшие из двух частей².

Необычность плана раскопанного в 1949 г. жилища вызывает естественный вопрос: являются ли обе части жилища одновременными? Не вырыта ли южная землянка позднее северной и притом тогда, когда последняя уже была заброшена и засыпана? Судя по плану, такое предположение как будто бы имеет некоторые основания: южное помещение врезается частично в южную часть северного помещения, и, следовательно, не исключено, что оба помещения были вырыты не одновременно — северное уже существовало, когда рыли углубленную часть южного. Гораздо важнее, однако, стветить на другой вопрос: было ли при постройке южного помещения существовавшее уже до этого северное помещение включено в новую постройку как его составная часть, или же, наткнувшись на развалины этой более древней постройки, с нею как с постройкой уже не считались.

Ответ на этот вопрос был получен в результате изучения инвентаря, найденного в обеих частях землянки, и характера их заполнения.

Заполнение южной части землянки несколько отличалось от заполнения северной части. В первой было значительно больше остатков горелого дерева, во второй заполнение состояло в основном из плотно слежавшейся глины. Повидимому, конструкция кровли различных частей жилища была не вполне тождественна.

Инвентарь, лежавший под завалом обрушившихся наземных частей постройки, распределялся весьма неравномерно: большая часть описанных ниже предметов находилась в южной части жилища, однако немногочисленные находки в северной части жилища по своему характеру ничем не отличались от находок в южной; в частности, на полу северной части было найдено и несколько хрустальных бус, основная масса которых была рассыпана на лестнице и на полу у нижней ступени в южной части жилища. Сказанное позволяет утверждать, что южная и северная части жилища, возникшие, повидимому, не вполне одновременно, к моменту катастрофы существовали как части единой постройки и одновременно были разрушены пожаром.

Северное помещение представляет собой в плане удлинённый прямоугольник (3,5 × 2,4 м) с несколько округленными углами; возможно, эта округленность не первоначальна и является результатом оплыва лёссовых стенок землянки. Во всех четырех углах северного помещения сохранились круглые ямы от вертикально стоявших столбов. Ямы в северо-восточном и юго-восточном углах имеют весьма значительный диаметр и глубину; наоборот, ямки в северо-западном и юго-западном углах значительно меньшего диаметра и неглубоки.

В северном помещении большая глубокая яма (глубиной 0,45 м) находилась в юго-восточном углу, несколько меньшая по диаметру и глубине (глубина 0,29 м) — в северо-западном углу и совсем незначительного диаметра — посередине северной стены (глубина 0,11 м). Северо-восточный угол северного помещения полностью разрушен поздней глубокой ямой. Вдоль сохранившейся западной половины северной стенки северного помещения сохранились еще четыре маленькие ямки, повидимому, с основной конструкцией землянки не связанные.

В средней части обоих помещений, ниже уровня пола, были расположены еще по две округлые в плане ямы. В одной из ям южного поме-

¹ Г. Корзухина. Отчет о раскопках на участке II Киевской экспедиции 1940 г. Архив Ин-та археологии АН УССР.

² В. Хвойка. Древние обитатели среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913, стр. 51.

щения, расположенной почти у южной стенки, был зарыт по горловину большой красноглиняный сосуд пифосообразной формы, подробно описанный ниже.

Печь находилась, повидимому, у западной стенки южного помещения, напротив входа. Здесь на лёссовой стенке сохранились куски обожженной докрасна глиняной обмазки. Внизу к обмазке прилипли угли. Здесь же, и особенно в северо-западном углу, был обнаружен завал брусковых кирпичей с продольными бороздками; повидимому, печь была не глинобитной, как обычно, а сложена из кирпичей. Брусковые кирпичи с продольными бороздками в качестве материала для кладки печи встречены нами в большой землянке XIII в., раскопанной в 1946 г. на Б. Житомирской ул.¹, и в землянке XIII в., раскопанной в 1948 г. на усадьбе Исторического музея².

Возможно, что две небольшие круглые ямки от вертикально врытых столбиков, сохранившиеся в западной части землянки, были также связаны с печью. В северном помещении никаких следов от печи не обнаружено.

Вход в главную землянку представляет собой несколько расширяющуюся книзу лестницу с вырубленными в плотном лёссе хорошо сохранившимися четырьмя ступенями.

Стенки землянки, пол ее и ступени лестницы никаких следов глиняной обмазки не имеют.

Заполнение южного помещения землянки состояло в основном из обвала сгоревших деревянных наземных конструкций, в частности кровли, а также из завалов кусков глинобитных стен постройки, порой докрасна обожженных, порой превратившихся в плотную слежавшуюся глиняную массу. Особенно большое количество обуглившихся обломков досок, балок, столбов находилось в нижних горизонтах и, в частности, на полу землянки. Среди остатков сгоревших наземных частей землянки и особенно под ними на полу найден также подвергшийся действию огня разнообразный инвентарь, находившийся в землянке в момент катастрофы. По количеству и разнообразию находок землянка 1949 г. может быть сопоставлена с «землянкой художника», раскопанной в 1938 г. неподалеку от землянки 1949 г.

Как и почти во всех других жилищах, раскопанных в Киеве, инвентарь землянки 1949 г. можно разделить на две группы: к первой относятся предметы, связанные с хозяйственным и личным бытом обитателей полуземляночного жилища, ко второй — предметы, характеризующие землянку как мастерскую.

К первой группе относятся прежде всего остатки разнообразной глиняной посуды, представленной как многочисленными обломками, так и несколькими целыми или почти целыми сосудами. Основную массу керамических изделий, находившихся в землянке, составляет кухонная посуда типичных для XII—XIII вв. форм. Это разного размера горшки с сильно отогнутыми венчиками, с одним или двумя ушками. По плечикам орнамент линейный, волнистый или в виде запятых. Почти целый горшок этого типа лежал на верхней ступени лестницы (рис. 2—1), второй, несколько большего размера, лежавший на полу землянки, был разбит на мелкие куски, но собран полностью (рис. 2—2).

Среди найденных на полу землянки фрагментов было несколько черепков, покрытых зеленовато-желтой или зеленой поливой. Некоторые сосуды имели поливу лишь на внешней поверхности, но встречались сосуды и с двухсторонней поливой.

¹ М. К. Каргер. Розкопки у Києві в 1946 р. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. I, Київ, 1949, стр. 11.

² М. К. Каргер. Раскопки в усадьбе Киевского Исторического музея. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. III, Київ, 1951.

Как и во многих других киевских жилищах XII — начала XIII вв., в землянке 1949 г. был найден фрагментарно сохранившийся белоглиняный ковш (рис. 2—3).

К числу обычных для киевских жилищ XII—XIII вв. глиняных изделий нужно отнести большой толстостенный красноглиняный сосуд типа пифосов, с широким низким горлом и с двумя ушками, сохранившийся в нашей землянке полностью (рис. 3—1). Сосуд был зарыт в землю; горловина его приходилась ниже уровня пола землянки и, повидимому, прикрывалась доской или плиткой. В раскопанных ранее жилищах, как нам уже несколько раз приходилось отмечать, такие сосуды, служившие для хранения зерновых запасов, стояли обычно в специально вырытых в полу

Рис. 2. Киев. Сосуды из землянки XIII в.

1 — горшок; 2 — горшок с ручкой; 3 — ковш

жилища углублениях. В таком положении сосуд этого типа, наполненный обгорелой пшеницей, был найден в «землянке художника» и в землянке VII, раскопанных в 1938 г. на территории Михайловского монастыря¹.

Среди керамических находок в землянке 1949 г. особого внимания заслуживает амфора. Большая часть обломков этого сосуда лежала на ступенях лестницы и отчасти на полу землянки у самой лестницы. Находка огромного количества бус (о них см. ниже) возле черепков амфоры позволяет предположить, что в сосуде в момент пожара хранились бусы. Амфору удалось собрать почти полностью, за исключением дна и одной ручки

¹ М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950. стр. 17, 21 и рис. 8, 29.

(рис. 3—2). Она имеет яйцевидную форму, характерную для сосудов этого типа, изготовлявшихся в Поднепровье в XII—XIII вв. Поверхность ее покрыта неглубоким рифлением. На амфоре по обожженной уже глине процарапан знак в виде пятиконечной звезды; выше, у самой горловины, более тонкой линией процарапан какой-то неясный рисунок. Ближайшей аналогией амфоре из нашей землянки является амфора, найденная на Ковшаровском городище¹.

К числу керамических находок в землянке можно отнести еще фрагмент половой майоликовой плитки, покрытой коричневато-синеватой поливой; плитка, несомненно, происходит из какого-нибудь близлежащего каменного здания и попала в землянку хотя и в древности, но случайно.

Рис. 3. Киев. Сосуды из землянки XIII в.
1 — большой сосуд для хранения зерна; 2 — амфора (корчага)

Наряду с глиняной посудой в землянке находились и различные деревянные сосуды и ларцы, от которых сохранились лишь обуглившиеся кусочки дерева. Возле северного столба была найдена железная дужка от деревянного ведра. На полу землянки были найдены куски обуглившегося круглого плоского сосуда, наполненного зерном кользы. Сам сосуд сохранился очень плохо, но зерно, превратившись под действием огня в обуглившуюся плотно спекшуюся массу, позволило восстановить форму деревянного сосуда, в котором оно находилось.

Остатки обуглившихся зерен пшеницы встречались на полу землянки весьма значительными скоплениями. Повидимому, хранившиеся в деревянных ларях запасы зерна, охваченные сначала пламенем пожара, потом под обрушившимися массами глинобитных стен жилища превратились в спекшиеся обуглившиеся массы:

Размол зерна производился тут же в жилище. Об этом свидетельствовала находка пары огромных каменных жерновов, лежавших в юго-западном углу жилища, неподалеку от печи. Тут же были найдены обломки второй пары жерновов, значительно меньших по диаметру и толщине.

¹ А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. «Научные известия Смоленского Гос. университета», т. III, ч. 3. Смоленск, 1926, стр. 237—238 и рис. 42.

Из других остатков пищи нужно отметить скопления рыбьих костей и чешуи.

Среди найденных в землянке предметов довольно значительное место принадлежит различным железным изделиям. В разных местах жилища найдено пять железных цилиндрических замков, ключ, нож, значительное количество гвоздей, кольцо и ряд предметов неизвестного назначения, потерявших форму в результате коррозии.

В землянке находилось немало изделий из бронзы, свинца и олова: две бронзовые круглые чашечки неизвестного назначения, бронзовая чашечка от весов и четыре свинцовые гирьки с различными знаками, бронзовая ручка от какого-то ларца (?), оловянная круглая ажурная подвеска

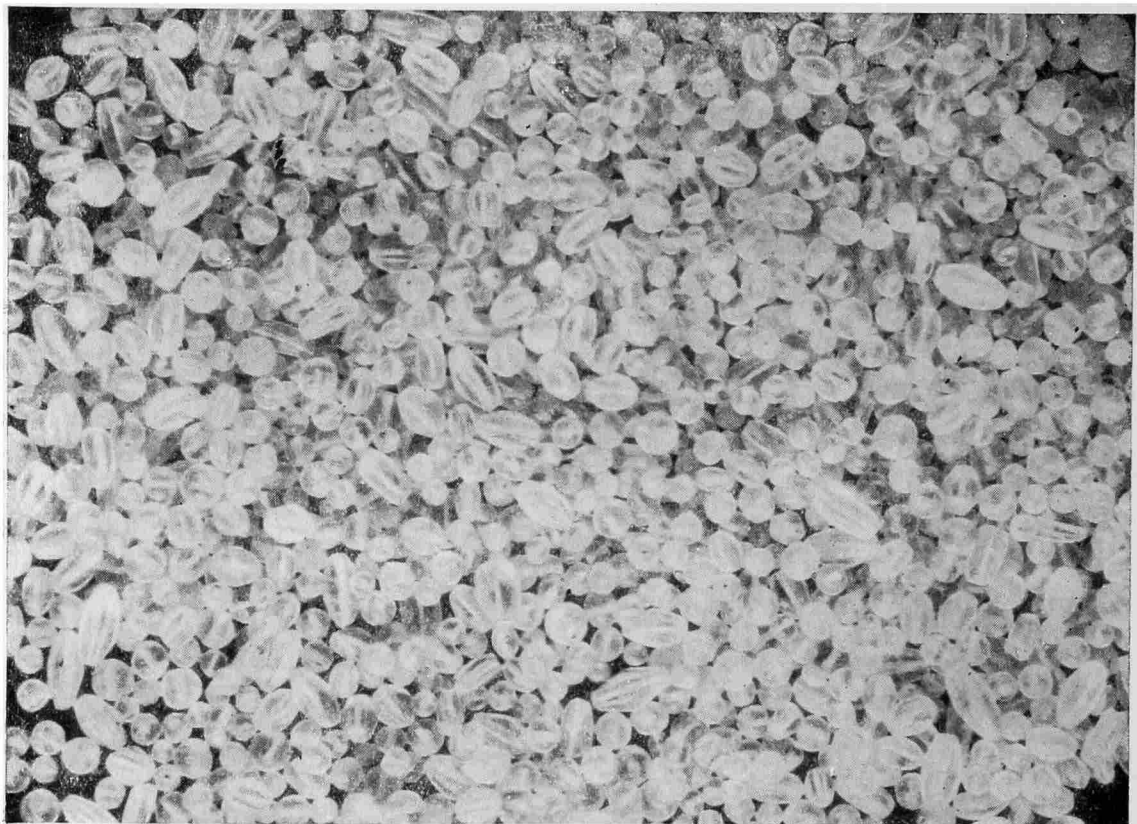

Рис. 4. Киев. Землянка XIII в. Хрустальные бусы

с крестом в середине. Кроме того, на полу землянки найдено много расплавленных от действия огня или испорченных коррозией бесформенных свинцовых, оловянных и бронзовых предметов:

К числу предметов личного имущества обитателей жилища нужно отнести, кроме перечисленных выше, фрагменты стеклянных витых и гладких браслетов и набор из 25 астрагалов для игры, о широком распространении которой в Киевской Руси с X в. свидетельствуют находки в богатых погребениях, жилищах и культурных слоях древнерусских городов X—XIII вв. наборов астрагалов, нередко украшенных разнообразными гравированными рисунками.

В верхних горизонтах заполнения землянки были найдены золотая трехбусинная серьга и серебряная монетная гривна киевского типа. Трудно сказать, при каких обстоятельствах эти драгоценные вещи попали в землянку.

Все перечисленные выше разнообразные предметы, найденные в заполнении углубленной части землянки и непосредственно на полу ее, отно-

сятся к числу широко распространенных в Киеве и других городах Среднего Поднепровья изделий, вырабатывавшихся в XI—XIII вв. многочисленными городскими ремесленниками. Некоторые типы предметов (корчага, пифосообразный сосуд, белоглиняный ковш, серебряная гривна) свидетельствуют о близости даты нашей землянки скорее к концу этого периода (XII — начало XIII в.), чем к началу его. Найденная в землянке медная византийская монета VIII в. не уточняет датировки жилища.

Перечисленный выше инвентарь, находившийся в землянке к моменту ее гибели, состоит из предметов, связанных с бытовыми нуждами обитателей землянки-жилища.

Значение раскопанной в 1949 г. землянки, однако, не ограничивается вышеизложенным. Предметы, характеризующие быт обитателей землянки, описанные выше, отнюдь не исчерпывают всего комплекса находок. На ступенях лестницы и на полу землянки возле лестницы найдено 1339 бус различного размера и формы; из них 1274 из горного хрусталя и 65 из сердолика (рис. 4).

Как уже отмечалось выше, судя по обстоятельствам находки, бусы перед гибелью жилища, повидимому, находились в корчаге. Выбегавший в спешке из горевшего жилища владелец в качестве самой драгоценной части своего имущества, вероятно, захватил с собою корчагу с бусами. Он был уже на верхней ступени лестницы, когда корчага вывалилась у него из рук и разбилась на мелкие куски. Около полутора тысяч бус рассыпались по лестнице. Может быть, лишь в овальном днище корчаги удалось вынести какую-то часть драгоценных изделий (напомню, что дна амфоры в землянке не оказалось).

Как попали почти полторы тысячи хрустальных бус в убогое жилище киевского горожанина XIII в.? Не может быть и речи о том, что полторы тысячи бус составляли какое-то ожерелье. Из такого количества, судя по известным нам по погребениям этой поры наборам, можно изготовить сотню, а то и две небогатых ожерелий¹.

Среди находок в землянке нет заготовок, не найдено в землянке и запасов сырья, как это было в «землянке художника», раскопанной в 1938 г., где наряду с готовой продукцией (янтарные бусы, крестики) было много заготовок, брака и значительный запас кусков необработанного янтаря.

Однако нельзя не обратить внимания на то, что некоторые бусины, сверлившиеся с двух концов, не просверлены насквозь, следовательно, не доделаны и к употреблению еще не годны. Некоторые бусины расколоты пополам.

В землянке не было найдено каких-либо инструментов, связанных с производством бус из горных пород. Обращает, однако, внимание значительное количество различных брусков для точки или шлифовки. Не являются ли эти шлифовальные бруски остатками несложного инструментария, которым пользовались в древности для производства бус?

¹ М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950 г., стр. 211 и рис. 151.

А. Л. МОНГАЙТ

РАСКОПКИ В СТАРОЙ РЯЗАНИ

1949 год был четвертым годом работы Старорязанской археологической экспедиции¹. К этому времени были исследованы валы, раскопаны притворы Борисоглебского собора и заложено несколько небольших раскопов на отдельных участках городища. Основные раскопки большой площадью в прошлые годы велись на северном, отделенном внутренним валом участке городища, который мы в дальнейшем будем называть «северным городищем». В большом раскопе (общей площадью свыше 1150 м²) были обнаружены жилища двух типов — наземное и полуземляночное и многочисленные остатки ремесленных производств. Удалось установить, что северное городище было основным ремесленным районом Старой Рязани в XII—XIII вв.

Задачей раскопок 1949 г. на северном городище было продолжение исследований ремесленных мастерских. Был расширен к востоку большой раскоп, в котором в предыдущие годы были найдены остатки металлургического производства; в нем и на этот раз обнаружен ряд производственных сооружений, в том числе керамический горн хорошей сохранности и домница.

Керамические горны в Старой Рязани находили и прежде. Еще в 1901 г. при раскопках Крейтона и Черепнина был найден горн, в котором обжигалась покрытая глазурью керамика. Но руководители раскопок не поняли сооружения, и лишь Б. А. Рыбаков в своем исследовании «Ремесло древней Руси» по отчету реконструировал старорязанскую керамическую печь. Судя по отчету В. А. Городцова, некоторые из открытых им глинобитных печей могли быть керамическими горнами, не понятыми в процессе раскопок.

Открытый нами керамический горн относительно хорошей сохранности: он двухрусный, сохранились топка и часть пода горна с тремя крупными отверстиями (продухами). Горн опущен в яму. Под горна находился на высоте 28 см от пода топки. Горн в плане был овальным. Свод обрушился, найдены его фрагменты. Горн небольших размеров и мог служить для одновременного обжига 25—30 горшков. Следы наслоений подмазок свидетельствуют о том, что горн эксплуатировался в течение длительного времени. Скромные размеры горна, а также его положение вблизи жилища свидетельствуют о том, что горн находился в индивидуальном пользовании ремесленника. Известные по этнографическим материалам XIX и начала

¹ Состав экспедиции 1949 г.: начальник А. Л. Монгайт, ст. научн. сотрудники Т. Н. Никольская, С. А. Изюмова, Н. П. Журжалина; научно-техн. сотр. Н. И. Орехова, В. И. Замерцева, Г. И. Зосимов, В. И. Музычкин; художник Б. И. Бродский.

Старорязанская землянка была перекрыта глинобитной четырехскатной крышей, обнаруженной в процессе раскопок, обрушившейся в яму. Она прослеживалась в виде полос и овальных колец обожженной глины и угля. Судя по наличию крыши, горн был постоянно действующим — не только

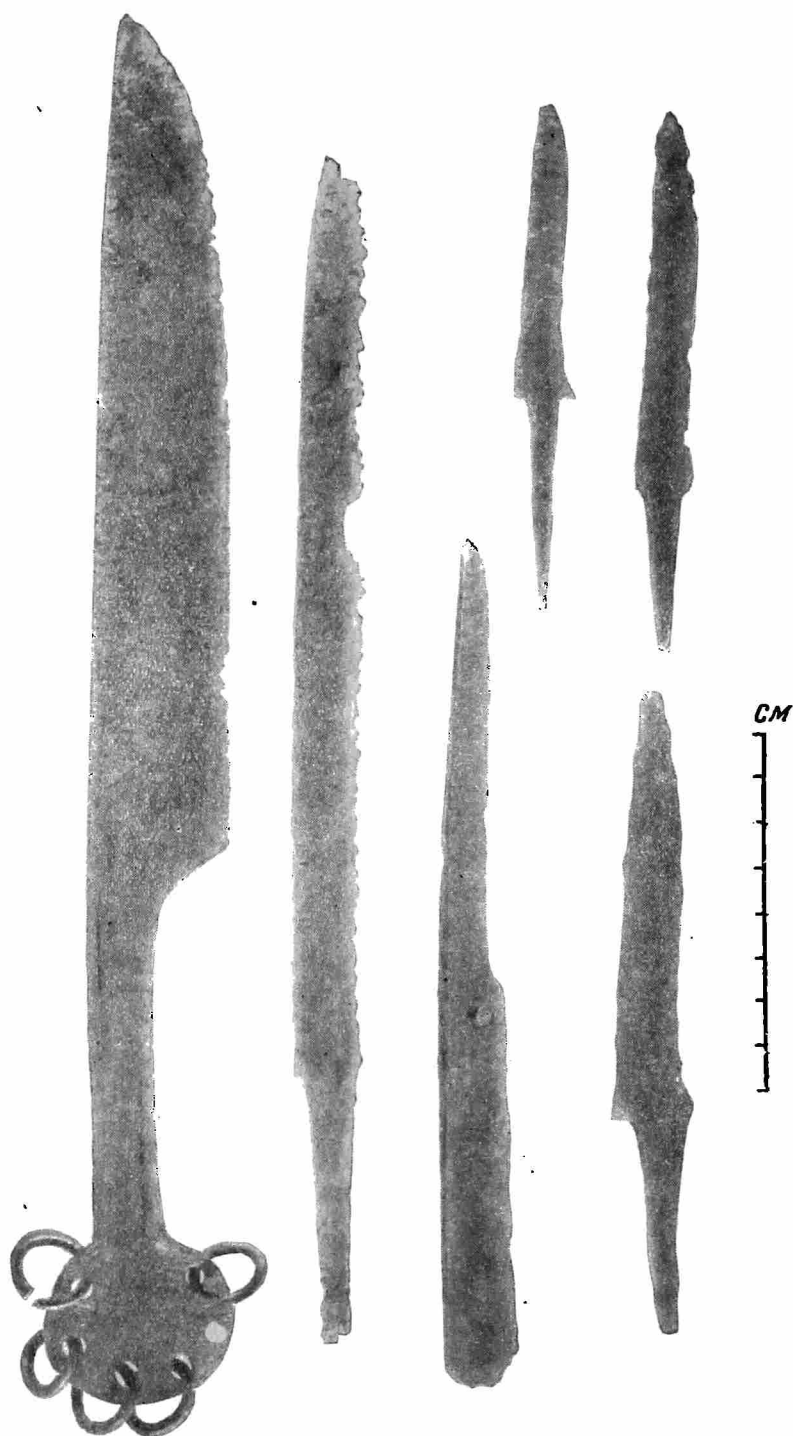

Рис. 6. Старая Рязань. Железные ножи (большой — из слоя XIII в., остальные из слоя X—XII вв.)

зимой, но и летом. Крыша предохраняла от дождя, который для горна опасней, чем снег. Находка сыродутной печи при раскопках 1949 г. позволила ясно представить состояние старорязанской металлургии в XII в.

Рядом с домницей располагались дома ремесленников. Во многих из них найдены следы металлообработки. Из раскопок 1949 г. металлографи-

Рис. 7. Старая Рязань. Наконечники стрел (нат. вел.)

ческому обследованию были подвергнуты 16 предметов из слоев X—XIII вв. Исследования, ведущиеся Б. А. Колчиным, показали высокий уровень старорязанского ремесла. Впрочем, технология обработки железа и стали общерусская, ничем не отличающаяся от таковой других крупных ремесленных центров. Основной технологический способ — наварка стали на железную основу того или иного изделия с последующей термической обработкой. Были подвергнуты исследованию 4 ножа (рис. 6). Выявлены три разные технологические схемы изготовления: 1) варка стальной полосы в сердцевину ножа. По стратиграфическим данным и по аналогии с ножами из дружинных курганов и из городищ X в., этот способ датируется X в.; 2) цементация, т. е. науглероживание поверхности железного ножа; 3) изготовление цельностального ножа. Два последние способа характерны для конца XI—XIII вв.

Кроме таких массовых городищенских находок, как керамика, ножи, гвозди, шиферные пряслица, стеклянные браслеты, встречен ряд предметов новых, ранее в Старой Рязани не встречавшихся. Из отдельных находок заслуживает внимания серия железных наконечников стрел (рис. 7—1, 2, 3); среди них: бронебойные трех- и четырехгранные (пирамидальные), (X—XII вв.), двушипная втульчатая стрела (рис. 7—4), характерная для юго-западных областей Киевской Руси (X—XII вв.) и для западноевропейских стран, срезни — сегментовидный (рис. 7—5) или обратно-треугольный и двурогий (рис. 7—6, XI—XIII вв.), трехлопастная стрела с утолщенным острием (рис. 7—7, X в.), «пламевидная» (рис. 7—8, 9, IX—XIII вв.)¹. Редкой находкой является обломок полотна лучковой пилы, сделанной из малоуглеродистой стали. Она аналогична пилам из Старой Ладogi и с Княжей горы. Эти находки служат одним из доказательств распространенности пил в русской деревообрабатывающей промышленности еще в XI в., а не в XVII в., как это совсем недавно считалось. Интересен набор костерезных инструментов: сохранилась пилочка, надетая на круглое кольцо, обломок ножа на этом же кольце и остатки какого-то третьего инструмента (рис. 8—2). Находка сделана вблизи костерезной мастерской, в которой найдено множество полуфабрикатов. Набор костерезных инструментов был найден и в Новгороде в 1948 г.² В яме, заполнение которой относится к XII в., найдена круглая медная подвеска с изображением Георгия Победоносца — всадника, поражающего дракона (рис. 8—3)³. Среди орудий труда ремесленников очень интересна матрица для изготовления тисненых колодочек (рис. 8—4). Колодочки — это маленькие серебряные или золотые столбики полуцилиндрической формы, во множестве встречаемые в кладах Киева, Чернигова, Поросья и на Верхней Оке. В Старой Рязани колодочки найдены в кладе 1868 г. и при наших раскопках. Матрицы найдены в Старой Рязани в 1926 и в 1948 гг. Наша находка 1949 г. представляет собой медную матрицу для изготовления колодочек с двумя схематическими личинами по краям. Прекрасно орнаментированная костяная поделка, вероятно, служила навершием посоха (рис. 8—5).

Вновь зарегистрировано множество клейм на днищах глиняных сосудов. Среди них любопытно изображение так называемого «знака Рюриковичей» (рис. 9—1). На гончарном сосуде в Старой Рязани такое клеймо встречается впервые.

Большие раскопки начаты на южном городище. Последнее сравнительно мало исследовано. Если не считать двух храмов, раскопанных здесь в 1836

¹ Датировка произведена А. Ф. Медведевым по типологическим данным.

² См. статью А. В. Арциховского, КСИИМК, вып. XXXIII.

³ Совершенно аналогичный медный образец найден в курганном могильнике XII в. близ д. Клименки Поречского уезда Смоленской губ. См. А. Спицын. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смол. губ. ЗОРСА, т. VIII, в. 1, СПб., 1906, стр. 201, рис. 49.

Рис. 8. Находки из культурного слоя Старой Рязани

1 — обломок медной гривны; 2 — пилочка с кольцом из набора костяных инструментов; 3 — медная подвеска с изображением всадника; 4 — матрица (медная) для изготовления тисненых колодочек; 5 — костяное оснаментированное навершие посоха; 6 — медный перстень; 7 — костяной цилиндр с буквами „Н. И.“; 8 — медная накладка на книжный переплет; 9 — медная булавка (все предметы в нат. вел.)

и 1888 г., то топография южного городища была почти неизвестна. В 1926 г. В. А. Городцов заложил здесь несколько траншей и раскопал южный притвор Борисоглебского собора. В 1946 и 1948 гг. мною были заложены в разных частях южного городища разведывательные раскопы. Был раскопан западный притвор Борисоглебского храма и найден ряд жилищ, отличавшихся от жилищ северного городища прежде всего наличием кирпичных печей. Тогда же удалось приблизительно определить местоположение третьего храма.

В 1949 г. основной раскоп на южном городище был заложен в южной его части, вблизи вала, и здесь были вскрыты фундаменты большой каменной церкви (рис. 10). Фундаменты церкви были частично раз-

Рис. 9. Старая Рязань. Находки из культурного слоя

1 — клеймо в виде так называемого знака Рюриковичей на днище сосуда ($\frac{1}{6}$ нат. вел.);
2 — надпись (Я К О В Т В) на кирпиче ($\frac{1}{2}$ нат. вел.)

рушены в 1735 г. (дата установлена по монетам, найденным в слое), когда производился выжиг извести из белого камня, находившегося в фундаментах. Вследствие этого почти не сохранилась кладка стен здания (кроме двух фрагментов), но весь план церкви удалось проследить по рвам фундаментов и по сохранившимся их частям. Церковь трехапсидная, шестистолпная. Размеры ее снаружи 31,6 м и 20 м. Между всеми столбами и лопатками стен идут ленточные фундаменты. Внутри

здания находились прямоугольные лопатки, а снаружи полуколонки, при- ставленные к прямоугольным пилястрам. Полуколонки выложены из фи- гурного кирпича. Кладка стен из плитчатого кирпича (толщиной 3,5— 4 см) на цемяночном растворе. Слои цемьянки по толщине равен ряду кирпичей. Большая часть кирпичей имеет клейма в виде отдельных букв или значков, а на нескольких кирпичах оттиснуто имя мастера: «Яков тв...», вероятно, «творил» (рис. 9—2). Надпись вырезана была прямо в форме и оттиснулась на кирпиче, как зеркальное отражение.

Фундаменты церкви сделаны в виде трапециевидных рвов (почти прямо- угольных, лишь слегка сужающихся книзу) глубиной 1,3 м, заполненных мелким бутовым камнем и залитых известковым ра- створом. Верхняя часть фундаментов и цоколь сде- ланы из плит белого кам- ня. Фундаменты значитель- но шире сохранившихся фрагментов стен. Лишь в алтарной части ширина фундаментов приблизи- тельно равна толщине стен. Устройство фундаментов Успенского храма анало- гично системе, принятой в архитектуре древнего Га- лича и владими́ро-суздаль- ских зданий. Там также фундаменты в верхней ча- сти примерно вдвое шире стены и имеют обычно не- глубокое заложение (1— 1,5 м).

Полы были выложены из специально сделанных плиток. Часть плит покры- та зеленой глазурью.

Церковь не совсем пра- вильно ориентирована по частям света — апсиды по- вернуты на юго-восток, а не на восток¹. Погребения внутри церкви уничтоже- ны, очевидно, при сломе храма. С южной стороны сохранилось кладбище, часть погребений которого

относится ко времени существования храма, часть же — позднейшего вре- мени и перекрывает фундаменты южной стены.

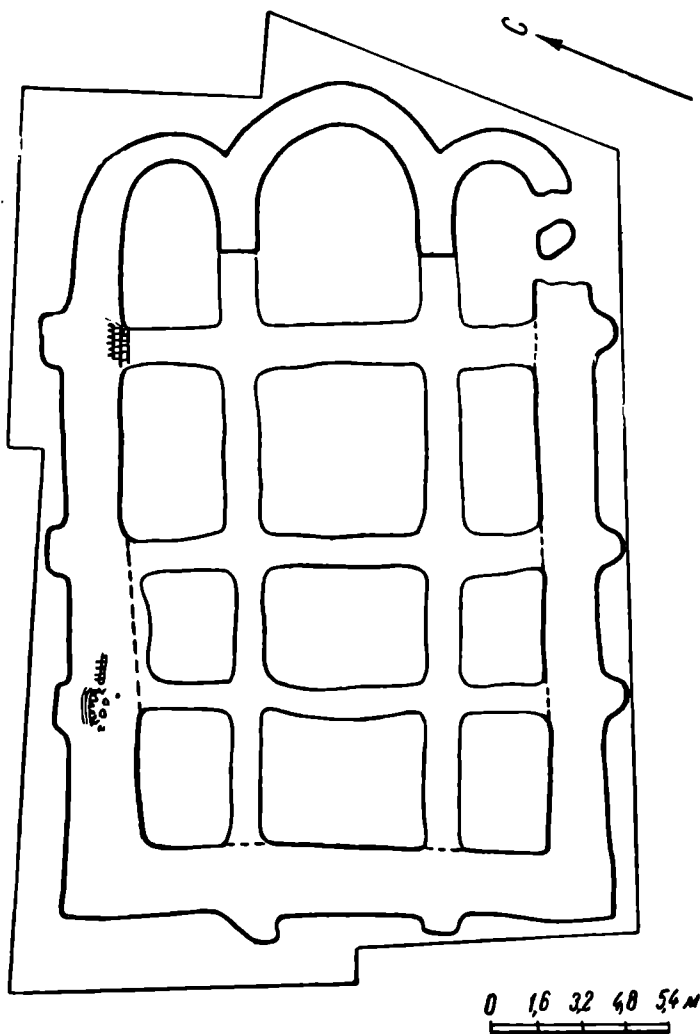

Рис. 10. Старая Рязань. Схема плана фундамента Успенского собора

¹ Обычно все древнерусские храмы неправильно ориентированы (с отклонением на юго-восток или на северо-восток). Очевидно, это объясняется определением востока по восходу солнца. В зависимости от времени года, когда закладывалась церковь, менялась ориентация. То же самое наблюдается и в других странах (см. С. J. P. Cave. The Orientation of Churches. «The Antiquaries Journal», vol. XXX, № 1—2, 1950). Ориентация старорязанского храма на юго-восток, вероятно, свидетельствует о закладке церкви во второй половине лета, что совпадает с праздником успения, которому посвящена церковь.

Найденное здание по своим размерам, строительной технике и пропорциям может быть датировано серединой XII в. Есть все основания предполагать, что нами вскрыты остатки Успенского собора, упоминаемого под 1237 г. в связи с Батыевым нашествием на Старую Рязань. В «Повести о разорении Рязани Батыем» церковь названа соборной «пресвятые владычицы богородицы честного ея успения». Батыем церковь была разорена: «а церкви все погореша, великая церковь внутрь погоре и почернеша»¹. Очевидно, она не была окончательно уничтожена в 1237 г. и была восстановлена, как и другие здания Старой Рязани, после возвращения сюда местных князей, которые, как утверждает «Повесть», «и церкви постави, и монастыри согради, и пришельцы утеша, и люди собра». Окончательное разрушение Успенского собора относится к позднему времени и, вероятно, связано с общим упадком Старой Рязани, уступившей свое место столице княжества Переяславлю-Рязанскому в конце XIV в.

Несмотря на феодальную раздробленность Руси в XII в., не было нарушено ее культурное единство. Единые строительные приемы, единство архитектурных замыслов характеризуют это явление в области зодчества. Поэтому в разных частях страны, в разных, подчас враждующих между собой, княжествах, мы встречаем однотипные здания. Однако естественней всего искать аналогии в тех княжествах, которые были связаны с Рязанью торговыми или политическими узами. И в самом деле, наиболее близкие аналогии рязанскому зодчеству мы находим в Черниговском княжестве, с которым больше, чем с какими-либо другими княжествами древней Руси, были связаны судьбы Рязани. Родство рязанских и черниговских князей, принадлежность Рязани к Черниговской епархии (до начала XIII в.) объясняют нам этот факт.

Успенский собор Елецкого монастыря (Чернигов) и по абсолютным размерам, и по приемам кладки, и по плану, и даже по клеймам на кирпичах сходен с рязанской Борисоглебской церковью (раскопки 1836, 1926 и 1948 гг.). Раскопками 1948 г. установлено, что притворы этой последней церкви пристроены в позднейшее время, и первоначальный храм был шестистолпной трехнефной церковью с одноапсидной крещальней в юго-западном углу — копией Елецкой церкви.

Открытый нами Успенский собор относится к тому же широко распространенному в XII в. типу шестистолпных трехнефных храмов. Все они восходят к Десятинной церкви в Киеве, которая послужила прототипом многочисленных древнерусских каменных зданий. Огромное значение для истории русской архитектуры имеет тот факт, что Десятинная церковь, древнейшее каменное здание, построенное в нашей стране (991—996 гг.), имеет ряд черт, глубоко отличающих ее от современных ей произведений византийского зодчества. Последующее развитие этого архитектурного типа в зданиях Киева, Чернигова и других русских городов показывает, что с самого начала русская каменная архитектура стала на свой, в значительной степени независимый от Византии, путь развития. Если большие пятинефные Софийские соборы можно в известной мере связывать с византийским искусством, то шестистолпные трехнефные храмы, отличающиеся простотой и компактностью плана, могут рассматриваться как национальный русский тип здания, непрерывно бытующий в течение нескольких столетий развития нашей древней архитектуры и наибольшего распространения достигающий в XII в. Необходимо также отметить устойчивость архитектурного типа Успенских соборов на Руси. Все храмы, посвященные этому празднику, довольно тесно по своему типу примыкают к Десятинной церкви² или к Успенской церкви Киево-Печерского монастыря.

¹ «Воинские повести древней Руси». М.—Л., 1949, стр. 9.

² Вероятно, Десятинная церковь также была Успенской (см. К. В. Шероцкий. «Киев», Киев, 1917, стр. 84).

Любопытен самый факт распространения на Руси и особого почитания праздника успения. Несомненно, это связано с древними языческими праздниками. Успение празднуется 15 августа старого стиля и приурочено к циклу натуралистических дохристианских праздников конца жатвы и начала осени. Успенские храмы стали главными храмами в важнейших городах и монастырях. Архитектурно близки к ним также широко распространенные Борисоглебские соборы. То, что праздник успения распространен в русской православной церкви шире, чем в греческой, то, что Борис и Глеб, как национальные святые, были широко почитаемы на Руси, и то, что храмы, посвященные им, однотипны, являются древнейшими на Руси и не похожи на византийские,— не служит ли все это доказательством мысли, что шестистолпные крестовокупольные общественно-культовые здания представляют собой национальный русский тип, воплощающий определенные архитектурные идеи? Как бы ни решали поставленный нами вопрос историки архитектуры, несомненной является древняя традиция подобных храмов, идущая от Десятинной церкви, затем Успенской Киево-Печерской («Великой Лаврской» 1079—1083 гг.). Этот киевский тип развивают и черниговский Спасский собор (около 1036 г.) и группа новгородских храмов: Николо-Дворищенский (1113 г.), храм Антониева монастыря (1117 г.), Георгиевский собор Юрьева монастыря (1119 г.). Прямо по образцу Успенской церкви Киево-Печерского монастыря были поставлены Успенские соборы в Ростове и в Суздале времени Владимира Мономаха.

Для реконструкции и датировки старорязанского Успенского собора наибольшее значение имеет группа зданий середины XII в., с которыми он имеет много общих черт (рис. 11). Это черниговские Борисоглебский и Успенский (Елецкого монастыря) соборы¹; киевские церкви: Успенская на Подоле («Пирогощая», 1131—1132 гг.) и Кирилловская (1140 г.); Успенская в Каневе (1144 г.); соборы владимир-волыньские: Успенский (1157 г.) и так называемый «Старая кафедра», Борисоглебский на Смядыни (1145—1146 гг.) в Смоленске, Успенский в Галиче, Успенский Андрея Боголюбского во Владимире (1158 г.). Конечно, все эти здания принадлежат к разным строительным школам, и поэтому мы можем отметить между ними сходство лишь в основных элементах, а не полные аналогии.

По пропорциям своего плана старорязанский Успенский собор ближе всего к Борисоглебскому на Смядыни, хотя и несколько больше его, и к Успенскому во Владимире-Волыньском. Сходство с первым проявляется и в строительных приемах: в устройстве фундаментов, размерах кирпичей в устройстве полов из схожих поливных плиток. При всей осторожности, необходимой при сопоставлении недатированных памятников, все же считаю необходимым отметить, что Борисоглебский монастырь на Смядыни построен Ростиславом Мстиславовичем в 1145—1146 гг., а к 1155 г. относится важный факт в истории рязанско-смоленских отношений, который в летописи отмечен в следующих словах: «...Ростислав Мьстиславичь Смоленский князь, целова хрест с братьею своею с Рязанскими князи на всей любви; они же вси зряху на Ростислава, имеяхуть и отцем себе»². Не было ли построение рязанского храма по образцу смоленского связано с этим дипломатическим актом?

Сравнение плана открытого нами фундамента Успенского собора с перечисленными выше памятниками того же круга дает основу для реконструкции плана рязанской церкви. Реконструкция сделана архитектором К. Н. Афанасьевым, подробно изучившим раскопочные данные и приме-

¹ Сходство Борисоглебского и Елецкого черниговских соборов с этой группой памятников лишь частичное, в центральной их части, т. к. недавно выяснилось, что Борисоглебский и, вероятно, Елецкий соборы были окружены с трех сторон галереями.

² Ипатьевская летопись, ПСРЛ, II, 79.

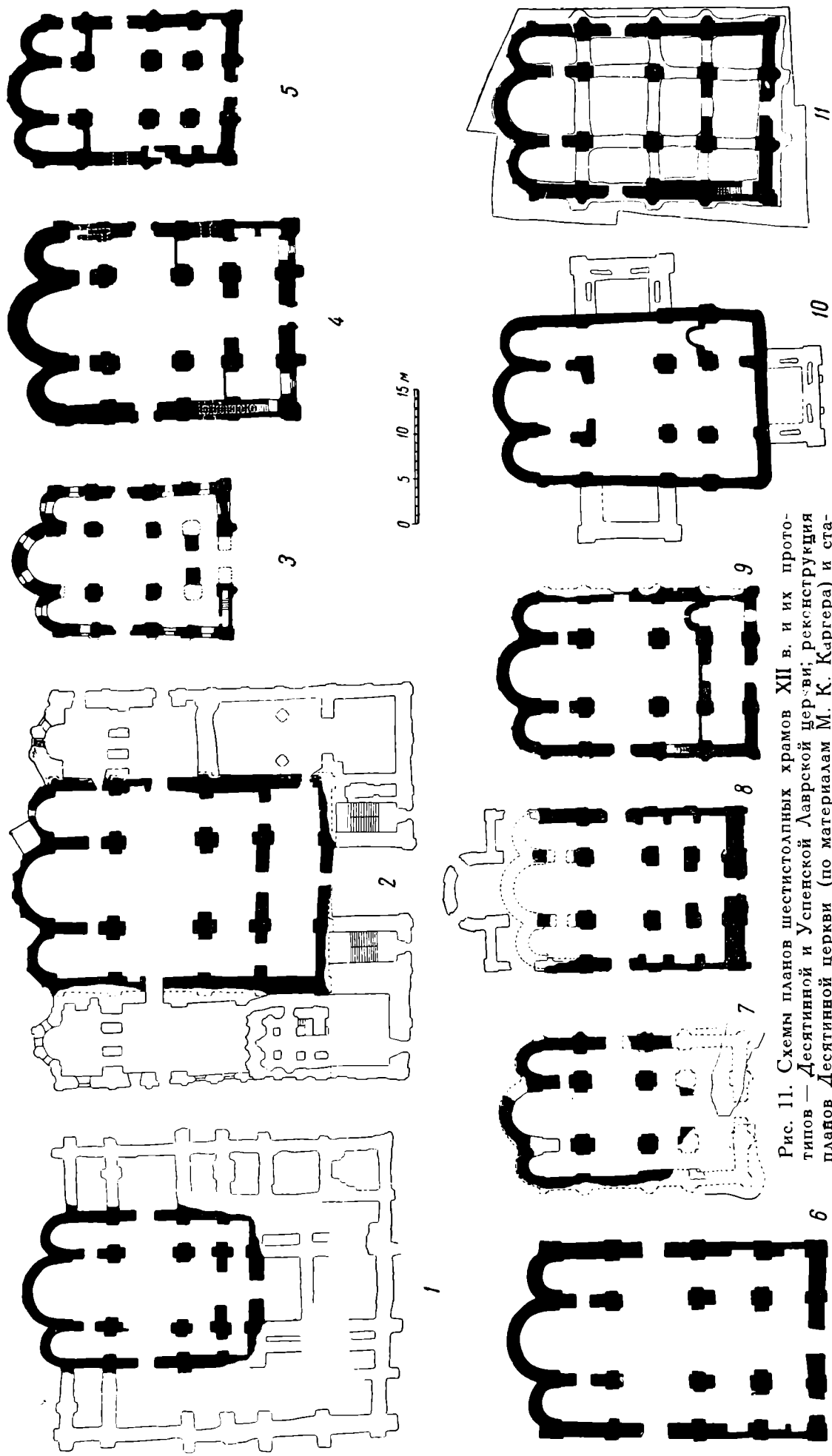

Рис. 11. Схемы планов шестистолпных храмов XII в. и их прототипов — Десятинной и Успенской Лаврской церквей; реконструкция планов Десятинной церкви (по материалам М. К. Каргера) и старорязанского Успенского собора (по материалам А. Л. Монгайта) сделана К. Н. Афанасьевым

1 — Десятинная церковь в Киеве; 2 — Успенская церковь Киево-Печерской лавры; 3 — Успенская церковь на Подоле в Киеве («Пирогощая»); 4 — Кирилловская церковь в Киеве; 5 — Успенская церковь в Каневе; 6 — Успенский собор во Владимире-Вольском; 7 — Успенский собор на Смядани в Смоленске; 8 — Борисоглебский собор в Чернигове; 9 — Успенский собор Елецкого монастыря в Чернигове; 10 — Борисоглебская церковь в Старой Рязани; 11 — Успенский собор в Старой Рязани.

нившим разработанный им метод, основанный на изучении пропорций древнерусских зданий. Подкупольное звено плана представляет собой квадрат со стороной, равной 6,16 м. Толщина стен и столбов храма определяется по сохранившимся и обнаруженным в раскопках фрагментам стен; при этом толщина стен оказывается равной $\frac{1}{5}$ исходного размера (т. е. стороны подкупольного квадрата), как это было принято у большинства зданий XI—XII вв. Южный неф храма равен половине ширины большого как продольного, так и поперечного нефов. Северный неф несколько шире южного, что связано с вероятным наличием в толще стены лестницы. На это же указывает утолщение в западной части северной стены. Полукруглые колонны по фасадам храма определяются найденными в раскопках

Рис. 12. Старая Рязань. Находки из культурного слоя — медный цилиндрок с изображением птицы (а) и стилизованного дерева (б) (увел. в 2 раза)

фрагментами. Однако форма углов храма, особенно по восточному фасаду, а также порталов, входа на лестницу, ведущую на хоры, полуколонки на апсидах нанесены на план по аналогии с другими храмами, но без достаточных данных раскопок. Особенно странным представляется, что в раскопанных фундаментах не отражено наличие углов храма по восточному фасаду. Подобная особенность известна в открытых раскопках Хвойки остатках церкви Св. апостолов в Белгородке: там также стена скругляется, переходя в апсиды. Однако архитектурное решение здания с подобным планом трудно себе представить, поэтому мы реконструируем восточные углы стен, хотя фундаменты в этих местах скругляются и переходят в фундаменты апсид плавной кривой.

Общее соотношение размеров храма в интерьере следующее. Полная длина храма изнутри относится к его ширине, как 3 : 5. Длина храма без апсид относится к его ширине как 3 : 2. Снаружи полная длина храма относится к его ширине, как 3 : 2¹, соотношение ширины и длины без апсид — 3 : 4.

¹ Для всех вышперечисленных храмов Киево-черниговской группы середины XII в. характерно соотношение длины к ширине как 3 : 2.

Для реконструкции внешнего облика здания мы имеем меньше данных, чем для реконструкции его плана. Снаружи здание было, очевидно, неоштукатуренным, с чередующимися рядами кирпича и розового цементного раствора. Кроме полуколоннок, единственным украшением здания, вероятно, служил аркатурный пояс с расположенным над ним поребриком, как мы это видим в Елецкой церкви. Основанием для этого предположения служит находка нескольких лекальных кирпичей, позволяющих реконструировать аркатурный поясок на фасадах храма.

На территории, вскрытой во время раскопок храма, сделан ряд вещевых находок; часть из них связана с церковным обиходом: таковы кресты из яшмы и медные энколпионы. Среди находок медная булавка (рис. 8—9); неизвестно назначение костяного цилиндрика с нацарапанными на нем буквами «Н. И.» (рис. 8—7) и медного с чернью и позолотой, на котором изображены птица и стилизованное дерево (рис. 12). Этот мотив широко известен в древнерусском прикладном искусстве; в Старой Рязани встречен на шитье XII в. (раскопки 1946 г.).

Таковы основные данные о вновь открытом памятнике рязанской архитектуры. Открытие в Рязани третьего большого каменного храма, самого большого в Старой Рязани и одного из крупнейших сооружений на Руси в XII в. вообще, еще раз подтверждает наш тезис о том, что Старая Рязань была одним из важнейших культурных и ремесленных центров древней Руси, роль которого в истории нашей Родины преуменьшается лишь вследствие утраты рязанских летописей. Археологические исследования восполняют этот недостаток и позволяют представить себе истинное значение этого города.

Вне территории Старой Рязани наша экспедиция вела раскопки Шатрищенского городища (в 2 км вверх от нее по Оке); здесь найдены городище Городецкого типа и усадьба XVII в.

Н. Н. ВОРОНИН

РАСКОПКИ В ГРОДНО

История довоенных раскопок в Гродно на Замковой горе (1933—1939 гг.), а также результаты предварительного изучения полученных при этих раскопках материалов во время командировок 1947—1948 гг. освещены в моей статье в вып. XXVII КСИИМК. Там же были сформулированы задачи раскопок 1949 г.: 1) завершить раскрытие Нижней церкви и 2) вскрыть оставшиеся небольшие участки к северу и югу от нее, чтобы получить точную стратиграфическую картину памятника, которая помогла бы восстановить научное значение в значительной мере депаспортизованного материала довоенных раскопок.

Раскопки 1949 г. были осуществлены совместными усилиями ИИМК и Гродненского историко-археологического музея на специальные ассигнования музея¹. Раскопки велись в пределах территории, на которой производились довоенные работы, перекрытой в настоящее время сплошной кровлей на множестве стоек, что чрезвычайно осложняло процесс раскопок. В этих границах нам оставалось вскрыть небольшие участки культурного слоя к северу и к югу от Нижней церкви. На северном раскопе площадью 44,5 м² (руководитель В. В. Седов) оставались напластования лишь русского времени, на южном, площадью 90 м² (руководитель А. В. Никитин), сохранилась и часть отложений литовской поры. По техническим условиям к северо-востоку и востоку от Нижней церкви можно было провести лишь узкие раскопы (северная траншея и восточный раскоп) с тем, чтобы освободить ее стены.

Не имея возможности излагать здесь подробно результаты этой части работы, познакомлю с ее общими выводами.

Прежде всего о стратиграфии, достаточно полно изученной к северу от Нижней церкви. Материк очень изрезан и перекрыт значительной толщей нивелировочного песчано-гумусного слоя смешанного характера, связанного со строительством Нижней церкви. В этом слое встречены отдельные фрагменты лепной текстильной керамики, говорящие о наличии поселения на Замковой горе задолго до возникновения феодального города. Этот этап в отчетах о раскопках за 1933—1939 гг. польскими археологами отмечен не был. Далее в этом же слое к северу и к югу от церкви и под фундаментом

¹ Состав экспедиции: Н. Н. Воронин (начальник экспедиции), А. В. Никитин (заместитель начальника), научные сотрудники В. Л. Янин, Л. В. Артишевская, В. В. Седов. К работе привлекались сотрудники музея: К. Ф. Кармишина, А. В. Ртищева, О. Г. Вульф, Е. В. Мясникова, Л. В. Алексеев, В. П. Костин (фотограф). Должен с особой благодарностью отметить большую организационную работу по осуществлению экспедиции и постоянное содействие ей директора музея Н. И. Соболя и его заместителя М. И. Мартынова.

южной башни («терема») прослеживаются следы большого пожара, охватившего весь мыс горы: в нивелировочном слое много смещенных обугленных бревен и скоплений угля. Следовательно, незадолго до превращения (в начале XII в.) Гродно в центр владений волинских Давидовичей на Замковой горе существовал поселок, погибший от пожара. Причины пожара не ясны.

Далее идет слой строительства Нижней церкви, свидетельствующий своим положением, что церковь была первым каменным зданием, сооруженным на этом месте. Выше — культурный слой с характерными находками XII в. Он невелик, содержит остатки срубных построек и перекрывается слоем разрушения Нижней церкви, относимого летописью к 1183 г. Профиль северной траншеи свидетельствует, что храм разрушался дважды и падал на север и северо-восток. Слои разрушения здесь очень мощны; между ними снова небольшая зона культурного слоя; таким образом, второе и окончательное разрушение храма произошло около середины XIII в. Далее идут отложения значительно более позднего строительства, связанного с обстройкой Гродненского замка Витовтом после пожара 1398 г.

На южном раскопе стратиграфия в основном та же, но там нет мощных слоев разрушения храма и лучше сохранились деревянные строения и мостовые русской и литовской поры. Особенно существенно, что здесь удалось проследить границу между этими этапами в жизни города. Она совпала с нашими предположениями и показала, что материал польских раскопок расчленяется иначе, чем это было сделано в польских изданиях; из 12 слоев польской стратиграфии русскому городу принадлежат слои с 4 по 12-й.

Были установлены также частные особенности топографии Замковой горы в XII—XIII вв. Так, например, выяснилось, что строительная площадка Нижней церкви с материалами для нее располагалась к северу от здания, что место к югу от храма не было застроено, пока он был цел, т. е. что здесь перед главным южным входом была открытая площадь. Застройка придвинулась к храму вплотную уже после его разрушения. На южном раскопе особенно ясно прослеживается, как в XIII—XIV вв. к руинам храма подходили мостовые из настилов на лагах (доски были введены в четверти, вырубленные в лагах) и срубные постройки. Как в польских раскопах, так и в наших — это главным образом хозяйственные клетки и амбары; печей в них нет.

Как указывалось выше, мы имели дело преимущественно с отложениями русского времени. Из немногочисленных вещевых находок, сделанных в этих слоях, отмечу, кроме обычных стеклянных браслетов и пряслиц, деревянные изделия. В связи с нивелировочным слоем была найдена лопата, может быть, употреблявшаяся в этих планировочных работах XII в., рукоять игрушечного деревянного меча с треугольным навершием (рис. 13—1); два предмета, которые вызывают споры (рис. 13—2, 3): один — детская игрушечная стрела, другой, возможно, обломок веретена (на него свободно надеваются все шиферные пряслица); деревянные рогули для кудели при прядении (рис. 13—4). Много костяных поделок — накладки, шилья, наконечники, гребни и др. Найдены и многочисленные полуфабрикаты из кости. Таков, например, олений рог со следами обработки и др. Керамика вся гончарная; особенно характерны для Гродно, а также Волковыска, сосуды с наlepным орнаментированным валиком; встречены обломки больших привозных амфор-корчаг, обломок игрушки-конька с желтой и коричневой поливой (рис. 13—5)¹. К коллекции гродненских литей-

¹ В отношении огромных керамических материалов довоенных раскопок была проделана большая предварительная работа, начатая в 1948 г. Ф. Д. Гуревич и продолженная в 1949 г. В. Л. Яниным. Должен отметить, что при разборке керамики найдены вещи, считавшиеся погибшими.

ных формочек прибавилась одна — для миниатюрной лунницы и овальной бляшки (рис. 13—6).

Отметим значительное (как и в довоенных раскопках) количество находок зерен злаков: ржи, гороха, проса, а также льна; часты находки скорлупы лесных орехов.

Особо следует сказать о костных остатках. Вместе с нашими сборами мы выделили и подвергли изучению частью уцелевшие в паспортизован-

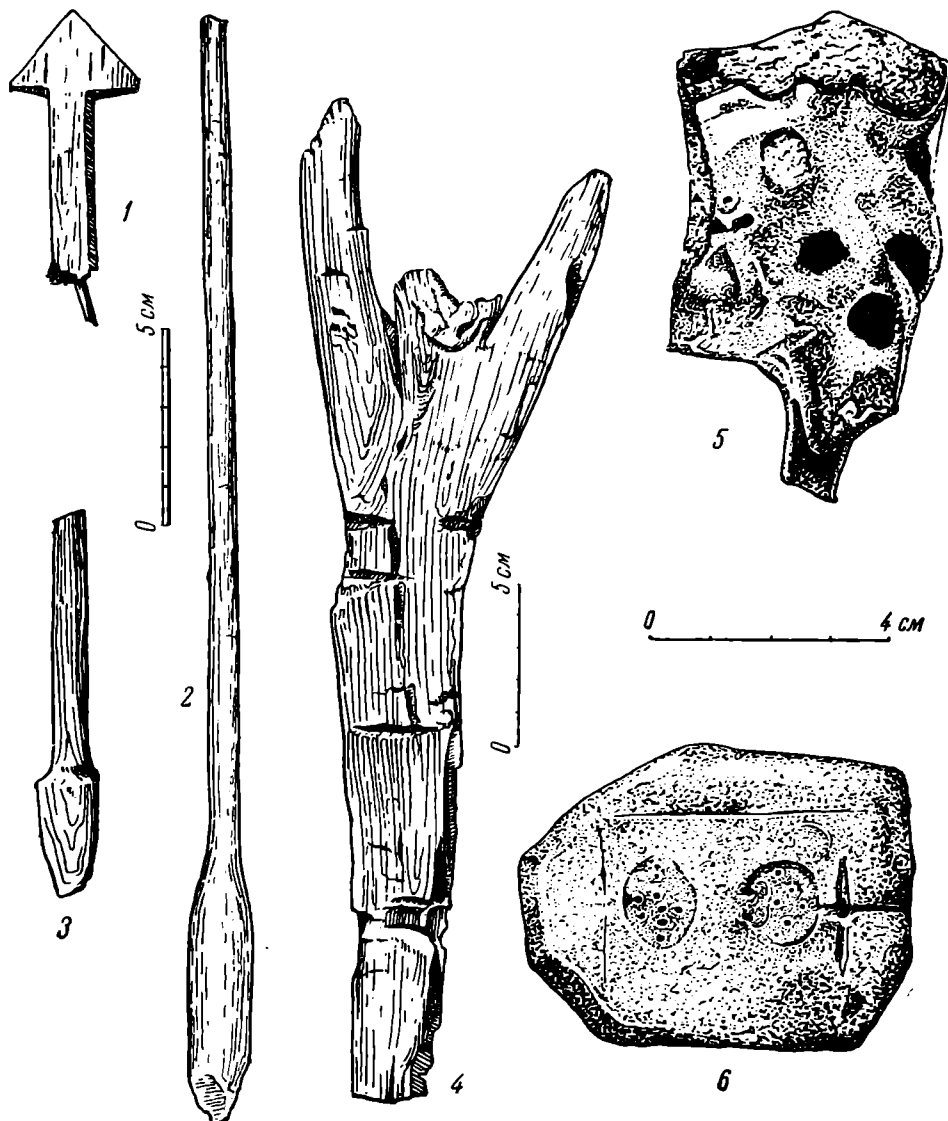

Рис. 13. Гродно. Предметы „русского“ периода истории города

1 — рукоять игрушечного меча; 2 — стрела деревянная игрушечная; 3 — обломок веретена (?); 4 — вилка для кудели; 5 — обломок полевой игрушки-конька; 6 — литейная формочка

ном виде большие материалы довоенных раскопок. В результате определения костей животных, сделанного В. И. Цалкиным, открылась весьма своеобразная картина, отличная от других русских городов; здесь решительно преобладали крупные мясные охотничьи звери — олень, зубр, кабан, лось; крупный рогатый скот, уступая охотничьему зверю по количеству, характеризуется мелкопородностью; основу небольшого стада составляли корова и свинья. Это своеобразие хозяйственной жизни древнего Гродно объясняется, видимо, тем, что перед нами не городская посад, а боевая крепость на русском порубежье; возможно, что ее гарнизон не имел большого стада и добывал мясо охотой. Этому благоприятствовали обильные крупным

зверем лесные массивы Гродненщины. Охарактеризованный состав костных остатков не меняется и в литовское время¹.

По предварительным наблюдениям над вещевым материалом русских и литовских слоев можно говорить о сходстве материальной культуры обоих этапов. Для русского Гродно особенно важно подчеркнуть общность его материальной культуры с другими русскими городами домонгольского времени.

Второй темой экспедиции 1949 г. было раскрытие Нижней церкви. Этот памятник был открыт И. Иодковским, который окопал его снаружи с запада, юга и частью с востока, а внутри вскрыл западную четверть, в которой в юго-западном углу сохранились остатки круглой лестницы на хоры, а в северо-западном углу было погребение². Частично была вскрыта восточная стена диаконика, обнаружившая своеобразный прием врезки плоской дуги апсиды в стену. Таким образом, выявились основные черты второго храма XII в. в Гродно³. Однако внутренняя полость церкви оставалась заполненной мощной (до 3 м) каменно-кирпичной толщей, ограниченной с запада врезающейся сверху поздней кирпичной аркадой XVIII в. С востока на северо-восточный угол храма налегали остатки стены XIV—XVI вв. и ее фундаментов⁴. Вскрытие этого заполнения Нижней церкви должно было пролить свет как на дату Верхней церкви, так и на историю разрушения Нижней.

Рис. 14. Гродно. Золотой перстень из погребения № 1 в руинах Нижней церкви

Верхняя зона каменного массива представляла собой навал огромных булыжников, частью скрепленных известковым раствором, являвшийся мощным фундаментом Верхней церкви (до 1,20—1,50 м). Далее начинался слой руин Нижней церкви. В его верхней части над средним нефом

выступила небольшая продолговатая прямоугольная кладка из старого кирпича-плинфы, сильно разрушенная выше лежавшим булыжником и оказавшаяся надгробием погребения (№ 1), опущенного в щебень на 1,0 м. Костяк лежал головой на запад, руки вдоль туловища, кисть правой заходит под бедренную кость, кисть левой — в области таза. Следов гроба нет. Костяк сильно разрушен и вдавлен в щебень. Около раздавленного черепа остатки истлевшего позумента, под черепом — обрывок холстяной повязки, справа и слева в области уха — обломочки круглых ажурных подвесок — серег. На пальце левой руки — золотой перстень с неграненым красным камнем, гнездо которого держат по сторонам львиные или драконьи головы (рис. 14). К северо-востоку от этого погребения, также в слое щебня Нижней церкви, было вскрыто второе погребение (№ 2) без вещей и гроба; положение костяка такое же, как и в первом. К востоку от погребения № 1 прослежено совершенно разрушенное детское погребение; костяк лежал головой на запад (№ 3). Наконец, над северным нефом Нижней церкви было вскрыто погребение (№ 4) девочки-подростка 14—15 лет; голова на запад; руки скрещены на поясице; на правой руке ниже локтя — обломки фиолетового стеклянного браслета, на пальце правой руки — плетеный серебряный (?) перстенок; у шеи собраны мелкие бисерные охристые и фиолетовые бусы с медными спиральными пронизками и две раковины каури, видимо, также входившие в состав ожерелья.

¹ Описывая смерть польского короля Казимира в Гродно, летописец отметил, что он жил больше в Литве, «для того и ж в Литве велми роскошных ловов различных зверей много, гдеж во всяких панствах такового зверу нет, а король Казимир велми ловы любил»; в Гродно он особенно любил жить «для роскошных ловов» (ПСРА, XVII, 551).

² Данных о его характере нет.

³ Общую характеристику памятника см. в КСИИМК, вып. XXVII, стр. 144.

⁴ Там же, рис. 52.

Таким образом, в истории руин Нижней церкви был такой этап, когда она стала маленьким кладбищем. Самым ранним погребением является последнее — девочки со стеклянным браслетом, оно относится скорее всего к середине XIII в. Два других трудно определимы, но по положению тела с вытянутыми руками без гроба в неглубокой яме, вырытой в щебне, они близки описанным А. А. Спицыным могилам Черной Руси XIII—XIV вв.¹, т. е. относятся уже к литовской поре в жизни Гродно.

В процессе раскопки этой зоны руин были прослежены остатки кирпичной вымостки, назначения которой установить не удалось. Она была выложена из целого и битого кирпича Нижней церкви и прорезалась погребениями № 1, 2 и 3; только раннее погребение девочки лежит в стороне. Была ли здесь какая-то часовенка или это открытое замощение — сказать трудно.

С запада эта вымостка прорезана глубокой, почти прямоугольной ямой, уходящей глубже пола Нижней церкви; она заполнена песком и щебнем с многочисленными обломками красноглиняной и черной лощеной посуды, обломками литовского брускового кирпича, отбросами костерезного производства и костями животных. Связана ли эта яма с погребениями — остается не ясным; глубина ямы более 2 м, ее дно упирается в булыжник фундамента Нижней церкви, верх же почти доходит до фундамента Верхней.

Сопоставление расположения погребений с планами Верхней и Нижней церквей показывает, что они не связаны ни с той ни с другой.

Следовательно, после окончательного разрушения Нижней церкви здесь еще в XIII в. начались погребения и была сделана попытка как-то благоустроить участок кирпичной вымосткой; последняя вскоре покрылась новой осыпью стен храма, в которой легли погребения литовской поры XIII—XIV вв. Затем они были, видимо, забыты и завалены булыжным слоем фундамента Верхней церкви. По уровню и характеру своему этот фундамент связан с остатками стен к северо-востоку от Верхней церкви, которые относятся к строительству Витовта после пожара Гродно в 1398 г. Таким образом, и Верхняя церковь принадлежит этому строительству, вопреки польской датировке памятника XIII веком и в согласии с ранее высказанным нами предположением.

Слой заполнения Нижней церкви от уровня поздней вымостки и погребений и до пола XII в. представляет собой толщу руин храма — кирпичный щебень с известью и множеством обломков голосников. В профиле руин, как и в окружающем Нижнюю церковь слое, ясно читаются пласты двукратного разрушения храма. Граница между ними обозначена небольшой прослойкой гумуса. В нижнем пласте первого крушения храма удалось проследить остатки отдельных частей здания: часть отслоившейся кладки второго южного столба (рис. 15—1), часть арки, рухнувшей меж западными столбами. Этот первый пласт разрушения покрылся тонким слоем гумуса, над которым вскоре образовался второй пласт руин.

Быстрое разрушение здания было результатом ряда технических причин; укажу главные. Его фундамент представляет собой насыпь мелкого булыжника, пересыпанного землей; толщина его не более 40 см; кладка из кирпича сочеталась с большими булыжными камнями, введенными и внутрь стены, и в ее наружную обработку, что ослабляло кладку; перевязь кирпича соблюдалась мало. Разрушение храма началось, видимо, очень скоро после его постройки. У его восточной стены были обнаружены под первым слоем разрушения храма остатки деревянных конструкций, повидимому, подпиравших стену в местах расселин. Храм кренился к северу, что

¹ А. А. Спицын. Предполагаемые древности Черной Руси. ЗОРСА, нов. серия, т. XI, вып. 1—2.

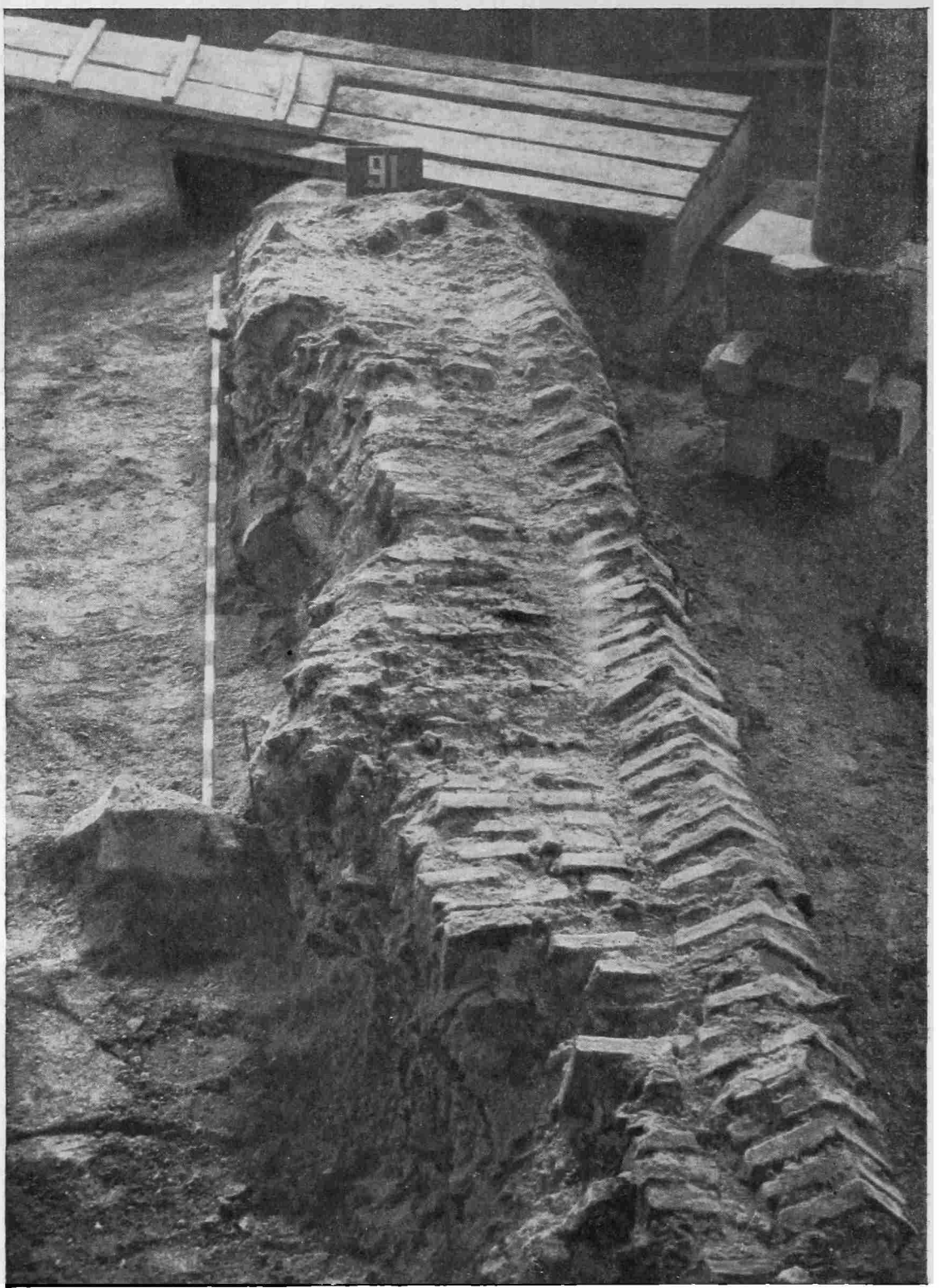
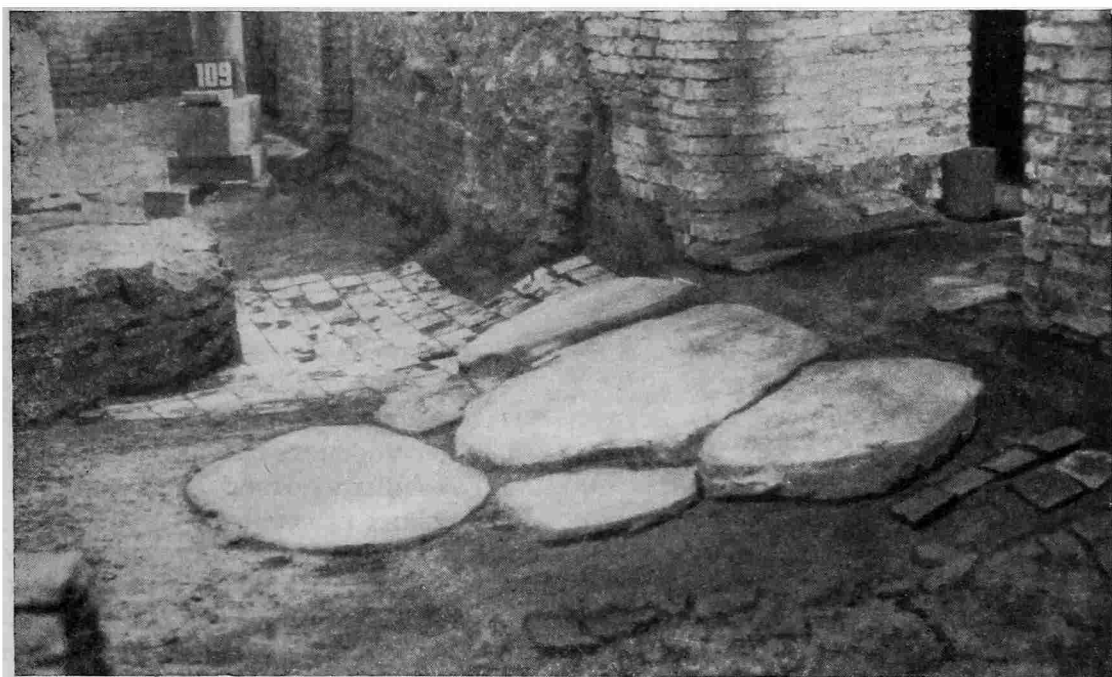

Рис. 15а. Гродно. Нижняя церковь. Упавшая часть столба

видно по уклону северной и западной стен и по мощности слоев разрушения к северу от Нижней церкви — его северная стена покоилась не на материке, а на нивелировочном слое. Однако северная стена сохранилась удовлетворительно, тогда как наружная кладка северной части восточной стены оказалась крайне разрушенной как давлением фундаментов прошедшей над этим участком стены XIV в., так и конденсацией под ними влаги.

Может быть, в связи со скоро начавшимся разрушением храм не был расписан. На сохранившихся участках стен хорошо видна их первоначальная фактура с затиркой выступавшей из швов извести. Кирпич в ряде случаев сохранил отпечатки копыт мелкого рогатого скота и лап животных. Но ни на одном из них нет клейм мастеров, столь обильных на кирпиче

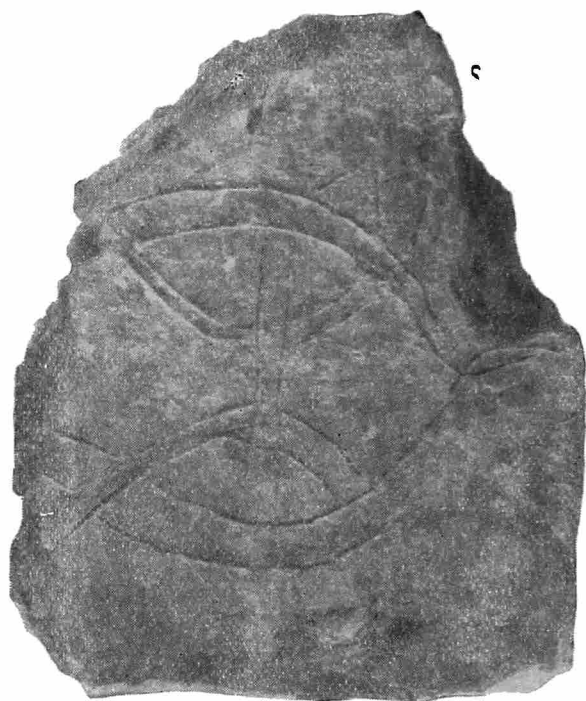
156. Гродно. Нижняя церковь. Вымостки у входа и пол южного нефа

башен гродненской крепости XII в. Зато найдены два кирпича с графитти: на одном нечто вроде «чертежа» — прямоугольник с крестом, на другом — орнаментальный мотив (рис. 16—1). Из деталей, дополняющих наше представление о композиции погибшего памятника, отмечу кирпич в форме половины восьмигранника, происходящий, видимо, от столба двойной аркады хор.

В алтарной апсиде пол совершенно не сохранился, только по краю полукружия уцелели отдельные, смещенные падением стен майоликовые плитки; на остальном пространстве алтаря на плотно утрамбованной песчаной основе, сохранившей кое-где следы известковой подливки, прослеживались угольные пятна, может быть, от сгоревших икон или деревянных частей оборудования алтаря.

В жертвеннике и северном нефе пол сохранился хорошо и представляет собой набор из желтых, зеленых и коричневато-красных майоликовых плиток, уложенных по диагонали к оси храма. Пол в диаконике сохранился лишь в проходе, где к квадратным плиткам присоединяются две перекрещивающиеся каймы из фигурных, входящих одна в другую плиток в виде римской цифры V. Перед южным порталом выложен как бы каменный «коврик» из плоских валунов розовато-сиреневого и серого тона, обложенный майоликовым «паркетом» (рис. 156). Перед восточными столбами

прослежена лишенная майоликового настила и заполненная углем полоса, пересекавшая храм поперек и являвшаяся следом алтарной, видимо деревянной, преграды.

1 CM

1

2

Рис. 16. Гродно. Граффити на кирпиче Нижней церкви (1); медная позолоченная пластина с гравированным изображением св. Федора (2)

На краю плитчатого пола жертвенника, рядом с преградой, была найдена медная, сохранившая местами позолоту пластина, с гравированным изображением в круге и орнаменте святого Федора (рис. 16—2). Эта пластина вполне аналогична изданным нами ранее пластинам с изображениями в кругах Павла и Симеона¹. По линии алтарной преграды были собраны различные гвозди, костыли и крюки, на которых держались ее конструктивные элементы и вешались иконы и пелены. Здесь же около южного алтарного столба были найдены мелкие обломки медных вырезных пластинок, аналогичных по технике и орнаменту названным пластинам. Видимо, все они входили в состав декоративного убранства преграды — они сохранили отверстия для маленьких гвоздей.

В западном полутемном нефе под хорами пол был не майоликовый, а кирпичный. Он составлял как бы нарочитый контраст с наиболее богатым участком пола в центральной части среднего нефа под главным куполом. Пол сохранился очень фрагментарно, но его остатки позволяют реконструировать общую композицию: в квадратном поле в прямолинейных рамах из желто-зеленой плетенки размещены крестообразно пять желтых кругов с крестами. На этом же участке орнаментального пола была найдена медная литая фигурка святого — возможно, украшение паникадила.

Для композиции плана храма, кроме плоской апсиды и скрытых в толще стены боковых апсид, характерны тонкость стен

(1,06 м), отсутствие лопаток на углах и срез углов под 45°. Судя по особенностям размещения столбов, композиция объема здания была асимметричной: четыре западных столба более мощны, чем алтарные, они

¹ КСИИМК, вып. XXVII, рис. 54.

несли главу храма, которая была, таким образом, сдвинута к западу. Легкость восточной пары столбов свидетельствует о меньшей нагрузке восточной части здания. Если были малые главы, то они могли размещаться лишь над хорами, так что храм мог быть лишь трехглавым. Его внешнее убранство было очень богатым: цветные глыбы частью полированного камня выступали на поверхности нижних частей стен здания, выше шла более мелкая и легкая обработка майоликовой плиткой и майоликовыми зелеными чашами. Однако храм уступал в декоративном богатстве гродненской же Коложской церкви: его лопатки проще, набор камней крупнее и грубее, не было сложного узора из крестов. Нижняя церковь предшествует Коложской, но в ней уже выражены в полной мере те своеобразные черты, которые свойственны гродненской школе русского зодчества домонгольской поры.

Б. А. РЫБАКОВ

РАСКОПКИ ВО ВЩИЖЕ В 1948—1949 гг.

Древнерусский городок Вщиж известен по летописям с 1142 г., а в 1160-е годы он был центром небольшого княжества, вассального по отношению к Чернигову. Раскопки 1840-х годов вскрыли остатки церкви XII в. и ряд замечательных вещей, заставивших обратить внимание на это городище¹.

Систематические работы во Вщиже и его окрестностях были начаты под руководством автора этих строк в 1940 г., и, будучи прерваны войной, возобновились в 1948 г. В 1949 г. Вщижская экспедиция называлась Деснинской; в работах ее принимали участие ИИМК АН СССР, ГИМ, МГУ и Московский областной педагогический институт.

В задачи экспедиции входило широкое изучение всех археологических памятников на берегах р. Десны в районе Вщижа. Разведки по Десне и ее притокам, начатые в 1940 г., велись и в дальнейшем. Обнаружены неолитические стоянки и поселения эпохи бронзы.

Особый интерес представляют хорошо сохранившиеся курганы среднеднепровской культуры в урочище Бельнец на левом берегу Десны, в 3 км от Вщижа. В группе 18 курганов, высота их от 0,4 до 3 м, диаметр от 10 до 23 м. Расположены они на территории поздненеолитической стоянки. Погребения в ямах содержат керамику среднеднепровского типа, сверленные полированные топоры, кремневые наконечники и ножи. Раскопано 4 кургана; отчет о них будет публиковаться В. В. Кропоткиным.

Значительное внимание экспедиция уделяла юхновской культуре; выявлены и частично изучены юхновские поселения. Раскопки производились на Овстугском городище (Л. В. Артишевская), давшем остатки сгоревших сооружений, рогатые кирпичи, юхновскую керамику и бронзовую гривну.

Разведывательные раскопки производились на городище у с. Воробейни. Село упоминается в летописи под 1160 г.; археологическими остатками летописного села является обширное селище со славянской керамикой и стеклянными браслетами. Городище, усеченно-конической формы, оказалось юхновским. Наружных следов вала не сохранилось, но в раскопе, заложенном на краю городища, оказался незначительный древний вал высотой около 1 м со следами плетня по гребню. В другой части городища обнаружено 16 тонких пожарных прослоек, оставшихся, по всей вероятности, от

¹ Поляновский. Село Вщиж. «Санктпетербургские ведомости», 1844, № 93, 94; А. С. Уваров. Древний храм во Вщижском городище. «Сборник мелких трудов», т. I, М., 1910, стр. 386—388, табл. СХХ; И. Е. Евсеев. Исследование городищ и курганов в бассейне верхнего (орловского) течения реки Оки. «Труды Моск. Предварительного комитета по устройству XIV археологического съезда», вып. II, М., 1908, стр. 46—52.

Библиография Вщижа насчитывает около двух десятков названий.

сторания легких плетеных жилищ с соломенными кровлями. В одной из верхних прослоек найден бронзовый колокольчик V—VII вв., имеющий ряд аналогий в древностях более южных областей (например, Суук-Су). Эта находка позволяет датировать верхний горизонт юхновской культуры.

Из памятников юхновской культуры наибольший интерес представляет городище Благовещенская Гора, расположенное рядом со Вщижским на том же берегу Десны и отделенное от него лишь небольшим ручьем. Работами 1948—1949 гг. вскрыта почти вся площадь городища, за исключением оползшей его части. Выяснилось, что половина городища была смыта рекой. Следы пребывания здесь человека относятся к эпохе белынецких курганов (кремневые полированные клинья и керамика); есть черепки киммерийского времени, но основной культурный слой относится к юхновскому времени. Есть одна землянка роменского типа с зерновой ямой и очень незначительное количество черепков XI—XIII вв. На городище много погребений XV—XVII вв. Здесь, по преданию, была церковь с погостом, чем и объясняется название городища.

Особенно важным на Благовещенском городище является комплекс сооружений, который предположительно можно связывать со святилищем. На городище совершенно отсутствуют следы обычных юхновских жилищ, нет характерных грузил и пращных камней. Вдоль вала внутри городища шло подковообразное сооружение, половина которого была уже ранее разрушена рекой. Сооружение представляло собой землянку шириной в 5 м, с продольными земляными лежанками. Стена, примыкавшая к валу, состояла частично из плетня с массивными подпорами для крыши; стена, выходящая на городище, была из вертикальных бревен, тоже с подпорами. Вход был в средней части «подковы». Ни очагов, ни обычного юхновского инвентаря здесь не было. Длина сохранившейся части 30 м.

Остальные сооружения располагались внутри «подковы», подчиняясь ее планировке, в следующем порядке: неподалеку от входа шел частокол, а далее стояли отдельные массивные столбы (диаметр ям 30—40 см), расположенные полукругом. У подножия некоторых из них найдены целые сосуды-кубки баночной формы. Один из сосудов в виде массивной глиняной трубы (изогнутой, как носик чайника) украшен стилизованным изображением звериной морды с округлыми ушами и близко поставленными глазами (медведь?). На краю городища, около конца подковы, прослежено большое зольное кострище и найдено несколько рогатых кирпичей.

На Благовещенском городище найдены черепки посуды разных размеров, преимущественно с гребенчатым и ямочным орнаментом юхновского типа, ножи с горбатой спинкой, обломки глиняных литейных форм для гривен и других предметов, бронзовое кольцо с грубой зернью (IV—III вв. до н. э.), костяное изображение птичьей головки и другие вещи.

Благовещенское городище представляется большим племенным святилищем, расположенным вдалеке от обычных жилых городищ. Здесь было огромное помещение для собраний и трапез (общая длина его должна была быть свыше 60 м), большой костер на открытом воздухе и полукруг столбов — идолов. Посуда и ножи служили для ритуальных пиров. В будущем предстоит доследовать вал и попытаться в процессе разведок отыскать в бассейне Десны другие подобные городища, чтобы определить объем племенной территории, так как вероятнее всего, что каждое такое святилище являлось средоточием одного из юхновских племен.

Основные раскопочные работы экспедиции велись на соседнем с Благовещенской горой мысу на территории древнерусского города Вщижа.

Вщижское городище, расположенное на высоком и обрывистом берегу Десны, сохранило остатки мощных укреплений, позволивших городу в 1160 г. выдержать пятинедельную осаду.

Общая длина городища 350 м, наибольшая ширина 170 м. Высота над уровнем реки 22 м.

Городище состоит из двух частей; детинца, расположенного на мысу, и примыкающего к нему с востока обширного посада.

Детинец имеет форму трапеции со сторонами: 160 м (по Десне), 90 м (по ручью), 110 м (тоже по ручью) и 100 м (примыкает к посаду). Площадка детинца несколько приподнята по сравнению с посадом. Посад имеет форму ромба со сторонами около 160 м каждая. Площадь детинца приблизительно определяется в 12 000 м², а посада — в 26 000 м².

Посад окружен мощным подковообразным валом, отделенным от городища рвом шириной в 18 м. Этот вал был, по всей вероятности, вторым внешним рядом укреплений. Своими концами вал упирается в линию стыка

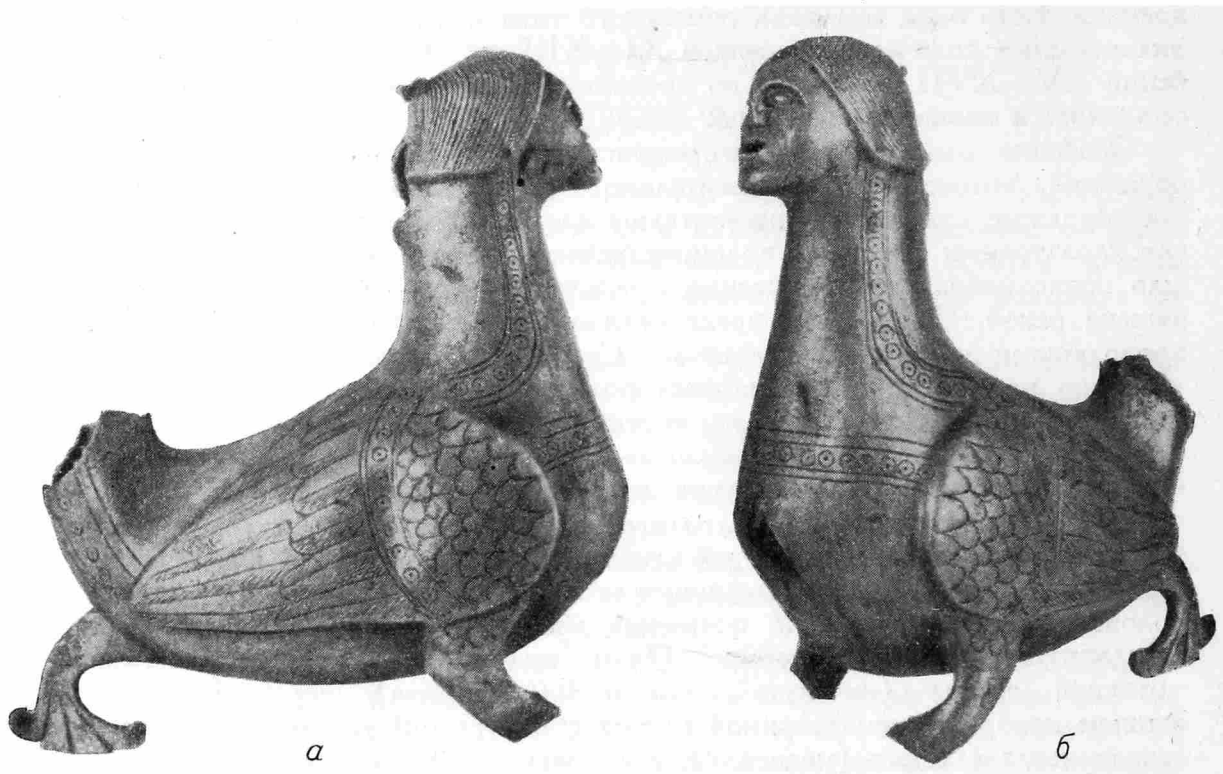

Рис. 17. Вщиж. Бронзовый всдолей XII—XIII вв. (случайная находка 1945 г.)
($\frac{1}{3}$ нат. вел.)

а — вид сбоку; б — вид спереди

детинца и посада, которые отделены один от другого незначительным внутренним валом. Находки стеклянных браслетов за пределами укрепленного посада свидетельствуют о наличии во Вщиже XII в. и пригородных слободок.

Рекогносцировочными работами 1940 г., одиннадцатью небольшими (до 100 м²) раскопками в разных местах городища удалось установить, что культурный слой мощностью от 0,3 до 2 м датируется IX—XIII вв. В 1940 г. были раскопаны: кирпичная церковь середины XII в. (удалось значительно выправить опубликованный ранее ее план), гончарный горн XIII в. с обжигавшейся в нем посудой двух мастеров, жилой дом XII в. с ручными жерновами, на примере которых впервые удалось установить все детали конструкции мельничного постава.

Стратиграфически выделялись в основном два слоя: один из них, подстилаемый внизу отдельными находками керамики роменского типа, содержал жилые сооружения с массивными печами, ориентированные по берегу Десны. Он датируется X—XII вв. Горизонт X в. с грубой гончарной керамикой не мог быть выделен ввиду перекопов. Второй слой характеризуется

сооружениями, ориентированными по крепостному валу и церкви, обилием и разнообразием вещей и тонкостенной звонкой керамикой. К этому слою относится дом с жерновами, обнаруженный раскопками 1940 г.

К этому верхнему слою должен быть отнесен и замечательный бронзовый водолей, найденный местными жителями в 1945 г. в северной части детинца. Водолей в виде птицы с головой молодого мужчины является русским изделием XII—XIII вв. (рис. 17).

Работы 1948 г. производились в детинце и на посаде вокруг церкви. Задача заключалась в продолжении рекогносцировок и в нащупывании места для широких многолетних работ. Четыре стометровых раскопа (№ 1, 2, 3, 6), заложенные на огородах в районе церкви XII в., должны были определить границы центральной городской площади и начало жилых кварталов XII—XIII вв. Выяснилось, что на север и на восток от церкви (раскопы № 1 и 2) простиралось кладбище, возникшее в XII в. (с клейменной керамикой), за пределами которого были жилые дома. В раскопе № 6 среди поздних ям XX в. удалось обнаружить остатки жилища X в. с характерной грубой гончарной керамикой, орнаментированной крупноволнистым узором.

Раскоп № 3, заложенный в достаточном удалении от церкви, к сожалению, дал мало интересного. Здесь оказались остатки избы XVII в. с лощеной керамикой. Нигде в других местах Вщижа ее нет. Очевидно, поселение XVII в., упоминаемое в грамоте 1623 г., было очень небольшим.

Значительно интереснее были результаты работ в детинце. Здесь по северному и юго-западному обрывам городища была произведена зачистка края общим протяжением около 100 м. На обеих сторонах городищенского мыса было заложено после зачистки по раскопу. Раскоп № 4 на северном краю, над Десной, содержал остатки слоя с роменской керамикой, слой XI—XIII вв. с печью и остатками жилища и позднее жилище XIX в. с ручными жерновами и керамикой, близкой к средневековой. Лишь постепенно в процессе раскопок выяснилась поздняя дата комплекса, который первоначально принимался за жилище XIII—XV вв. Конструкция изб XII и XIX вв. была очень однородна, однородным оказался и инвентарь. Детальное сопоставление жилых комплексов XII и XIX вв., находящихся в начале и конце истории крепостной деревни, имеет для нас важное значение, как узко источниковедческое, так и принципиальное,— однородность этих комплексов связана с рутинностью феодального хозяйства.

Самым важным для выяснения района будущих широких работ явился раскоп № 5, заложенный после зачистки юго-западного края детинца, обращенного к ручью. Край городища здесь, как и на берегу Десны, давно осыпается, и современный обрыв обнаруживает в разрезе разрушенные жилища. Укрепления в обрыве уже не заметны; очевидно, они давно рухнули в Десну и в ручей. С точки зрения рекогносцировки городища такой край, где при незначительной зачистке видны разрезы жилищ и печей, представляет большие удобства, сразу открывая всю стратиграфию.

Раскоп № 5 был заложен в том месте, где в обрыв городища выходили остатки печи, жернов и другие явные признаки жилища. Это жилище оказалось самым значительным по размерам и самым богатым по находкам. В раскоп 1948 г. попала только третья часть его; исследование жилища завершилось в 1949 г.

* * *

Разведывательные работы двух лет, вскрывшие в общей сложности площадь свыше 1000 м² в разных местах древнего города и проводившиеся в основном методом зачистки берега и отдельных раскопов по 100 м², позволили выбрать наиболее интересный участок городища для будущих широких раскопок. Вопреки ожиданиям, площадь вокруг древней

церкви, где предполагался центр городка, оказалась мало интересной. Наибольших результатов можно было ожидать от изучения территории детинца, где и были сосредоточены все работы 1949 г.

Наметившаяся в 1940—1948 гг. стратиграфия городища, эволюция сооружений и находок за время с IX по XIII вв., а также изменения в планировке поселения позволяли поставить вопрос о приурочении летописных данных о Вщиже к стратиграфии городища.

На Вщижском городище слой с роменской керамикой (сильно нарушенный) сменяется слоем с керамикой XI—XII вв., сооружения которого были сменены новыми постройками, погибшими впоследствии от пожара. Жизнь после пожара продолжалась и через значительное время была прервана новым пожаром, приведшим к запустению города.

Впервые Вщиж упоминается в киевской летописи при описании хитрых политических расчетов князя Всеволода Ольговича в 1142 г. Из своего княжеского домена он выделил несколько городов, чтобы успокоить

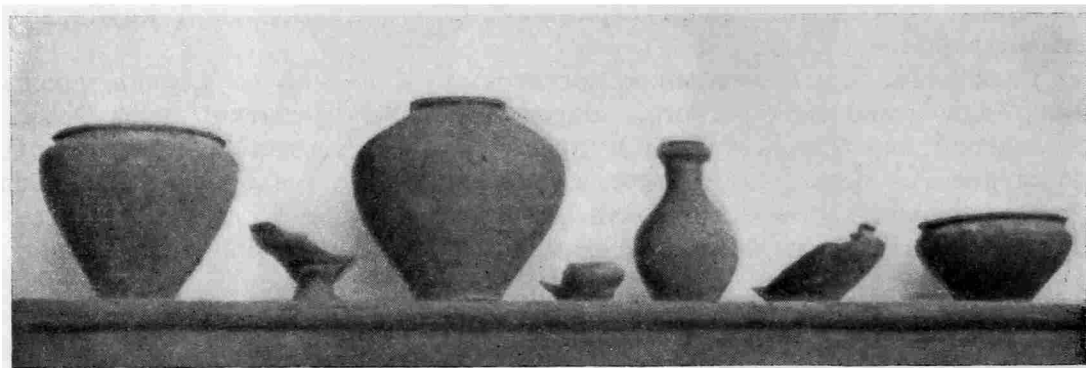

Рис. 18. Вщиж. Типы вщижской посуды XII—XIII вв.

своих соперников, черниговских Давыдовичей. Вщиж перешел во владение Владимира Давыдовича, который впоследствии выделил его в удел своему сыну Святославу, первому собственно вщижскому князю. Превращение Вщижа в резиденцию удельного князя произошло между 1142—1160 гг., скорее около 1151 г., когда умер Владимир Давыдович; археологически с этим событием можно связывать прослеженную еще в 1940 г. перепланировку поселения. В 1160 г. Вщиж выдержал пятинедельную осаду крупных соединенных сил; с этой осадой нами предположительно связывался в 1948 г. первый пожар. Второй пожар, также предположительно, сопоставлялся с нашествием Батыя, который мог разорить Вщиж, продвигаясь от Смоленска к Козельску, в 1238 г.

В 1949 г. перед экспедицией стояла задача — проверить намечившиеся сопоставления и широко исследовать детинец. Особое внимание хотелось обратить на составление послойно-хронологической шкалы керамики (рис. 18). В настоящее время при раскопках древнерусских городов керамика великокняжеской эпохи обычно рассматривается суммарно за XI, XII и XIII вв., без расчленения на более узкие отрезки времени, хотя несомненно, что на протяжении трех столетий и керамика и другие вещи существенно менялись. Для хронологического расчленения керамики и разработки шкалы часть камеральных работ производилась в 1949 г. в поле. Художник экспедиции Ю. Р. Берковский зарисовывал типичные для каждого слоя образцы и вел статистические подсчеты. Работы 1948 г. и особенно 1949 г. показали, что вести учет керамики Вщижского городища только по глубинам — невозможно, ввиду особенностей конструкции жилищ.

При наличии трех основных слоев картина распределения керамики по глубинам получилась следующая:

С л о й		Типы керамики (цифры обозначают керамику, характерную для определенного слоя)
3, поздний	Верхний горизонт	2 и отчасти 1
	Нижний горизонт	3
2, средний	Верхний горизонт	1
	Нижний горизонт	2
1, наиболее ранний	Верхний горизонт	Керамики нет
	Нижний горизонт	1

Подобное, странное на первый взгляд, распределение типов керамики по глубинам объясняется тем, что древние вщижане, строя дом, насыпали на потолок довольно значительный слой земли. У первого, самого раннего сооружения, которое ставилось тогда, когда еще не было вокруг культурного слоя, потолочная засыпка состояла из дернового слоя и материка и не содержала керамики. В сооружениях следующей эпохи использовался для потолочной засыпки культурный слой предыдущей эпохи, и поэтому, когда такой дом разрушался, потолочная засыпка с керамикой первого типа оказывалась выше естественно отлагавшегося второго культурного слоя. При постройке домов третьего слоя картина запутывалась еще больше. Как видим, применение здесь обычного метода подсчета типов керамики по глубинам не может дать ничего. Только выполнение ряда камеральных работ непосредственно во время раскопок позволило расчленить керамику правильно и разгадать конструкцию жилищ, которая бытует во Вщиже вплоть до наших дней.

Раскопки 1949 г. велись в четырех местах: в центре детинца для выяснения планировки центральной части (раскопы № 12, 17, 18); по двум углам детинца для изучения укреплений (раскопы № 13, 14, 15); на юго-западном обрыве детинца, где в 1948 г. был открыт так называемый «дом воина» (раскопы № 7, 8, 9, 10, 11). Общая площадь всех раскопов в детинце — 1200 м². Основной раскоп близ «дома воина» состоял из пяти раскопочных квадратов по 100 м² каждый, вплотную соприкасавшихся друг с другом. Для выполнения поставленной задачи — составления керамической шкалы — метод раскопок был принят следующий: в каждом стометровом квадрате оставались контрольные стенки («бровки») шириной в 1 м таким образом, что образовывалась сплошная сетка бровок, расположенных через 4 м. В пределах малого квадрата (4 × 4 м) раскопки велись сверху послойно, но настоящее послойное исследование было возможно лишь на крайних квадратах, расположенных у обрыва. Поэтому в первую очередь предпочтительно раскапывались эти крайние квадраты, где можно было вести работы, руководствуясь профилем.

В средней стадии раскопок, когда повсеместно выделилась сеть контрольных стенок, было приступлено к тщательному разбору их со специальной аксонометрической фиксацией. Именно в результате этого разбора и удалось создать шкалу керамики, выделив типы, датируемые временем: а) до середины XII в., б) 1142—1160 г., в) 1160—1238 гг.

К концу работ 1949 г. удалось построить историю древнего Вщижа, начиная с IX в. Перечислю основные этапы его жизни, выясненные раскопками.

1. Предшественником поселения на вщижском мысу было Благовещенское городище. В юхновское время здесь было, очевидно, племенное святилище и окрестные мысы не были заселены.

2. Заселение вщижского мыса произошло в роменское время, в IX—X вв., когда Благовещенское святилище было уже, вероятно, оставлено. Лучше всего этот роменский слой прослежен на самом мысу (раскопы № 13 и 14), где сохранились даже остатки своеобразного жилища. Установлен непосредственный переход роменской керамики в русскую X—XI вв. Из предметов этого слоя интересны костяные поделки, особенно гребень, украшенный двумя стилизованными конскими головами, и костяные аму-

Рис. 19. Вщиж. Крест-складень 1230-х годов

леты. Поселение роменского времени раскинулось далеко как по берегу Десны, так и по берегу ручья и было по своим размерам значительным. Проследить укрепления этого времени не удалось.

3. В XI — начале XII в. Вщиж представлял собой небольшую крепость на мысу, занимавшую примерно половину позднейшего детинца. Стены крепости были построены из деревянных городен размером 1×3 м, опущенных в ямы глубиной в 1 м.

Жилища этого времени представляли собой срубные дома, поставленные на «стульях», с большими глинобитными печами на срубах и тоже на стульях. Керамика этого слоя вся сделана на гончарном круге; профиль первоначально довольно простой, но постепенно усложняющийся вследствие ускорения вращения круга. Много гончарных клейм разного рисунка.

Поселение XI — начала XII в. не ограничивалось территорией крепости, но простиралось и далее на восток за пределы вала и рва.

4. Крупные перемены в жизни городка произошли в середине XII в., очевидно, в связи с тем, что Вщиж стал центром княжества. Все предшествующие сооружения, как стены, так и жилища, были уничтожены, выровнены, и на их месте все было построено заново. Вместо маленьких городен были поставлены несколько дальше от обрыва большие городни 3×5 м, а на углу городища — шестиугольная (?) башня. Старый ров был засыпан, территория крепости-детинца расширена, и с востока к ней был пристроен обширный посад (см. выше) с мощными оборонительными сооружениями. Средняя часть детинца была расчищена под площадь, на которой была установлена массивная башня-донжон (?) и коневязи. На посаде была выстроена церковь, по внутреннему периметру стен посада были созданы ремесленные мастерские (гончарная и др.). В детинце жилища располагались вдоль крепостных стен. Раскопками вскрыты небольшие деревянные дома с соломенными крышами и бедным инвентарем и наряду с ними — большой дом, двухэтажный, с теремком, крытым медью; среди инвентаря этого дома можно встретить и стеклянную посуду, и медное паникадило, и замечательную личину от шлема, покрытую серебром и позолотой.

Во всех домах, и богатых и бедных, в эту эпоху существовали большие печи с высокими кирпичными дымоходами. Наличие дымоходов для древней Руси установлено впервые.

Сооружения этого среднего слоя сохранились особенно хорошо, и их инвентарь особенно полон, может быть, потому, что большинство их погибло от пожара. В период, непосредственно предшествующий пожару, во Вщиже хоронили покойников на улицах и во дворах. Это позволяет связывать пожар с осадой 1160 г.

5. После безуспешной осады, жизнь в городе возобновилась на том же высоком уровне и продолжалась до нового пожара, который в 1149 г. удалось точно датировать временем Батыя — в пожарище был найден крест-энколпион, обычный для этих лет (рис. 19).

Раскопки рисуют высокую культуру древнерусского городка XII—XIII вв., открывая нам ряд новых данных о русской жизни того времени.

6. После второго пожара городок захирел. Ко второй половине XIII в. можно отнести одно-два бедных жилища. Снова жизнь здесь появляется лишь в XVI—XVII вв.

Н. Н. ВОРОНИН

РАСКОПКИ В СТАРИЦЕ

На I Всесоюзном археологическом совещании 1944 г. в перспективу исследования древнерусских городов была включена новая задача: разведка и раскопки среднерусских городов XIII—XV вв.— времени монгольского ига. Насущность постановки данной задачи не требует доказательств — город и ремесло этой поры археологически почти не изучены, и мы не можем с должной полнотой осветить ни глубину разрушения производительных сил монгольским нашествием, ни процесс возрождения старых и появления новых городов в XIV—XV вв., а вместе с ним и процесс формирования русской национальной культуры.

Старица была избрана по следующим соображениям. Это второй по археологическому значению город Тверского княжества после Твери. Он возник в конце XIII — начале XIV в. и был сильно укреплен. Его городище с мощными валами совершенно свободно для раскопок любых масштабов — в этом смысле оно подобно Старой Рязани. Отсюда происходят коллекции старицкого литья, обильные нумизматические находки. Наконец, на городище сохранились руины белокаменных зданий XIV—XV и XVI вв., подвергнутые варварским раскопкам местных любителей в 1903 г.¹; они требовали повторного раскрытия с детальной фиксацией, так как это руины древнейших памятников до сих пор не изучавшегося тверского зодчества XIII—XV вв.

Старицкое городище лежит на высоком (до 62 м) с крутыми склонами мысу при устье Старицы. Острие мыса обращено на север, напольная сторона — к югу. Городище состоит из двух частей. Древнейшая, северная, ограждена с напольной стороны рвом и валом высотой до 17 м, сооруженным в 1366 г.² Разросшийся под стенами крепости посад был вскоре, в 1391 г., прикрыт новым мощным валом и рвом³. Северная часть городища носит название Старого, южная — Нового городища. Со Старого городища к р. Старице спускается глубокая впадина завалившегося тайника, ведущего к колодцу у берега реки. Почти в центре Старого городища, ближе к волжскому его краю, расположены развалины белокаменных зданий XIV—XVI вв. В 1398 г. князь тверской Михаил Александрович построил здесь большой собор Михаила Архангела; в 1404 г. его преемник построил церковь Николы⁴; к западу от развалин храмов лежат руины большой квадратной палаты гражданского характера. Старица и в XVI в. жила

¹ А. П. Шебякин и И. П. Крылов. Раскопки в Старице 1903 г. «Труды III Тверского областного археологического съезда» Тверь, 1906, отд. II, стр. 447.

² ПСРЛ, XV (Рогожский летописец), 81.

³ ПСРЛ, XV (Тверской сборник), 445.

⁴ ПСРЛ, XV (Рогожский летописец), 165; XI, 188.

интенсивной жизнью — здесь был двор последних удельных князей Старицких¹, а позже, во время Ливонской войны, — ставка Грозного; здесь он принимал папского легата Поссевина². Памятником времени Ивана Грозного являлся знаменитый шатровый Борисоглебский собор 1558 г.

Основным документом раскопок 1903 г. был общий план всех трех зданий: собора, церкви Николая и палаты. Этот план, изданный в «Трудах Тверского археологического съезда», имел масштаб примерно 1 : 1000, так что, например, собор Михаила Архангела величиной 21 × 17 м имел на плане размер 22 × 18 мм. Отчет, хранящийся в архиве ИИМК (фонд Археологической комиссии), дополняет опубликованные данные лишь несколькими фотографиями³. Ни о деталях, ни даже об общем облике памятников судить было нельзя, а древнейший из них — собор 1398 г. — был на названном плане представлен как бы двухстолпным с поперечной стенкой, отделявшей алтарь.

Перед экспедицией 1949 г. были поставлены две задачи: 1) повторное раскрытие руин архитектурных памятников и 2) шурфовка территории городища с целью ознакомления с его стратиграфией и выбора места для стационарных раскопок. Первая задача была разрешена полностью, вторая — частично⁴.

Коротко остановлюсь сначала на второй части работы. 11 шурфов (7 на Старом и 4 на Новом городище) и 2 небольших пробных раскопа на мысе Старого городища показали, что основную толщу культурного слоя составляют отложения позднего времени, XVI—XVIII вв. Более ранние слои, XIV—XV вв., во вскрытых участках чрезвычайно незначительны, однако и они дали любопытный материал (рис. 20), свидетельствующий о переживании домонгольской традиции в керамике и бытовом металлическом инвентаре (ключи от трубчатых замков, ножи и пр.). Найден медный крест старицкого литья, монета князя Михаила Борисовича, ряд орудий XVI—XVII вв. — серп, топор и др. (рис. 21). Проведенная весьма ограниченная разведка отнюдь не снимает задачи дальнейшего исследования Старицкого городища, которое может быть результативным лишь при вскрытии значительных площадей.

Основная задача экспедиции — повторное раскрытие развалин белокаменных зданий на Старицком городище — была облегчена тем, что после раскопок 1903 г. руины почти не были засыпаны и покрылись лишь небольшим естественным наростом почвы. Но в то же время это и погубило памятники — их стены разбирали на материал, и многое, уцелевшее до 1903 г., ныне безвозвратно исчезло.

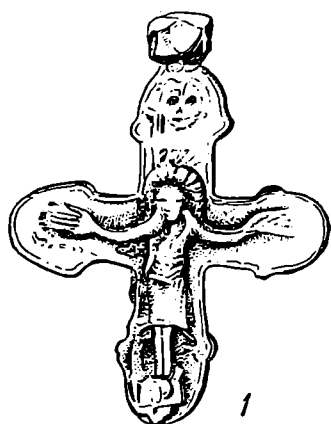
Раскрытие Архангельского собора позволило дать его подробный план, во многом отличающийся от изданного в 1903 г. Это не двухстолпный, но четырехстолпный собор, с широко расставленными столбами и сравнительно легкой алтарной каменной преградой. Южная стена его, разрушенная уже до 1903 г., не сохранилась, как и часть апсиды диакона. Все стены, кроме алтарной, сохранили лишь подземные ряды камня, а в северо-западном углу лишь глубоко лежащие камни фундамента. Сохранились также северо-восточная лопатка и переложенная лопатка на западном фасаде; лестничных входов также не сохранилось, при реконструкции плана придется дополнять его данными 1903 г. Особенно жаль, что исчезли следы четырехколонного кивория в алтаре — лишь поблизости был

¹ С. Б. Веселовский. Последние уделы в северо-восточной Руси. ИЗ, № 22, стр. 103—111.

² П. Пирлинг. Россия и папский престол. «Русская старина». 1903, № 2, стр. 396—397.

³ Фонд ИАК, 1903, № 93.

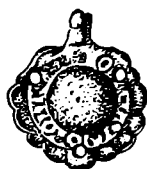
⁴ В работах участвовали научные сотрудники Н. Д. Мещ и Н. В. Трубникова.

1

2

3

4

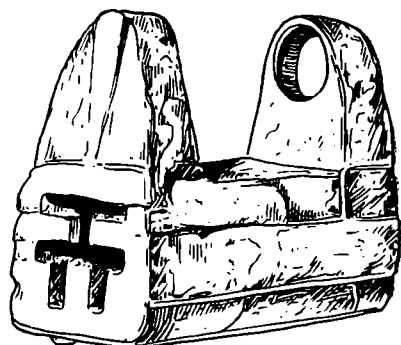
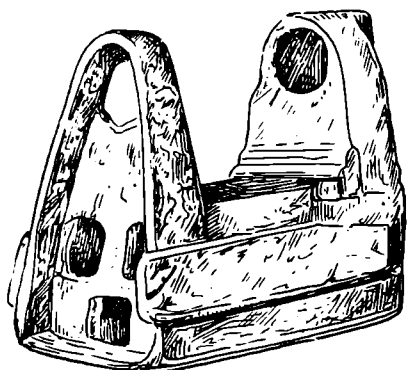
5

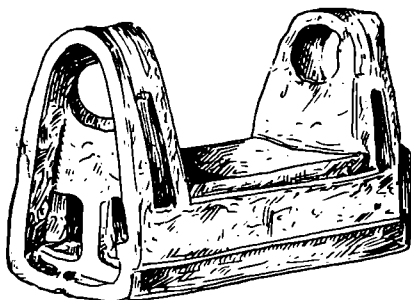
6

7

0 1 2 3 4 5 см

8

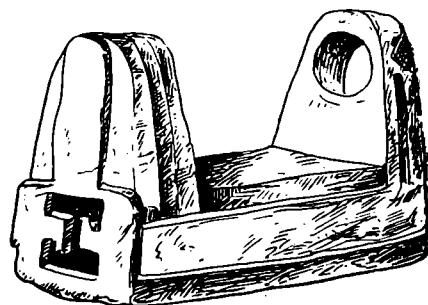

Рис. 20. Старица. Вещи XIV—XV вв.

1 — крест; 2 — кресало; 3 — медная подвеска; 4, 6, 7 — ключи; 5 — неопределенный инструмент; 8 — замки

найден один камень фуста колонки кивория. Собор сложен из хорошего тесаного белого камня с забутовкой внутренней полости известковым щебнем и булыжником (рис. 22—1). В принципе — это традиционная владимирская техника, но здесь она грубее и менее регулярна, размеры камня мельче и менее выдержаны. Интересной технической особенностью здания является глубокое заложение фундамента (2,85 м), вызванное, видимо, тем, что здание было поставлено на холме около 2 м высотой (над уровнем XIV в.).

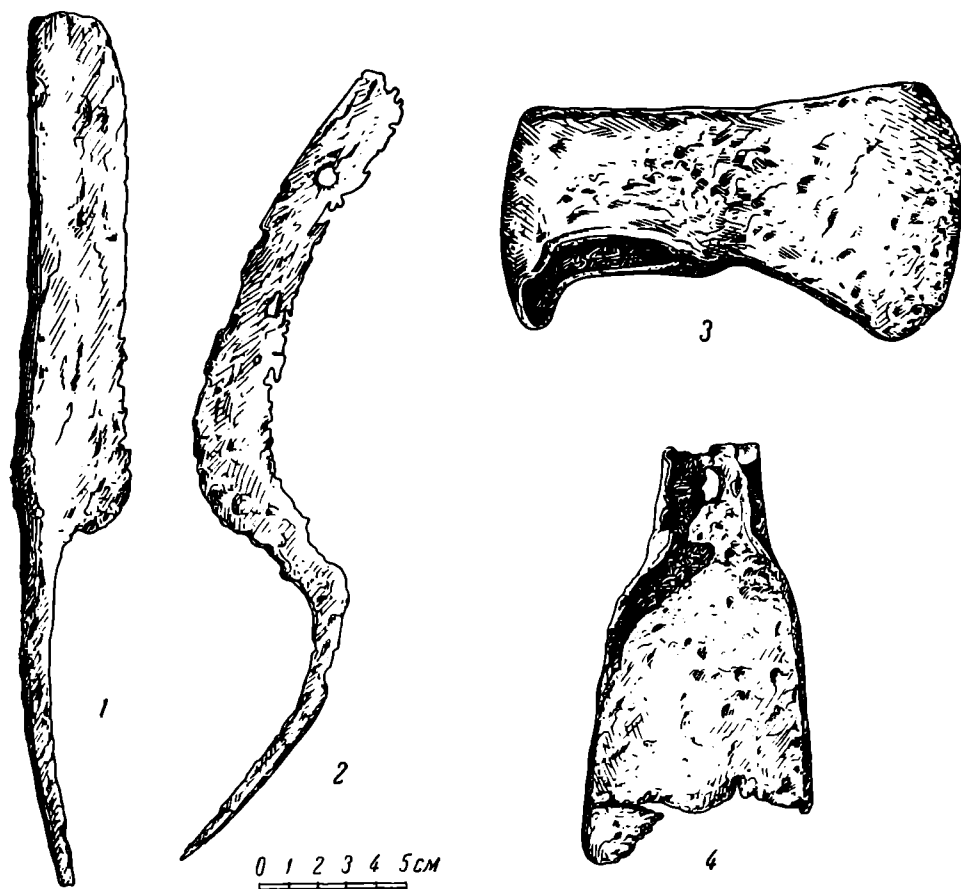

Рис. 21. Старица. Вещи XVI—XVII вв.
1 — кухонный нож, 2 — серп. 3 — топор, 4 — мотыга

Кроме того, по периметру стен, но уже в грубой кладке из рваного камня, выложен как бы дополнительный «корсет»; он прослежен в северо-западной выемке и в стыке апсид алтаря и диаконика.

Собор 1398 г. был обновлен и заново украшен росписью и новым полом в XVI в.; часть фресок сохранялась до 1903 г., теперь же мы обнаружили лишь обломки камней с остатками фресок. Часть пола XVI в. мы вскрыли: он выложен из неполивных ромбических плиток (трех тонов — черного, красного и желтоватого), уложенных на глине по диагонали к оси здания (рис. 22—2), на обороте плиток — впадина со звездообразным рисунком. На площадке алтарной преграды сохранились, кроме того, остатки пола 1398 г. из маленьких квадратных плиток с желто-зеленой поливой и с углублением на тыльной стороне, положенных на извести: эти плитки лежат ниже пола XVI в. на 18—20 см, видимо, он их перекрывал. Майоликовый пол был и в алтаре. Пол же в самом храме 1398 г. был из белокаменных плит.

Особенности плана Архангельского собора связывают его с памятниками московского и тверского зодчества первой половины XV в. Широкая расстановка столбов и развитая алтарная часть характерны для изучавшейся мною в 1934 г. церкви второй четверти XV в. в Городне на Волге. Алтарная преграда находит параллель в преграде Троицкого собора Сергиевой лавры.

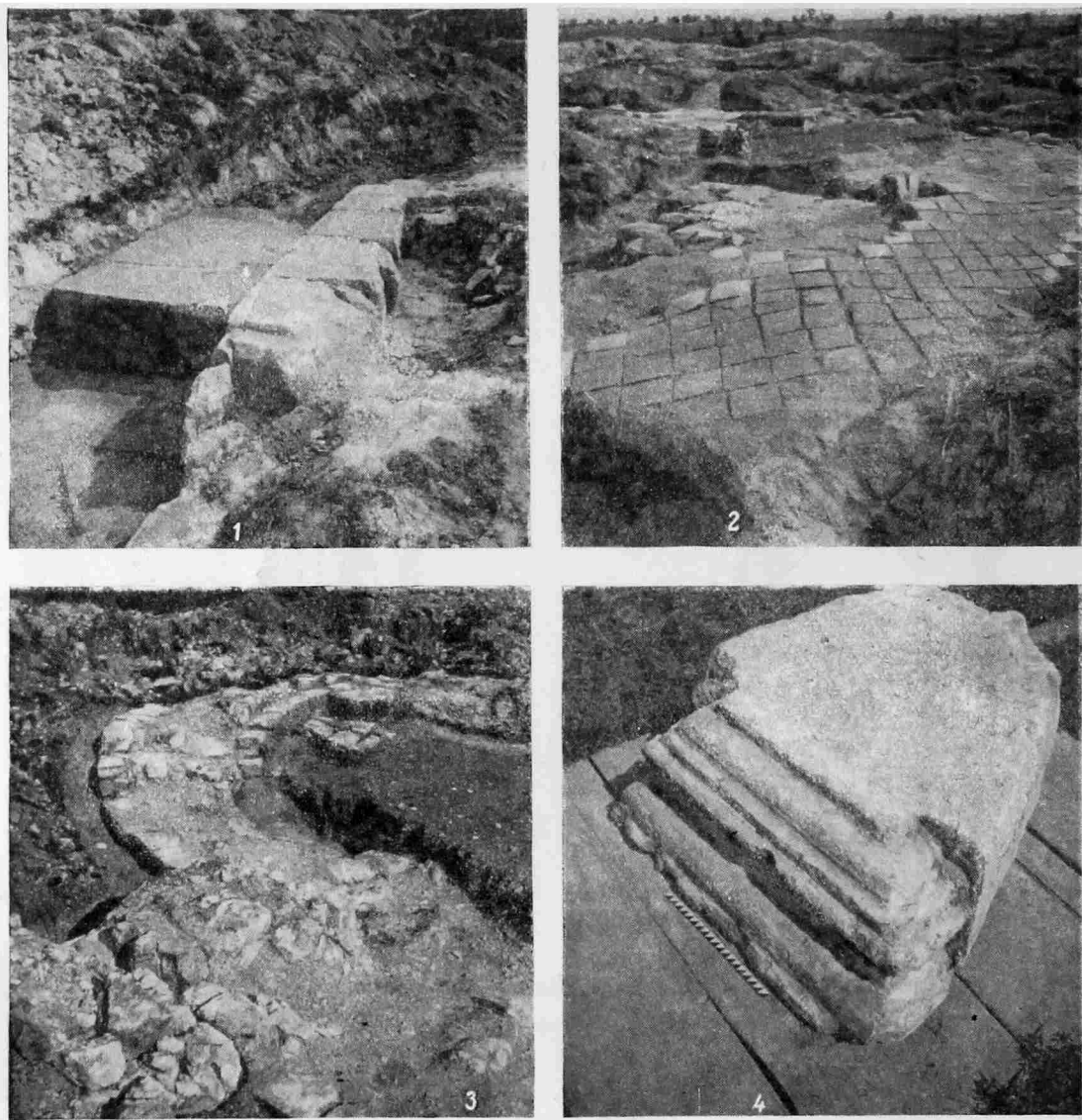

Рис. 22. Старица. Детали зданий XIV—XVI вв.

1 — Михайлоархангельский собор, северо-восточная лопатка; 2 — Михайлоархангельский собор, пол XVI в.;
3 — церковь Николы, деталь апсиды; 4 — Палата; база

Весьма вероятно, что старицкий собор имел хоры: его западная стена толще северной и могла вмещать лестницу на них. Майоликовый пол и белокаменный киворий вместе с найденной в 1903 г. резной бусиной портала ведут нас к владимирской традиции, живой в тверском зодчестве XIV в.: Необычно мощные наружные «лопатки», как нам кажется, представляют не самую лопатку, а ее основание; лопатка была плосче и могла заканчиваться полуколонкой. Можно думать, что большой Старицкий собор строился тверской столичной артелью мастеров одновременно с проведением больших ремонтных работ 1399 г. по собору Спаса в Твери.

Существенно отметить, что в кладке Архангельского собора использованы камни из какого-то более раннего здания: в кладке западной лопатки есть камни с остатками фресок, кусочки фрески попадались и в забутовке фундамента. Это позволяет предполагать, что разрушившаяся при пожаре 1395 г. предшественница данного здания — церковь Михаила — была каменной и была построена, вероятно, в 60-х годах XIV в. одновременно с укреплением Старицы валами.

Иначе приходится оценивать второй памятник — церковь Николы 1404 г., построенную князем Иваном Михайловичем. Она сохранилась, пожалуй, еще хуже собора; стены почти полностью выбраны, уцелела на 2—3 ряда кладка лишь восточной части (рис. 22—3). Это, видимо, личная княжеская молельня — ранняя для средней Руси представительница бесстолпных храмов. Техника кладки та же, что и в большом соборе, но она более небрежна, стены выведены разной толщины, форма апсиды смятая, в ее кладке не четко соблюдается горизонталь. Все это позволяет думать, что эта постройка — работа местного старицкого каменщика. Как и собор, эта церковка была расписана фреской, хотя летопись об этом и не говорит.

Таким образом, в истории тверского зодчества, ранний этап развития которого мною освещен на основе письменных и изобразительных источников¹, входят, пусть фрагментарные и не во всем ясные, но реальные памятники конца XIV — начала XV вв. Они, с одной стороны, говорят о еще живых элементах владимирской традиции в тверском зодчестве, а с другой — документируют те новые и своеобразные художественные и технические приемы, которые, видимо, были свойственны тверской архитектурной школе.

Было очень соблазнительно думать, что к этому комплексу культовых памятников рубежа XIV—XV вв. присоединяется гражданское здание — квадратная палата, открытая в 1903 г. к западу от описанных храмов. Однако здание оказалось принадлежащим XVI столетию. Оно также белокаменное, но в забутовке его стен есть кирпичный щебень; он присутствует и в нижних слоях строительного мусора снаружи здания. Палата почти вовсе не сохранила стеной кладки; вскрытый нами по наружному контуру рвов 1903 г. фундамент образует квадрат 15 × 15 м; внутри кладка стен также выбрана; внутренняя площадь палаты была примерно 11 × 11 м. Попытка найти центральный столб также не увенчалась успехом: кладка выбрана — здесь найдены лишь отдельные обколотые камни и база прямоугольного пилястра сложного и дробного профиля, характерного для XVI в. (рис. 22—4). При раскопках фундамента был собран характерный и весьма однотипный материал — обломки больших кухонных горшков, большие кухонные ножи (рис. 21—1). Здание было, видимо, столовой палатой. Возможно, в ней происходил и прием Грозным Поссевина. Эта постройка была возведена одновременно с обновлением старого собора — его кровельная черепица, так же как пол собора, трехцветна. Ромбические плитки были найдены и при раскопках в 1903 г. Борисоглебского собора 1558 г. Видимо, этим временем и следует датировать как обновление построек тверских князей, так и сооружение палаты.

¹ Н. Н. Воронин. Тверское зодчество XIII—XIV вв. ИОИФ, 1945, № 5, стр. 373.

М. Г. РАБИНОВИЧ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В МОСКВЕ В КИТАЙ-ГОРОДЕ

Китай-город, носивший в древности наименование Великого посада, является наиболее интересным в историческом отношении после Кремля районом Москвы. Здесь было ядро московского посада, где сосредоточивалось ремесленное и торговое население Москвы. В этом торговом и ремесленном районе, по мере роста Москвы как столицы великого княжества, а потом царства Московского, устраивались монастыри, селились бояре и дворяне, ставились торговые дворы приезжих русских и иностранных купцов, наконец, строились правительственные здания — приказы, тюрьмы и пр. Из общеизвестных зданий стоит упомянуть усадьбу бояр Романовых.

Особый интерес представляет низменная часть («подол») Китай-города — Зарядье¹, прилегающее к Москве-реке. Являясь непосредственным продолжением кремлевского подола, эта часть Великого посада должна была заселяться уже с древнейших времен торговым и ремесленным людом, который старался селиться поближе к пристани. На это обстоятельство обратил внимание М. Н. Тихомиров, отметивший, что район возле церкви Николы Мокрого в Зарядье еще в конце XV в. пользовался особой юрисдикцией. Церкви Николы Мокрого, патрона плавающих и путешествующих, обычно располагались в древних русских городах по соседству с пристанью². Первые письменные известия о церкви и прилегающем к ней районе относятся ко второй половине XV в.; они попали в наши летописи в связи с теми страшными пожарами, которые не раз опустошали древнюю Москву. Под 1468 г. летопись сообщает, что загорелся «посад на Москве у Николы Мокрого много дворов бесчислено изгоре, горело вверх по рву за Богоявленскую улицу»³. Здесь мы видим указание на значительные размеры посада («дворов бесчислено много»), который уже тогда был окружен, по всей вероятности, валом и рвом, шедшим перпендикулярно берегу Москва-реки, по направлению к нынешнему Куйбышевскому проезду (Богоявленский монастырь).

Район Зарядья и в особенности места, прилегающие к церкви Николы Мокрого и современному Мокринскому переулку, в районе которого, как предполагалось, проходила древняя Великая улица от Кремля к пристани, в силу приведенных выше соображений издавна привлекали внимание исследователей. Уже в 1941 г., когда впервые было принято решение о сносе домов и строительстве на их месте крупного здания, Академия архитек-

¹ Самое название «Зарядье», вероятно, позднейшего происхождения; связано оно с расположением рынка за торговыми рядами, что на Красной площади.

² М. Н. Тихомиров. Древняя Москва. М., 1949, стр. 170.

³ ПСРЛ, XXV, стр. 281.

туры СССР и Комиссия по истории Москвы организовали крупные работы по фиксации древних зданий, а также археологические наблюдения за земляными работами строительства; эти наблюдения посчастливилось вести автору настоящего сообщения¹. Уже тогда были собраны значительные коллекции и установлен тот важный факт, что во влажной почве Зарядья прекрасно сохраняются дерево и другие органические остатки. Тогда же мы установили, что фундаменты поздних каменных зданий и другие перекрытия, как правило, не пробивают всей толщи культурного слоя, достигающего здесь 6 м и более. Нижние горизонты культурного слоя остались, таким образом, сравнительно мало поврежденными. Эти сведения подтвердились при проходке специального разведочного шурфа в 1946 г., когда Московская экспедиция ИИМК АН СССР возобновила здесь археологические разведки, прерванные войной. И когда в 1948 г. вновь начались подготовительные работы к строительству в Зарядье высотного здания, ИИМК АН СССР и Музей истории и реконструкции Москвы организовали здесь археологические наблюдения, а в 1949 г. — и раскопки большого масштаба, которые, согласно существующим законоположениям, финансировались в основном строительством².

Места для раскопок были выбраны, исходя из вышеизложенных сообщений, в непосредственной близости от церкви Николы Мокрого (с тем, однако, чтобы избежать бывшего при церкви кладбища) по обе стороны Мокринского переулка, в небольших ложбинах, образовавшихся среди развалин поздних зданий, что позволило сэкономить много труда, так как не нужно было разбирать 1,5—2-метровый слой позднего мусора. После предварительной шурфовки были заложены три раскопа общей площадью 264 м², а с включением шурфов вскрытая площадь достигла 296 м², что при толщине культурного слоя в среднем около 4 м составило примерно 1200 м³ вынутой земли.

Результаты работ значительно превзошли наши ожидания. Во всех трех раскопах почти отсутствовали позднейшие (XIX—XX вв.) ямы, и благодаря хорошей сохранности дерева и органических остатков нам удалось открыть множество интересных сооружений и связанных с ними вещей, принадлежащих к последовательно залегающим слоям XVIII—XII вв. и дающих возможность проследить историю исследуемого района.

Нижний горизонт культурного слоя, лежащий непосредственно на сером материковом песке, датируется по найденным в нем вещам домонгольским периодом существования Москвы — XII—XIII вв. К этому горизонту относятся находки шиферного пряслица (уже второго на территории Москвы), двух фрагментов стеклянных браслетов — синего витого и гладкого зеленого, бипирамидальной сердоликовой и круглых хрустальных бус, столь характерных для племенного убора славян-вятичей, и, наконец, несколько ключей от пружинных замков и ножей курганного типа (рис. 23). Сопровождающая эти находки керамика относится в основном к так называемому курганному типу и к более позднему переходному, связывающему курганную керамику с керамикой XIV в. и

¹ Материалы наблюдений хранятся в архиве Музея истории архитектуры, коллекции — в ГИМ.

² Руководство раскопками было поручено М. Г. Рабиновичу, научными и научно-техническими сотрудниками экспедиции были: А. Ф. Медведев (зам. начальника экспедиции), Э. А. Рикман, Г. П. Смирнова, О. Н. Мельниковская, А. В. Кирьянов, П. И. Засурцев, В. Т. Логинов, Н. А. Анфилофьева, В. Б. Гиршберг и А. С. Погорелова. Учеными консультантами экспедиции были член-корреспондент АН СССР М. Н. Тихомиров, М. А. Ильин и П. Д. Виноградов. Для консультации привлекались также А. П. Смирнов, А. В. Филиппов и Н. И. Фальковский. Принося живейшую благодарность всем сотрудникам и консультантам экспедиции, мы пользуемся случаем поблагодарить также ответственных работников Управления строительства Дворца Советов, оказавших большую помощь в работе экспедиции.

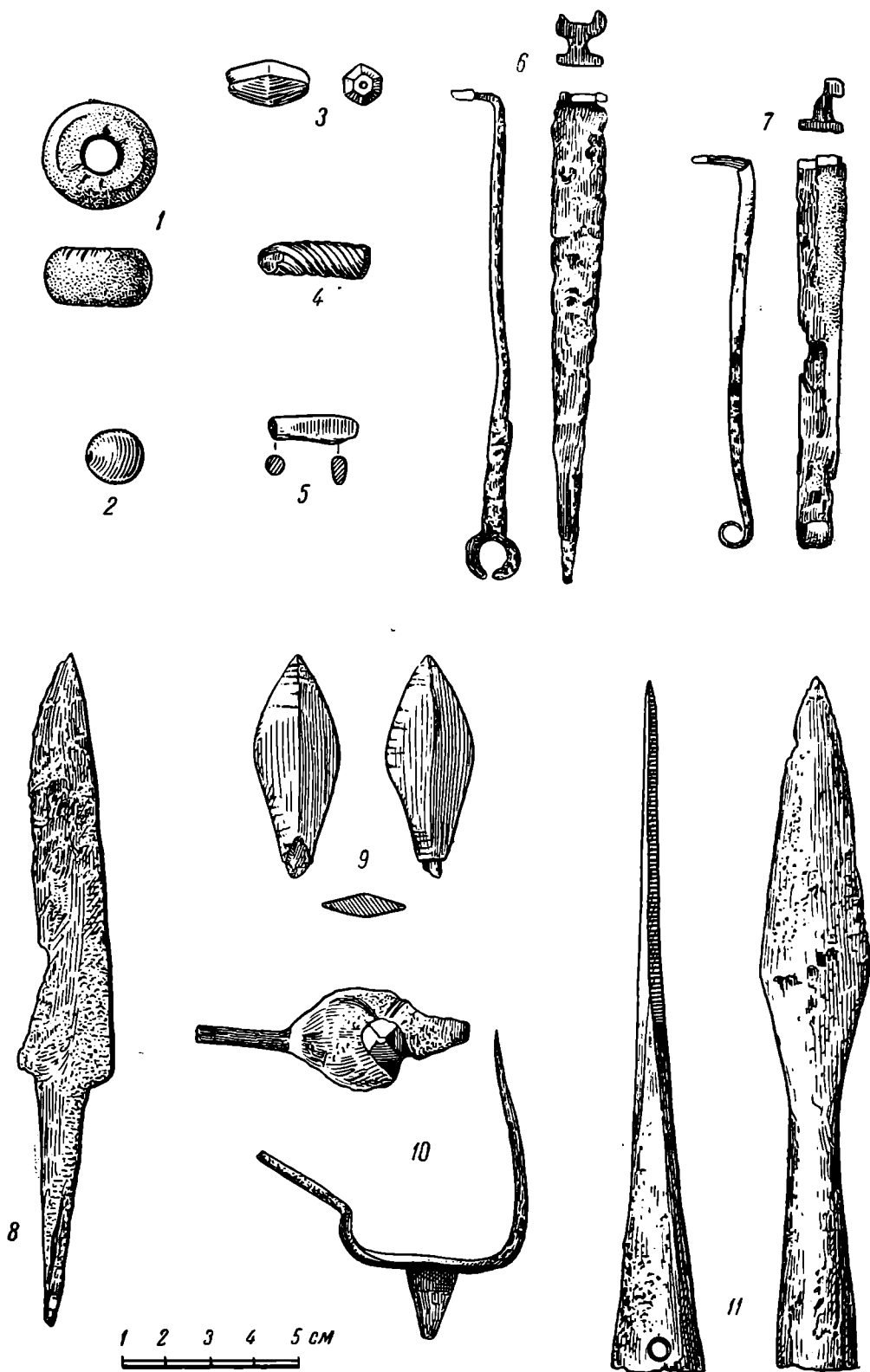

Рис. 23. Находки из древнейшего горизонта

1 — пряслице шиферное; 2 — бусина хрустальная шарообразная; 3 — бусина сердоликовая бипирамидальная; 4, 5 — фрагменты стеклянных браслетов; 6, 7 — ключи от пружинных замков; 8 — нож железный; 9 — костяной наконечник стрелы; 10 — шип железный; 11 — железный наконечник копья

более поздней, так называемой грубой красной керамикой¹. В этих же нижних горизонтах культурного слоя, залегающих в различных раскопах на глубине 3,10—4,20 м, встречаются и отдельные вещи, архаичные для XII—XIII вв. Это — костяные наконечник ромбовидной черешковой стрелы, игла с ушком и несколько проколов из плавниковых костей сома, весьма грубо обработанных.

Находки в подошве культурного слоя предметов XII—XIII вв. и соответствующей керамики вполне определенно говорят о существовании на исследуемой территории поселения в домонгольский период. Это поселение в такой непосредственной близости от Кремля не могло быть не чем иным, как только посадом самого городка Москвы, который, следовательно, был гораздо больше, чем считали раньше, и занимал не только территорию современного Кремля, но и значительную часть территории Китай-города. Ко времени первого письменного упоминания о нем посад у Николы Мокрого существовал уже по крайней мере лет 300.

Следующие за древнейшими горизонтами наслоения XIV в. представлены значительно беднее. Керамика в них в основном та же, что и в более древних, а из вещей характерными являются только наконечник копья и так называемый «древозазный» шип, столь часто встречающийся и в других древнерусских городах (рис. 23—10). Нетронутые участки культурного слоя XII—XIV вв. сохранились только к югу от церкви Николы Мокрого, в раскопе I; к западу и северо-западу от нее, в раскопах II и III, древние вещи (например, проколы из рыбьей кости) встречены во вторичном залегании, а культурный слой в его подошве не старше XV в., когда древние слои были перекопаны позднейшими сооружениями, связанными с кожевенным производством (о чем см. ниже).

К югу от церкви Николы Мокрого горизонт XIV—XV вв. представлен чрезвычайно интересным комплексом. Он датируется в основном по керамике (отсутствие черной лощеной керамики при наличии грубой красной и красной с вертикальным лощением) и довольно значительно нарушен перекопами, так что некоторые вещи, относящиеся к этому комплексу, попали в нижние горизонты.

Исследованный нами комплекс (рис. 24) представляет собой литейную мастерскую. В юго-восточной части раскопа I были вскрыты остатки сложенного из камней очага, служившего, судя по большому скоплению шлака и обломков керамических тиглей, для плавки металла. Южнее очага найдено несколько целых тиглей. В северной части раскопа открыт нижний венец большого пятистенного сруба с деревянным полом, на котором в развале глинобитной печи найдены горшки и кувшины и, что важнее, еще несколько целых тиглей. Всего найдено 7 целых одинаковых тиглей (диаметром 7,7 см, высотой 7 см) с округлым дном. Наружная поверхность их сильно оплавлена, на внутренней неоднократно удавалось обнаружить следы окиси металла. Литейный комплекс (рис. 25—1) дополняется небольшой формочкой (вернее, половиной формы), сделанной из серого мягкого песчаника. На одной ее стороне вырезаны углубления для отливки 9 булавок с круглыми головками, на другой — углубление для звездочки-подвески. Кроме дома и очага, в усадьбе литейщика была и хозяйственная постройка — какой-то сарай с полом из круглых бревен, на которых найдены большие куски рогожи. Мастерская ювелира-литейщика, изготовлявшего, очевидно, разные мелкие украшения из бронзы, а возможно, и из серебра, по всей вероятности, не была единственной в Зарядье. К северу от нее, по другую сторону Великой улицы, ближе к современному Ершову переулку, была при наших исследованиях найдена еще одна формочка, в которой отливались красивые

¹ См. нашу классификацию бытовой керамики: М. Г. Рабинович. Московская керамика, МИА СССР, № 12, стр. 61.

округлые подвески. Развитие ювелирно-литейного промысла — весьма важная и характерная черта московского посада XIV—XV вв.

Другой важный комплекс, характерный для московского посада, обнаружен к западу от церкви, в раскопах II и III. По сопровождающей керамике (встречается уже черная лощеная, хотя и в небольшом количестве) и

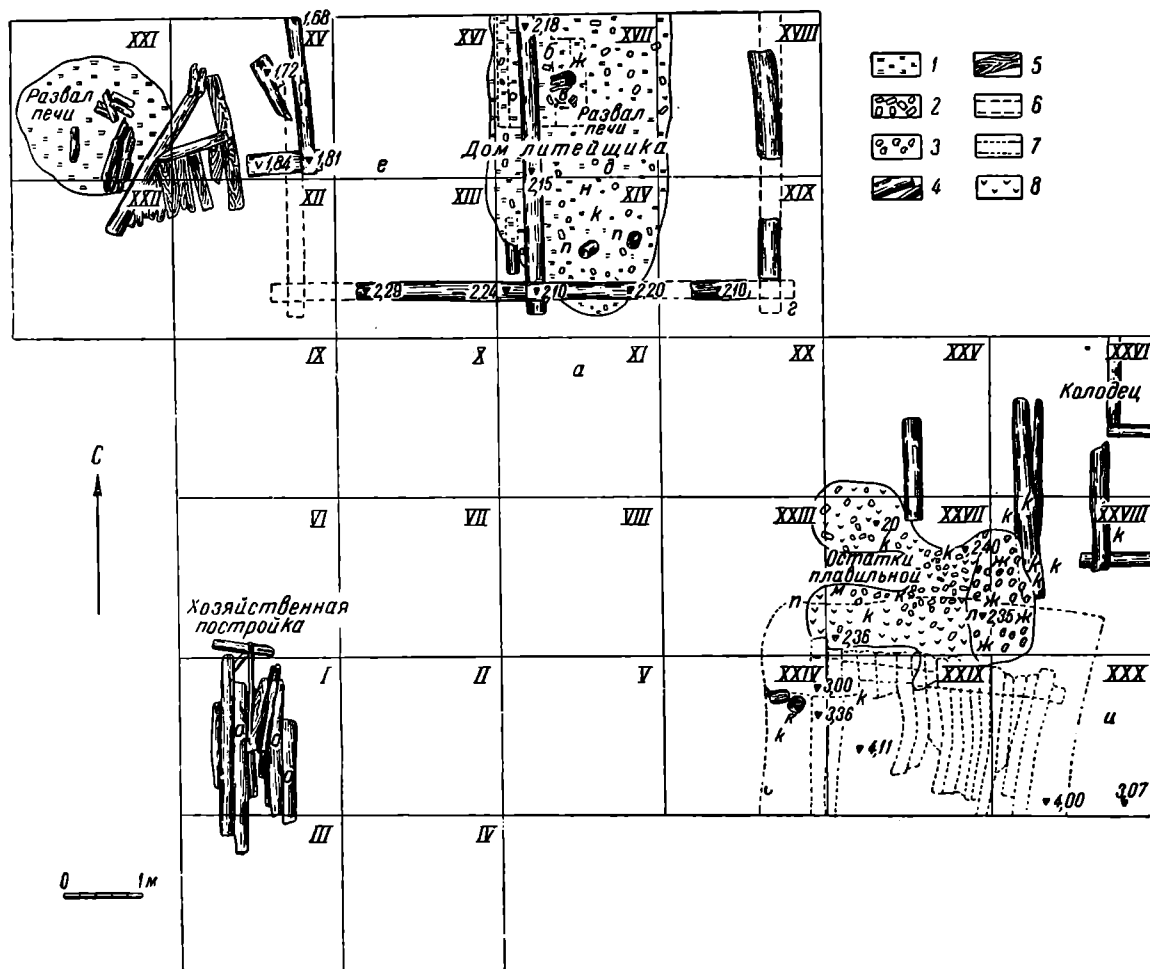

Рис. 24. Остатки литейной мастерской

Условные обозначения:

1 — глина; 2 — уголь; 3 — кирпич (развал); 4 — шлак; 5 — бревно; 6 — доска, плаха; 7 — первоначальное предполагаемое положение бревен; 8 — сооружения из нижних пластов.

Находки:

а — булавка брововая, глуб. 2,20—2,40 м; б — раздавленный горшок, глуб. 2,30 м; в — три глиняных сосуда на полу в глиняной обмазке, глуб. 2,35 м; г — глиняное грузило, глуб. 2,30 м; д — хрустальная бусина, глуб. 2,15 м; е — свинцовый шарик (пуля?); ж — шлак, крупные куски; и — деревянная бирка, глуб. 2,30—2,40 м; к — обломки тиглей; л — деревянный чеплок для плетения сетей, глуб. 2,35 м; м — тесаный серый камень, очевидно, от литейной формы, глуб. 2,36—2,65 м; н — литейная форма, глуб. 1,65 м; о — рогожа; п — целые тигли, глуб. 2,65 м; 2,80 м; 3,10 м

по характеру орнаментов, встречающихся на изделиях, он может быть датирован концом XV или началом XVI в. Это — мастерская кожевника-сапожника. На глубине 3,50—4,60 м от современной поверхности земли найдены остатки «зольника» — чана, в котором происходила очистка шкуры от волос. Здесь осталось большое количество извести, лежащей целым слоем толщиной до 20 см, прикрытым сверху прослойкой золы толщиной до 15 см. В юго-восточной части «зольника» обнаружилась небольшая площадка (3,80 × 0,70 м), вымощенная песчаниковыми плитками, прикрытыми сверху слоем золы. Следов деревянной конструкции зольника (как было

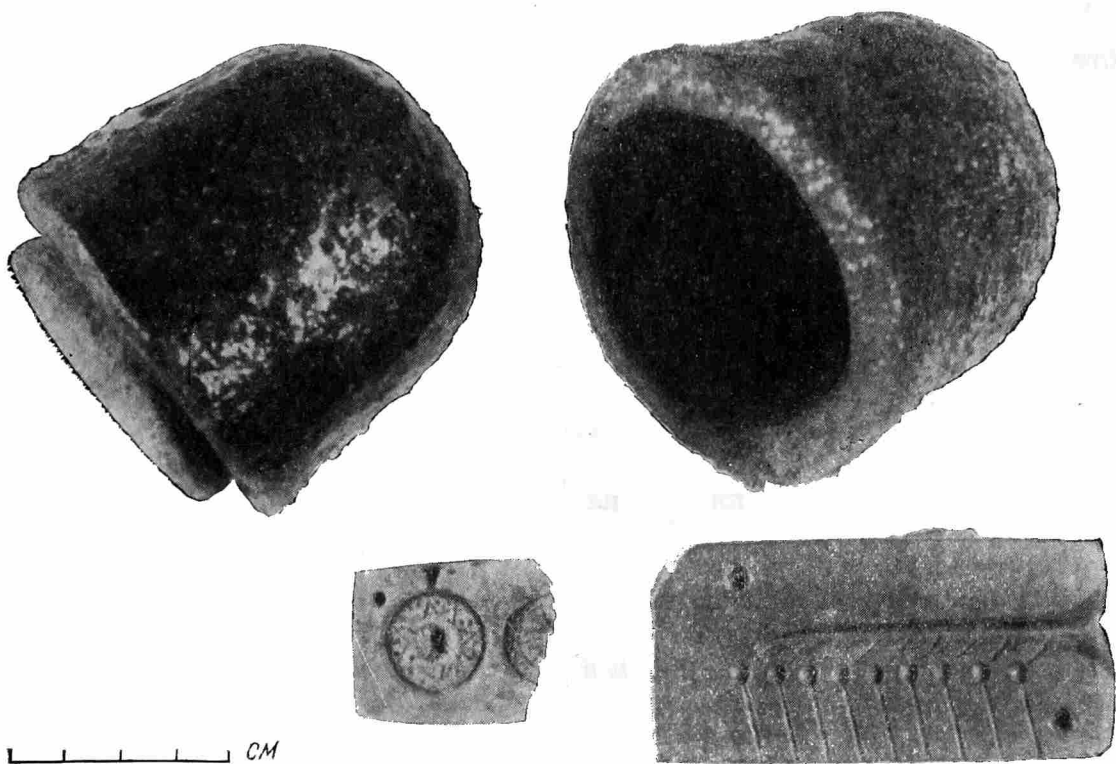

Рис. 25. Вещи из раскопок
 1 — литейные тигли и формы; 2 — красный изразец

прослежено в Новгороде)¹ обнаружить не удалось, но в западной части его открыта врытая в песок бочка, выдолбленная целиком из ствола липы. Диаметр бочки 56 см, высота 45 см. В стенке ее три отверстия, расположенных по вертикали примерно на равных расстояниях. При помощи этих отверстий предполагалось, очевидно, регулировать уровень какой-то жидкости (возможно, того самого «кваса уснияна», которым дубили кожи в древней Руси)². Район сооружения и значительная площадь к северу от него (на расстоянии по крайней мере 20 м) дали огромное количество находок, связанных с производством различных кожевенных изделий. Подавляющее большинство находок — фрагменты обуви разных фасонов и размеров. Здесь и сапоги, и «черевики»; обувь мужская, женская и детская, на каблуках и без них, часто с тисненым орнаментом на «головке». Найдены даже «поршни» и кожаные лапти.

Наиболее распространенными можно, пожалуй, признать сапоги без каблуков с подковками на пятках, на твердой подошве, с загнутыми кверху носками, которые украшались медными бляхами. Очевидно, лучшей обувью считалась такая, у которой головки были сделаны из тисненой кожи и имели как бы гофрированную поверхность. Иногда на коже оттискивался очень изящный орнамент в виде множества завитков, какие встречаются довольно часто и в рукописном, и в архитектурном орнаментах XV в. Среди находок несколько кусков сапожного воска, большое количество отходов производства, анализ которых помогает восстановить технику различных этапов производства обуви и в частности технику тиснения кожи. Не вдаваясь в подробности описания, которое может быть темой отдельной работы, отметим только, что сложный орнамент выкладывался из толстой нити, которая зажималась затем между двумя слоями кожи. Получившийся выпуклый орнамент обрабатывался затем по лицевой стороне дополнительно каким-то заостренным инструментом (рис. 26а). Некоторые фрагменты обуви (в особенности кожаной) имеют на себе следы, указывающие, что из этих кусков старой обуви вырезалась кожа, очевидно, для починки другой обуви. Вообще по характеру находок видно, что владелец мастерской не только обрабатывал кожу и шил из нее новую обувь, но, очевидно, зачастую чинил поношенную обувь, а возможно, и скупал старую обувь для того, чтобы, отремонтировав, снова пустить в продажу или же для того, чтобы, вырезав пригодные части кожи, употребить их как материал. Кроме обуви, он делал и другие вещи. Среди находок несколько ножен для кинжалов с богатым орнаментом (рис. 26б), а также части конской сбруи.

Открытие кожевенной мастерской заполняет важный пробел в изучении древнерусского ремесла. До сих пор кожевенное дело в древней Руси изучено очень слабо, в основном по материалам раскопок в Новгороде. Нахождение мастерской к западу от церкви Николая Мокрого представляет особый интерес в связи с тем, что на одном из древнейших планов Москвы, так называемом Петровом чертеже, за торговыми рядами к юго-востоку от церкви Василия Блаженного показаны «заведения продающих сапоги»³. Если учесть, что при наблюдениях за работами строительства в 1941 г. примерно в 150 м к западу от нашего раскопа также были найдены значительные остатки сапожного производства, то можно сделать вывод о довольно большой роли кожевенного производства в жизни Великого посада. Здесь, очевидно, помещалась в течение нескольких столетий не одна кожевенная и сапожная мастерская. Кожи и готовая обувь составляли, как это известно по письменным источникам XVI—XVII вв., существенную статью экспорта Московского государства в другие страны, например в Иран, куда

¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 401.

² Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 402.

³ Петров чертеж, обозначение № 7.

шли изделия и из самой Москвы¹, возможно, как раз те, что выдывались в Зарядье.

К концу XV в. или к первым десятилетиям XVI в. относятся открытые в раскопе II частоколы.

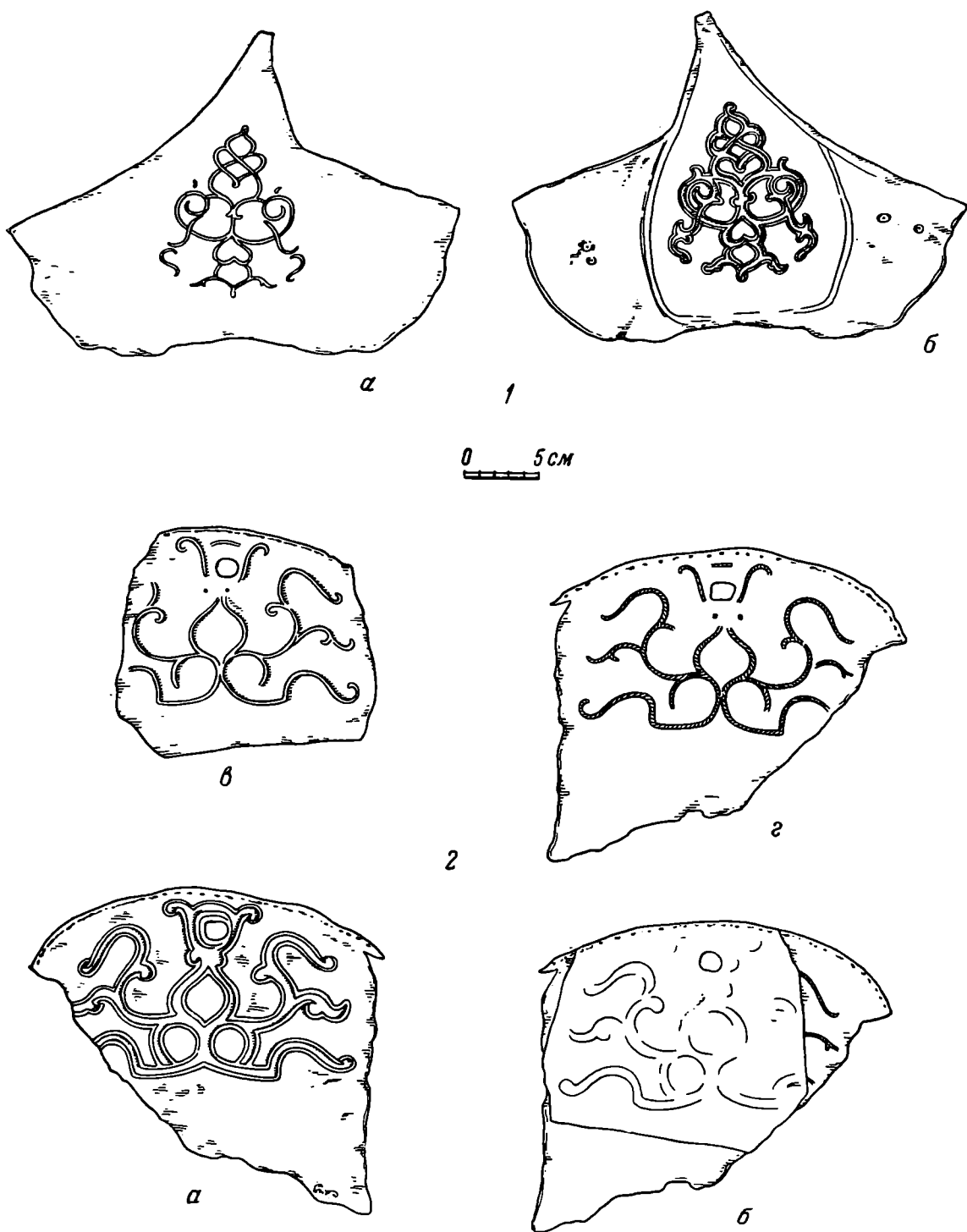

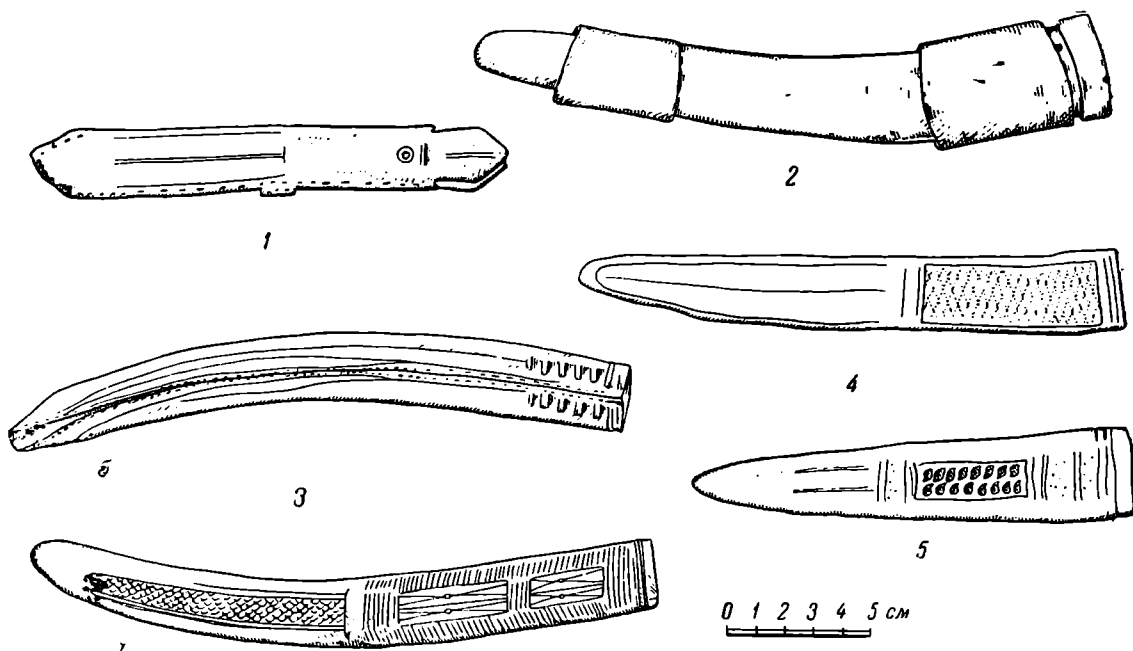
Рис. 26 а. Фрагменты орнаментированных кожаных изделий

Два частоккола шли в направлении с севера на юг на расстоянии 2 м один от другого. Западный частоккол составлен из колец диаметром до 20 см, укрепленных в земле с помощью продольных жердей; восточный —

¹ Автореферат диссертации М. В. Фехнер «Торговля Москвы с Персией».

из более толстых кольев, до 25 см в диаметре. Колья заострены кверху и обожжены на концах. Малая высота их (50—130 см) говорит о том, что вряд ли это заборы соседних усадеб. Можно предположить, что частоколы (в особенности восточный) являются частью древнейших укреплений посада (возможно, того самого рва, о котором говорится в приведенном выше летописном известии). Во всяком случае, направление частоколов вполне совпадает с указанными в летописи — от Николы Мокрого на Богоявленский монастырь. Вопрос этот требует еще дальнейшего исследования.

Между частоколами был обнаружен примитивный колодец, укрепленный не горизонтальными срубам, а вертикальными горбылями. Он был вырыт, очевидно, позднее сооружения частоколов. Находки в нем большого количества фрагментов кожи указывают скорее всего на какую-то связь этого колодца с кожевенной мастерской.

26 б. Кожаные ножны

Колодец и частоколы перекрыты весьма сложной вымосткой, сооруженной, судя по керамике, в середине XVI в. (здесь встречается грубая красная, мореная и черная лощеная керамика, которая, однако, еще не так обильна, как в более поздних пластах). Основу вымостки составляли крупные бревна (диаметром до 30 см), опирающиеся в середине на такие же бревна — лаги и лежащие таким образом, что в середине они примыкали друг к другу вплотную, а по краям находились на расстоянии в одно бревно. Пространство между бревнами было забито щепой и тонкими ветвями. Сверху этот каркас был прикрыт настилом, состоявшим из небольших вязанок таких ветвей, драни и тонких досок. Найденные на этом настиле куски деревянных осей телег, колесные чеки, кнут и т. п. позволяют предполагать, что перед нами своеобразно замощенный проезд. Направление его перпендикулярно Великой улице. По всей вероятности, это древний переулочек, который может быть узан и на некоторых планах Москвы (Петровом чертеже, плане Олеария и др.). Этому переулочку соответствует нижний горизонт мостовой, обнаруженный в раскопе III. Направление мостовой совпадает с направлением современного Мокринского переулочка, уходя всего на 3 м к северу. Это, несомненно, мостовая Великой улицы, шедшей от Константино-Еленинских ворот Кремля в направлении церкви Анны, «что в углу». Мостовая эта состоит из нескольких слоев, постепенно нараставших один на другой и разделенных толстыми прослойками грязи. Кон-

струкция ее обычна для древнерусских городов. Мостовая состояла из еловых плах толщиной 12—15 см, шириной 20—25 см, направленных перпендикулярно улице. Плахи лежали на продольных круглых лагах диаметром 15—20 см и были скреплены еще одной лагой, лежавшей поверх плах.

Улицы низменного района Зарядья, очевидно, были трудно проезжими и уже в древнейшую эпоху нуждались в вымостке. О попытках осушения площади Зарядья свидетельствуют найденные при археологических наблюдениях дренажные трубы. Они шли в направлении от Великой улицы к берегу реки на расстоянии примерно 80 см друг от друга. Трубы эти, оезу-словно, древнее Китайской стены, так как залегают всего на 40—60 см выше подошвы культурного слоя, причем ничто не указывает на то, что они лежали в глубоких ямах. Конструкция труб до деталей совпадает с конструкцией так называемых новгородских «водопроводов» XII в. Они сделаны из расколотых вдоль еловых бревен, половинки которых были выдолблены и положены одна на другую. Характер содержимого труб не оставляет сомнения в том, что это не водопровод, а дренажное сооружение, каким является, по всей вероятности, и новгородский «водопровод».

Мостовые и дренаж говорят о высоком уровне развития городского хозяйства в этой части Москвы уже в XV—XVI вв. Остатки усадеб и жилых домов, стоявших некогда по обеим сторонам Великой улицы, неоднократно встречены при наших раскопках. Можно даже проследить постепенное изменение границ этих усадеб. Так, над мостовой, открытой в раскопе II, находились прекрасно сохранившиеся плетни, колья которых были забиты в бревна мостовой. Это говорит о постепенной застройке проулка, занятии его территории соседними усадьбами, заборы которых мало-помалу продвигались на середину проулка. Наряду с заборами-плетнями встречаются и частоколы из тонких (диаметром 15—17 см) кольев. Сама внутренняя планировка усадеб в XVI—XVII вв. не была единообразной. Так, в раскопе III обнаружены срубы двух довольно больших зданий. Оба они находятся под каменным фундаментом XVII в. и датируются соответственно концом XVI в. Одно из зданий имело, по всей вероятности, земляной пол, другое — пол из выложенного в елочку кирпича. Нами вскрыты лишь части обоих зданий, но, судя по отсутствию признаков окон и по характеру находок, это были здания нежилые. Назначение первого из них неясно, второе же, с кирпичным полом, было, очевидно, конюшней. Здесь найдены подковы, удила и почти полный скелет лошади, возможно, погибшей при разрушении здания. Присутствие в засыпке сруба ручки богатого резного кресла и целого «красного» изразца с изображением единорога, по всей вероятности, случайно. На расстоянии 15—20 м к северу от описанных срубов, в раскопе II, обнаружены в соответствующих слоях порог здания и большое количество «красных» печных изразцов. Перед нами, очевидно, усадьба богатого человека. Дом стоял в глубине усадьбы, а на улицу выходили глухие стены надворных построек.

Планировка описанной нами выше усадьбы ремесленника-литейщика иная. Здесь дом выходил на улицу, а мастерская и надворные постройки находились в глубине усадьбы. Это и понятно, так как ремесленник, вероятно, тут же продавал свои изделия, и его дом должен был выходить непосредственно на улицу.

Несколько иную планировку имело здание середины XVII в., открытое в раскопе I. Оно состояло из трех небольших срубов, расположенных в притык друг к другу и, очевидно, соединенных дверьми. Длинная ось этой сложной постройки перпендикулярна улице. Здание, повидимому, выходило на улицу боковым фасадом, как современные деревенские избы. В доме было по крайней мере две печи, облицованные зелеными «муравлеными» изразцами, какие были распространены в Москве в середине XVII в. Окна были закрыты слюдой. Все это обличает во владельце дома человека

зажиточного. О его занятиях красноречиво говорит находка двух чернильниц, одна из которых приспособлена для ношения при себе. Хозяин, вероятно, был приказным. Многие дома имели глубокие погреба, в которых мы неоднократно находили остатки бочек для хранения продуктов. На одном дне бочки виден обрывок надписи: «се...».

Среди остатков жилых домов найдено большое количество бытовых предметов, прекрасно характеризующих различные стороны жизни московского посада. Здесь и деревянная посуда — ковши, миски, блюда и ложки,

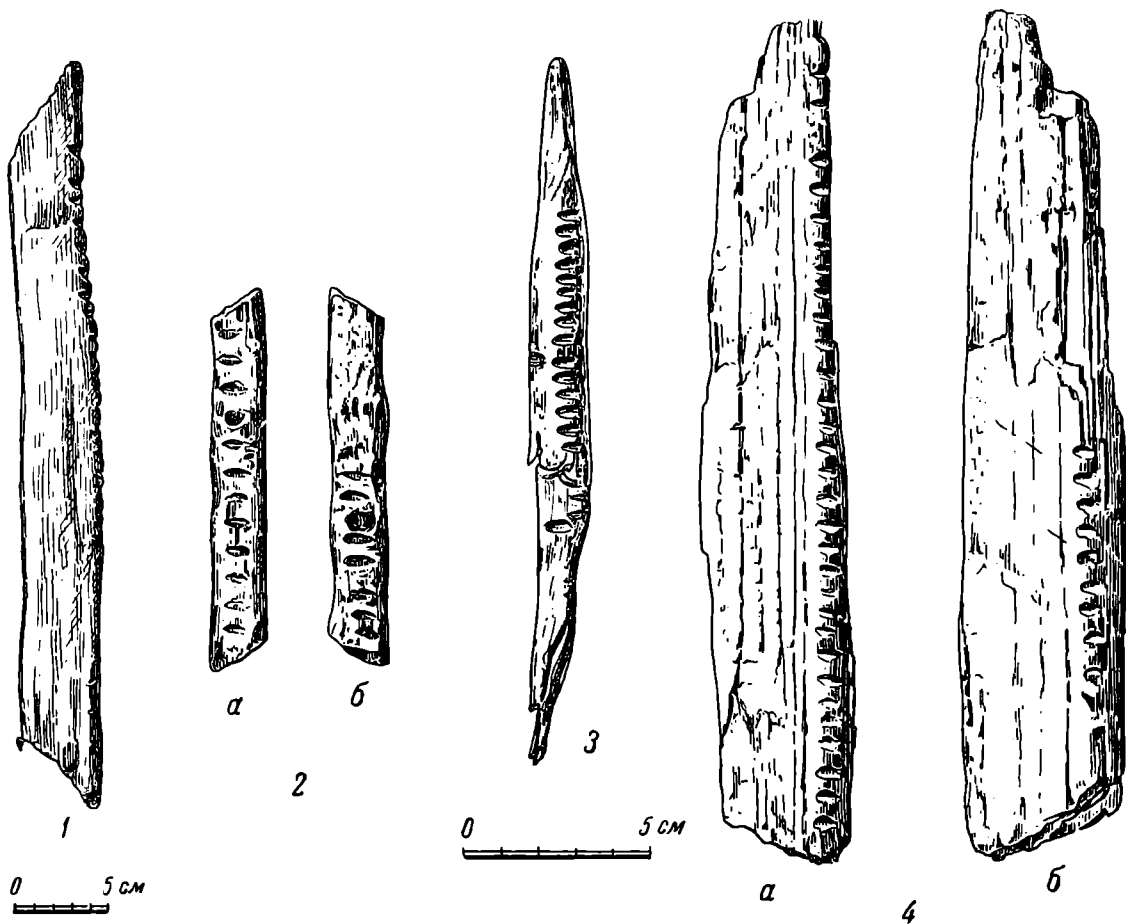

Рис. 27. Счетные бирки

и прекрасные образцы керамической посуды (горшки, кувшины и миски обнаружены в развалах печей), и мутовки для сбивания масла, и каменные и глиняные пряслица, и деревянное веретено, и ручка кресла, и головной гребень, покрытый богатым резным орнаментом, подобным тому, первые образцы которого так хорошо известны нам по новгородским раскопкам, и даже шахматные фигурки. Здесь хочется отметить одну категорию находок, имеющую особое значение. Это деревянные палочки с зарубками, которые представляют собой не что иное, как счетные бирки, своеобразные бухгалтерские документы нашей древности (рис. 27). Три из них особенно ценны, так как имеют на себе два ряда зарубок, причем каждым десяти зарубкам одного ряда соответствует одна зарубка другого. Бирки, подобные нашим, были найдены при раскопках в Новгороде в 1947 г. и тогда же определены как счетные документы. Но это определение вызывало возражения. Теперь, после находок бирок с зарубками по десятичной системе, сомнения в назначении и новгородских и московских «палочек с зарубками» отпадают.

О том, какую большую роль играло в жизни прибрежной части посада рыболовство, говорят найденные в большом количестве во всех горизонтах

культурного слоя каменные и керамические грузила для сетей, блесна, деревянные полавки. Охота же здесь занимала весьма незначительное место. Подавляющее большинство костей, найденных при раскопках, принадлежит домашнему скоту (преобладает крупный рогатый скот, на втором месте свинья и мелкий рогатый скот). Из диких животных отмечены только в трех случаях заяц и лось¹. Да и нахождение костей лося и зайца еще не говорит об охоте, как занятии местного населения. Житель московского посада в XVI—XVII вв. мог купить мясо диких животных на находившемся рядом торге.

Что же касается костей (точнее рогов) лося, то об их находке следует сказать особо. Обрезки рогов лося найдены в раскопе I, в слоях, датированных XVI—XVII вв., вместе с другими находками, говорящими о костерезном производстве. Рога эти, как правило, опилены с трех сторон металлической пилой. К тому же комплексу относятся крупные кости домашних животных с рядом небольших круглых высверлин, из которых каждая сделана с двух сторон. Очевидно, перед нами — отходы костерезного производства (во втором случае — производства костяных бус или пуговиц). Найдены и готовые поделки — мундштук от музыкального инструмента, пластина со сложным узором, игольник, сделанный из трубчатой кости, рукоятка с циркульным орнаментом, двусторонние гребни и т. п. Все описанные находки говорят о том, что в этом районе находилась костерезная мастерская, производившая различные тонкие поделки. Возможно, что владелец мастерской торговал не только своими изделиями, но и перепродавал попадавшие к нему костяные поделки. Об этом говорят находки шахматной фигурки («офицера» или пешки) в виде мужчины с длинными волосами в западноевропейской одежде XVII в. (рис. 28—1) и пластины-пряжки с тонко прорезанным изображением мужчины в голландской или немецкой одежде конца XVI — начала XVII вв. (рис. 28—2). Костерезное ремесло, наряду с ювелирным и кожевенным, характеризует развитие тонких ремесел в московском посаде.

Из отдельных находок допетровского времени хочется отметить целый рельефный «красный» изразец, очевидно из облицовки печи, найденный под развалинами одного из деревянных домов (рис. 25—2). На изразце чрезвычайно красочно изображена осада крепости, в которой участвуют и артиллерия, и стрельцы с характерным стрелецким знаменем, и копейщики, устремляющиеся на стену крепости. Подобные сюжеты известны, но данный встречен впервые. На другом таком же изразце изображен единорог.

Рядом с церковью Николы Мокрого, к западу от нее, в XVII в. уже стояли каменные палаты. Они перестраивались и в XVIII и в XIX вв. и дошли до нашего времени в виде невзрачного домика, в котором, однако, при обмерах 1941 г. архитекторы сумели вскрыть все основные части строения XVII в. Они считали, что этот дом принадлежал окольникшему Ивану Гавреневу. Однако чертежи Приказа тайных дел, относящиеся к этому району, позволяют установить, что дом Гавренева находился к востоку от церкви, а к западу от нее была усадьба другого знатного человека — стольника Сулешова. Белокаменный фундамент этого дома и был вскрыт при наших раскопках (раскоп III). Конструкция его весьма интересна. Фундамент, заложенный в сырой земле Зарядья, покоился на глубоко (до 2,5 м) вбитых в культурный слой сваях, поверх которых лежали в три-четыре ряда горизонтальные бревна — лаги. На лаги насыпался бут, и уже поверх него воздвигалась основная кладка фундамента из белого камня. Такие фундаменты часто встречаются в исследованном нами районе и в XVIII и в XIX вв. Древнейшим из известных нам каменных зданий, построенных таким образом, является Китайская стена

¹ Определение костного материала сделано В. И. Цалкиным.

(1538 г.), фундамент которой опирался по крайней мере на четыре ряда свай¹. Традиция эта просуществовала по крайней мере три столетия. Но фундамент дома Сулешова имеет другую важную особенность. В нем устроено специальное дренажное сооружение — черехугольная труба, сложенная из обтесанных плит известняка в виде короба, не имеющего дна. Труба шла от подвала дома к востоку, параллельно улице. Такого рода

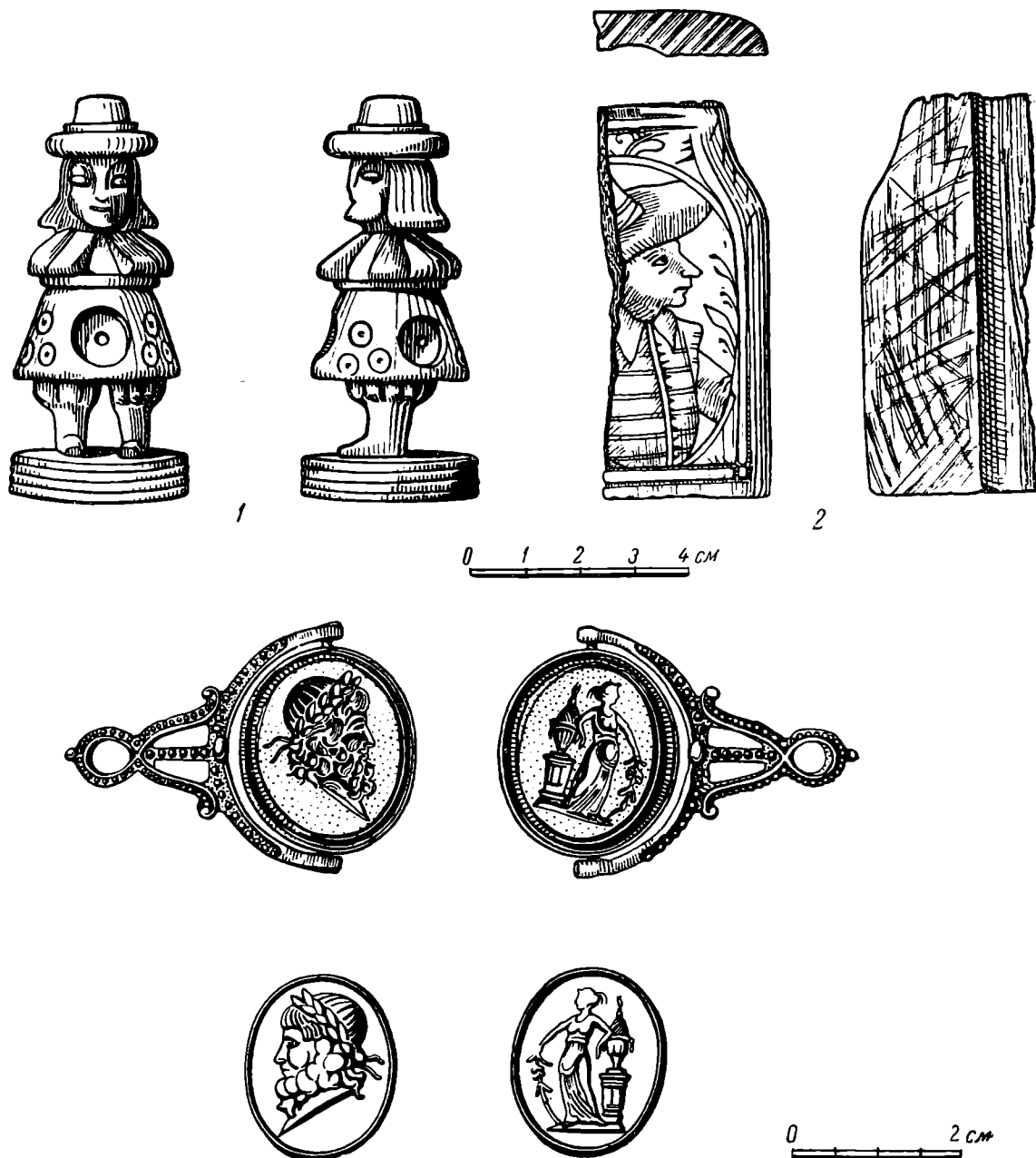

Рис. 28. Вещи из раскопок

1 — шахматная фигурка XVII в.; 2 — костяная пластинка с резьбой (XVI в.); 3 — печать XVIII в.

дренаж фундаментов является дальнейшим развитием дренажа из деревянных труб, открытого при наших наблюдениях в Зарядье и при раскопках в Новгороде.

Среди фундаментов зданий XVIII в. нередко встречаются характерные для этого периода расписные изразцы. В одном фундаменте (раскоп I) на

¹ Н. Д. Виноградов. Застройка и планировка от пл. Революции до Старой площади. МИА СССР, № 7, 1947, стр. 25, рис. 5.

ограниченной площади, всего 8—10 м², было найдено несколько десятков монет (с именами Петра I, Анны, Елизаветы, Екатерины II, Павла I и даже Людовика XVI французского). Такое скопление монет трудно объяснить иначе чем находением в этом месте какой-либо мелочной лавочки, сквозь пол которой проваливались в разное время эти монеты.

Из отдельных находок того же времени следует отметить небольшую, очевидно женскую (рис. 28—3), печать. На плоском овальном камне ее (вероятно, синий кварц) вырезана с одной стороны голова бородатого мужчины в венке в профиль; на другой стороне — изображение женской фигуры у урны. Бронзовая оправа камня укреплена с помощью штифтов в фигурной скобе, которая, очевидно, должна была подвешиваться на ленте или цепочке. На штифтах можно поворачивать камень вокруг оси и оттискивать по желанию любое изображение. По характеру изображений печать может быть датирована концом XVIII в.

Слой XVIII в. в исследованном районе уже сильно разрушен позднейшими земляными работами, а наслоения XIX и XX вв. вовсе удалены экскаватором.

Таковы вкратце те результаты, которые дает нам первичный анализ материалов раскопок. Мы проследили историю района с начального периода существования Москвы до XVIII в. Мы получили важные сведения о застройке и планировке посада у церкви Николая Мокрого, о ремеслах, составлявших экономическую основу существования посада, о культуре и быте старой Москвы. Но главный результат раскопок заключается в открытии на посаде культурных горизонтов XII—XIII вв.

Историки Москвы, опираясь на летописные известия и некоторые археологические находки, представляли себе Москву XII—XIII вв. как небольшую крепость, занимавшую лишь уголок кремлевского холма до здания современной Оружейной палаты. Так принято и до сих пор изображать Москву¹. Но еще И. Е. Забелин доказал, что население уже в XII—XIII вв. выходило за границы стен, спускаясь на «подол». М. Н. Тихомиров подкрепил это соображение Забелина рядом доказательств и пришел к выводу, что «Москва встает перед нами в значительно ином виде, чем это порой рисуется в некоторых сочинениях, старающихся представить Москву даже не городом, а какой-то захудалой княжеской усадьбой»². Но ни Забелин, ни Тихомиров не предполагали, что посад уже в первом веке существования Москвы занимал значительную часть современной территории Китай-города. Материалы же наших раскопок показывают, что поселение, связанное с московским посадом, доходило уже в домонгольскую эпоху почти до линии современного Псковского переулка.

Москва, таким образом, была уже в XII—XIII вв. достаточно большим городом с весьма значительным ремесленным и торговым посадом. Разоренная монголами в 1237 г., она не потеряла своего экономического значения, быстро оправилась и стала вскоре первым из русских городов, столицей централизованного государства. И предпосылки для этого, в виде большого и сильного посада, существовали, как показывают результаты раскопок, не только при князьях Данииле и Иване Калите, но и гораздо раньше.

Дальнейшее исследование Зарядья, и в первую очередь территории к западу от б. церкви Николая Мокрого, несомненно даст еще немало ценного для истории нашей столицы³.

¹ См., например, серию картин А. Васнецова, хранящуюся в Музее истории и реконструкции Москвы.

² М. Н. Тихомиров. Древняя Москва, стр. 150.

³ Во время раскопок 1950 г. получены новые материалы, говорящие о существовании в Москве ремесленного и торгового посада и в X—XI вв., а также уточняющие многие выводы, изложенные в этом сообщении. Мы не вносим исправлений в текст статьи, т. к. результатам раскопок 1950 г. будет посвящено следующее сообщение.

А. В. НИКИТИН

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЗАСЕЧНОЙ ЧЕРТЫ В РАЙОНЕ ТУЛА — ОДОЕВ — БЕЛЕВ

Многовековая борьба Руси за освобождение южных ее районов от господства татар после взятия Казани и Астрахани приобрела характер повседневных столкновений с остатками татарских орд (Крымской и проч.), отброшенных на юг.

Перед Московским государством встала задача обезопасить свои границы от татар, борьба с которыми требовала большого войска и значительных материальных затрат. Одним из средств этой борьбы было создание оборонительной линии со сложной системой искусственных и естественных укреплений, тянувшихся от мещерских до брянских лесов, — линии, известной под именем «Засечной черты».

Пытаясь определить место Засечной черты в истории русских фортификационных сооружений, мы найдем в ней многое, что сформировалось задолго до XVI в. на основе опыта многовековой борьбы с кочевниками и татарами.

Широкое использование лесных завалов, болот, озер и оврагов в качестве средств защиты не было новым для Руси уже в XI—XIII вв. Эти средства обороны успешно использовались феодальными княжествами XIII—XV вв., а позднее Московским государством. Засаки использовались в периоды Смоленской войны, польско-шведской интервенции и даже во время Северной войны. Задолго до создания Засечной черты XVI в. стали употребляться на Руси земляные укрепления с использованием примыкающих к ним естественных преград. Таким образом, еще в домонгольское время наши предки владели практически выработанными принципами, действенными средствами сооружения крепостей и создания защитных рубежей, в частности, со стороны кочевнической степи. Однако использовать опыт прошлого было недостаточно — создание Засечной черты явилось следствием развития Руси XVI—XVII вв. Ясно, что создать линию укреплений от касимовских до брянских лесов было под силу лишь сложившемуся централизованному государству, лишь оно могло поддерживать в полной боевой и технической готовности силы, сосредоточенные на юге. Только включив в свой состав все земли, по которым должна была пройти линия укреплений, только обладая централизованным военным и административным аппаратом, Московское государство могло создать Засечную черту.

Засечная черта не оставалась неизменной. Опираясь на традиции, Москва использует новые достижения русской и западноевропейской военно-инженерной мысли и в соответствии с ними изменяет отдельные части Засечной черты, о чем свидетельствуют ее перестройки и изменения в ранее

существовавших сооружений (например, около Венева и Тулы), использование новых для того времени типов укреплений (бастионы, рavelины, редуты).

Время, когда начала создаваться Засечная черта, нельзя определить точно. Основная линия пограничных укреплений, защищавшая в XV—XVI вв. Москву от татарских набегов, была на берегу р. Оки, т. е. севернее будущей Засечной черты. Но уже тогда города, вошедшие впоследствии в систему оборонительных сооружений Засечной черты и ставшие ее узловыми пунктами (Тула, Одоев, Лихвин, Перемышль), были укреплены. Судя по конструкции отдельных крепостей Засечной черты, их можно отнести к разным эпохам. Так, например, крепости Глебовский городок, Знаменский городок резко отличаются от сложных земляных укреплений Грабороновых ворот и Тулы. Глебовский городок был, по-видимому, тем древнейшим сторожевым пунктом, который был выдвинут на юг.

Московское правительство неоднократно убеждалось в надежности берега, и поэтому понятно, что созданная позднее Засечная черта следовала параллельно укреплениям берега, который стал второй внутренней линией обороны в системе укреплений юга Московского государства в целом. Ко второй половине XVI в. берег уже не мог считаться пограничным рубежом — интересы и земли Московского государства продвинулись далеко за его пределы на юг. Создавалась необходимость в защите новых владений Московского государства. Если раньше были достаточны отдельные форпосты южнее берега, то теперь Иван IV передвигает на юг всю линию укреплений.

Первые сведения, хотя и немногочисленные, о существовании новой линии укреплений, указывают на то, что Засечная черта появилась именно при Иване IV. В 1557 г. Иван Грозный дает поместье в Тульском уезде Третьяку Сухотину, Федору и Василию Королевым на имя «засечного прикащика» Иванца Скобелева¹. К 1598 г. относится известие, что Борис Годунов рассматривал «Засечные чертежи». В наказе 1638 г. Семену Волинскому определенно указывается, что Засечная черта во второй половине XVI в. уже существовала. В книге «Борьба Московского государства с татарами в XVII в.» А. А. Новосельский указывает, что создание Засечной черты — важное нововведение в обороне южной окраины — было возможно лишь после окончания Ливонской войны и высвобождения значительной массы войска, занявшего надежные укрепленные пункты на юге. Оборону укреплений, подобных Засечной черте, могла вести лишь хорошо организованная армия, подразделения которой связаны между собой и со штабом.

Начавшаяся вскоре после создания Засечной черты польско-шведская интервенция помешала использовать вновь возведенную линию укреплений. Расстроенное Московское государство и его дезорганизованное войско не смогли в это время воспрепятствовать татарскому войску проникать за пределы черты и грабить южные районы государства. Только после изгнания польско-шведских интервентов и ликвидации последствий интервенции Москва снова обратила внимание на оборону юга.

Укрепление финансов и экономики Руси было предпосылкой для возобновления работ по усилению Засечной черты, а политическая обстановка, сложившаяся к концу 30-х гг. XVII в., заставила Московское государство обратить серьезное внимание на оборону юга. В 30-х годах XVII в. учащаются набеги крымцев, так как в связи со Смоленской войной правительство не могло выставить против татарских отрядов достаточно большое войско. В 1633—1634 гг. татары сильно опустошили южные уезды, в связи

¹ Акты Юшкова. ЧОИДР, 1898, № 183.

с чем имели место побеги ратных людей из действующих войск в свои вотчины. Некоторое ослабление Руси вследствие неудачного исхода Смоленской войны и усиление антирусских происков Польского королевства среди крымских татар создавали угрозу повторных нападений. В 1637 г. казаки захватили Азов и тем самым сильно задели интересы Турции в Крыму. Не участвуя открыто в захвате Азова, Москва знала, что Турция не примирится с потерей, а постарается использовать своих крымских вассалов для борьбы с ней. В том же 1637 г., после очередного опустошения Московской уkraine, Богадур-Гирей откровенно писал в Москву, что нападение сделано по приказу султана в отместку за взятие казаками Азова и что весной на Москву будут двинуты новые силы.

Таковы непосредственные причины, заставившие Москву торопиться с реконструкцией Засечной черты. Работы по перестройке и усилению Засечной черты развернулись в 1638 г. Следует, однако, подчеркнуть, что они явились составной частью широких мероприятий правительства Михаила Федоровича, которое стремилось закрепить за Московским государством южные его окраины, парализовать татарские набеги. Одновременно с реконструкцией Засечной черты начинается сооружение Белгородской черты, а к югу от Засечной черты строятся города, имеющие характер крепостей-форпостов. Таким образом, Московское правительство имело в виду превратить Засечную черту во вторую, теперь внутреннюю, линию обороны, освободив часть ее военных сил для борьбы с татарами, шедшей намного южнее Засечной черты.

Мы осветили некоторые моменты истории Засечной черты. Перейдем к рассмотрению ее сооружений, исследованных во время разведки 1949 г. Разведка проходила в районах городов Венева, Тулы, Крапивны, Одоева, Лихвина, Перемышля Калужского, вплоть до брянских лесов.

Предварительно необходимо остановиться на характере местности изучаемого района, определившей особенности расположения крепостей и некоторые элементы конструкции каждой из них.

Тульский край находится на границе лесостепной и степной зон, леса расположены в юго-западной части его, где и были созданы засеки в собственном смысле слова. Юго-восточные районы Тульского края были лишены лесов. Необходимо было отсутствие здесь «лесных крепей» восполнить — вот почему этот район и укрепили деревянно-земляными оборонительными сооружениями.

Цепь крепостей в этом районе Засечной черты опиралась на р. Осетр, широкую, с высокими и извилистыми берегами, удобными для расположения на их изгибах крепостей. Местами на реке образовались отмели, удобные для перехода вброд, поэтому здесь находились татарские «перелазы», близ которых создавались особенно сильные укрепления.

Начнем наш обзор с крепостей, расположенных вокруг Венева.

В нескольких километрах от Венева, в районе деревень Звонка, Свердлово, Грабороново и Хруслонка, сохранились до наших дней остатки сложных земляных укреплений: валы и связанные с ними земляные крепости с бастионами, раскатами и редутами. В своей северной части линия укреплений примыкала к лесу, частично сохранившемуся до настоящего времени и крепившему фланг, в южной части она опиралась на Осетр, пересекая который, шла далее на юг. Даже сейчас крепости, лежащие на протяжении 2—3 км, имеют внушительный вид. Земляные валы хорошо сохранились, с их восточной стороны имеется ров (иногда он виден с западной стороны). С западной стороны на протяжении всего вала видна площадка в 80—90 м шириной, хотя сейчас она сильно распахивается. Нарциссов, автор книги «По Тульскому краю», сообщает, что раньше здесь можно было видеть небольшие валы и рвы, параллельные основным, что заставляет нас думать об укреплении пространства перед валом надол-

бами, как это было во многих других крепостях. Описание 1638 г. говорит: «Надолбы ставлены в три ряда, да на столбы связи положены и частички бит в ямах и меж ям. А ямы копаны в пят ряд, да ров копан в 2-х сажень, а глубиною сажень»¹. Описанный вал усиливался тремя редутами и тремя земляными крепостями, различными по конструкции. Крепость, находившаяся у ворот в валу (близ д. Грабороново, рис. 29а), представляет собою звездообразное укрепление с бастионом и рavelином, защищавшими вход в нее. Внутри крепости до сего времени видны следы угловых раскатов. Они представляют собой площадки, наклоненные под углом 12—15° к внутренней поверхности укрепления. Интересно отметить, что эта крепость, как и все последующие, расположена так, что из нее можно вести

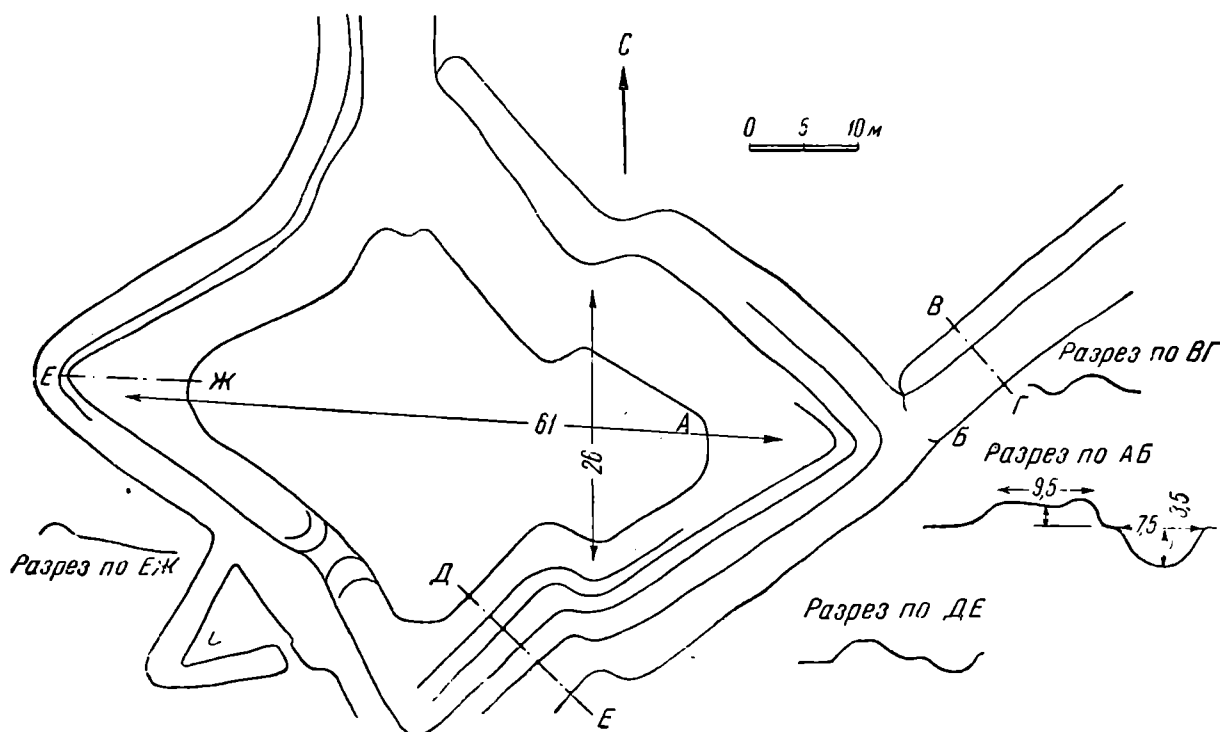

Рис. 29а. Засечная черта. Укрепление 1 у Грабороновых ворот

круговой обстрел с одновременной защитой подступов. С южной стороны к крепости примыкает раскат, длиной свыше 100 м, назначение которого — усилить огневую мощь крепости дополнительным артиллерийским огнем.

Далее в системе укреплений наблюдается чередование раскатов и редутов (рис. 29б), так, что редуты вели огонь под углом 45° по отношению к валу, а раскаты под углом в 90°. Тем самым огонь взаимно перекрещивался.

У самого берега р. Осетр, который здесь очень мелок вследствие разветвления его русла, находится огромная шестиугольная земляная крепость с тремя бастионами (рис. 29в), откуда также можно было вести обстрел в трех направлениях, но главным образом в сторону Осетра. Как в редутах крепости у самых ворот, так и здесь вход — наиболее слабое место всякой крепости — укреплен дополнительным земляным бастионом; к бастиону вплотную примыкает раскат, переходящий в плохо сохранившийся вал, следы которого все же ясно видны вплоть до берега Осетра. На противоположном берегу Осетра вал продолжается и примыкает к огромной земляной крепости (рис. 30). Крепость имеет форму четырехугольника площадью

¹ ЦГАДА, Московский стол, 140, стр. 210.

172 × 254 м. Стены крепости и раскатов образуют между собой тупые и острые углы. Раскаты расположены в центре каждой стены, для того чтобы создать не только перпендикулярно, но и продольно простреливаемое пространство. Здесь был применен способ фланковой защиты рвов — одно из достижений фортификации XVI—XVII вв. Вал этой крепости был построен с таким расчетом, что на любой его части можно было установить пушки. К углам крепости примыкают валы, причем вал, начинающийся у южного угла, лишен каких-либо дополнительных сооружений, даже раскатов.

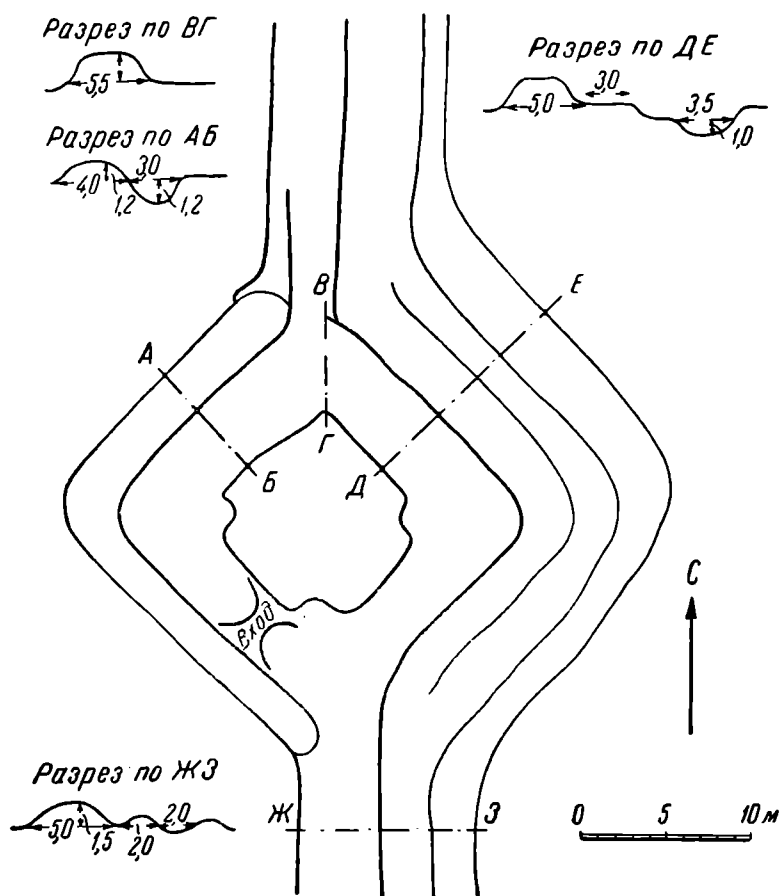

Рис. 296. Засечная черта. Укрепление 2 у Грабороновых ворот

Таким образом, основные пункты обороны описанного выше участка Засечной черты сосредоточиваются на берегах Осетра для защиты Грабороновых ворот. Вся система укреплений была приспособлена к ведению многосторонней обороны. Конструктивные особенности укреплений отражали на себе своеобразие борьбы с татарским войском, которое, иногда преодолев черту, с награбленным имуществом и пленными возвращалось восвояси часто теми же путями, какими приходило. Крепости с многосторонней обороной могли обрушивать огонь на захватчиков при их возвращении.

Только что рассмотренные сооружения отличаются от всех оборонительных сооружений Засечной черты (кроме крепостей «Завитая» около Тулы) наличием бастионов. Эта особенность может служить признаком, датирующим укрепления у Грабороновых ворот.

Развитие артиллерии привело к тому, что каменные и кирпичные стены крепостей не выдерживали артиллерийского огня, достигшего к XVI в. большой силы. Кроме того, при обстреле каменных и кирпичных стен из

пушек, стены разлетались иногда на массу осколков, наносивших вред обороняющимся. Поэтому к XVII в. ясно намечается тенденция к усилению сопротивляемости крепостей артиллерийскому огню путем создания земляных брустверов. Каменные ограды используются только в качестве опоры, когда крепостные насыпи особенно высоки. Земляные крепости XVII в. усиливали земляными же бастионами и рavelинами, которые при своем возникновении в XVI в. строились из камня. Бастионы были применены в 1618 г., при возведении Земляного города вокруг Москвы.

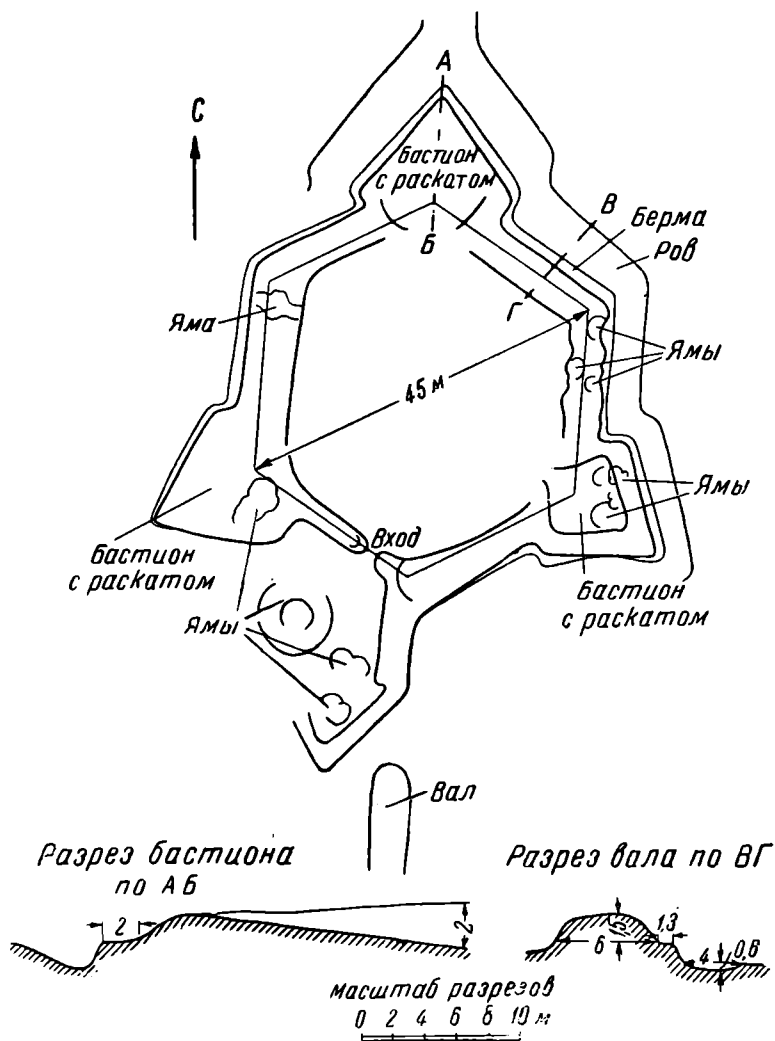

Рис. 29в. Засечная черта. Укрепление 4 у Граборовых ворот

К сожалению, облик их неизвестен. Вряд ли будет слишком смелым предположение, что при создании около Венева укреплений Засечной черты был использован опыт недавнего московского крепостного строительства.

Крепость другого вида, более распространенного, даже характерного для Засечной черты, находится южнее Венева, выходя несколько к югу за линию черты. Это крепость около д. Городище, при впадении речки Карнички в Шать (рис. 31).

На примере крепости у д. Городище можно разобраться в важной особенности топографии крепостей Засечной черты. Их располагали не только на наиболее легко преодолимых войском, плохо защищенных природой местах, но и на исторически сложившихся путях в Московское государство. При этом, как показали полевые наблюдения, старались сооружать

крепости недалеко от дорог. Другой особенностью размещения некоторых крепостей было стремление выдвинуть их на юг, за пределы черты, сделав, таким образом, их форпостами в борьбе с татарским войском. Цель, преследуемая таким размещением крепостей, была совершенно ясная — предупредить неожиданность нападения на Засечную черту. Вокруг выдвинутых укреплений сосредоточивалось земледельческое и ремесленное население. В своем большинстве южные города Московской уkraine, находившиеся в описываемый период далеко за пределами Засечной черты, были такими форпостами.

Небольшая крепость описанного выше типа находилась у д. Городище. «Городок», как его называют местные жители, в настоящее время представляет собой площадку (мыс) длиной около 130 м, шириною в 80 м, расположенную на 8 м выше реки Шать. С севера городок отделен от

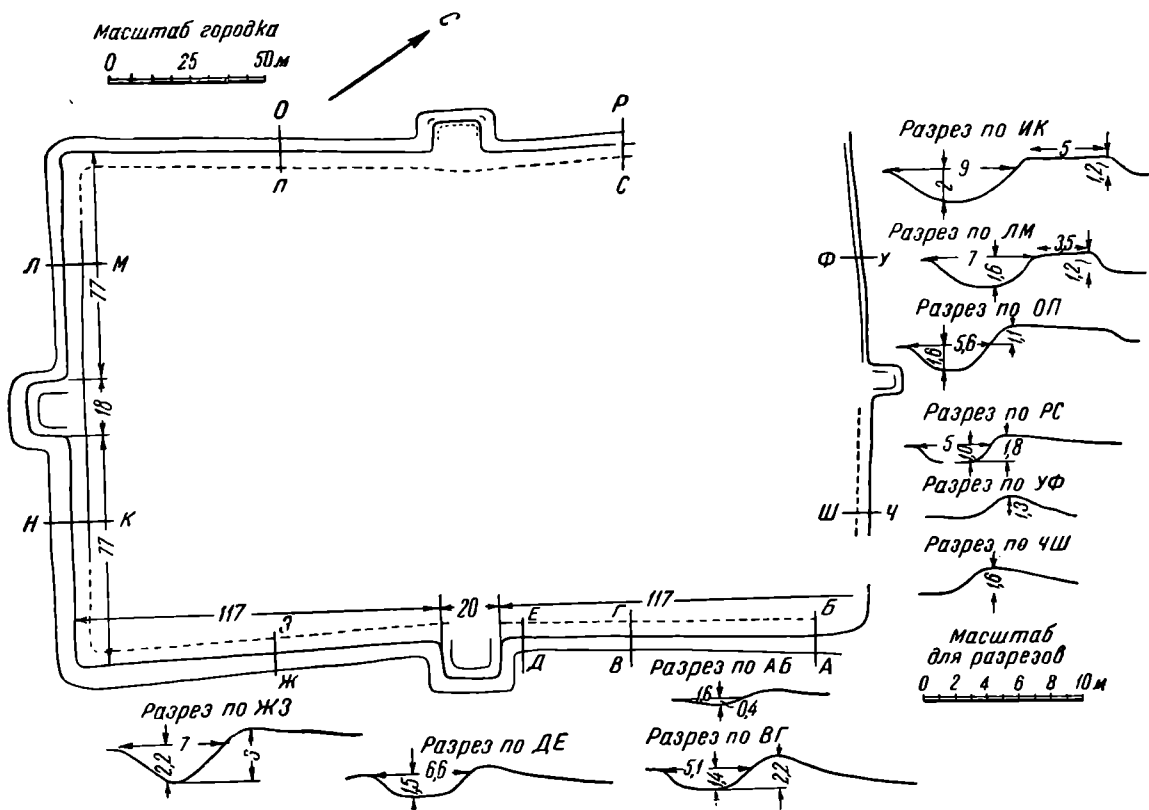

Рис. 30. Засечная черта. Укрепление 6 у Граборовых ворот. Устинский городок

плато тремя параллельными валами в форме полумесяца. Вал у самой площадки городка шириной 25 м в подошве и высотой в 5,5 м в центральной части. Соответствующие измерения среднего вала — 20 м и 2 м, третьего вала, обращенного к плато, — около 20 м и 2 м. К краям валы постепенно понижаются и делаются уже. На склоне мыса городка хорошо видна опоясывающая его площадка. Назначение ее — создать возможность для применения второго яруса огня. На площадке стояла, вероятно, изгородь.

Следует также обратить внимание на стремление укрепить район, прилегающий к городку, к которому примыкает вал со рвом протяженностью около 1 км. Вал со рвом замыкают рядом с городком значительную площадь. Сейчас высота вала равна 0,5—1 м, ширина в подошве 3—4 м. Весьма вероятно, что это укрепление предназначалось для того, чтобы укрыть под его защитой войско при небольшой высоте вала непременно со щитами. Применение вала свидетельствует о том, что местность у

д. Городище уже в XVII в. была безлесной, так как при наличии леса обычно не создавали валов, а делали засеки.

Крепость стремились усилить и другим способом — создать около нее с помощью земляных плотин искусственную водную преграду, защитное средство, не встреченное при исследовании восточной части Засечной черты (Рязань—Венев). На речке Карничке с юго-западной стороны городка хорошо видны остатки земляной плотины, при помощи которой речушка превращалась в наполненный водой трудно преодолимый ров. С восточной стороны городка находится лежащее на одном с ним уровне укрепление с характерным названием «Старое дворище», площадка которого отделена от

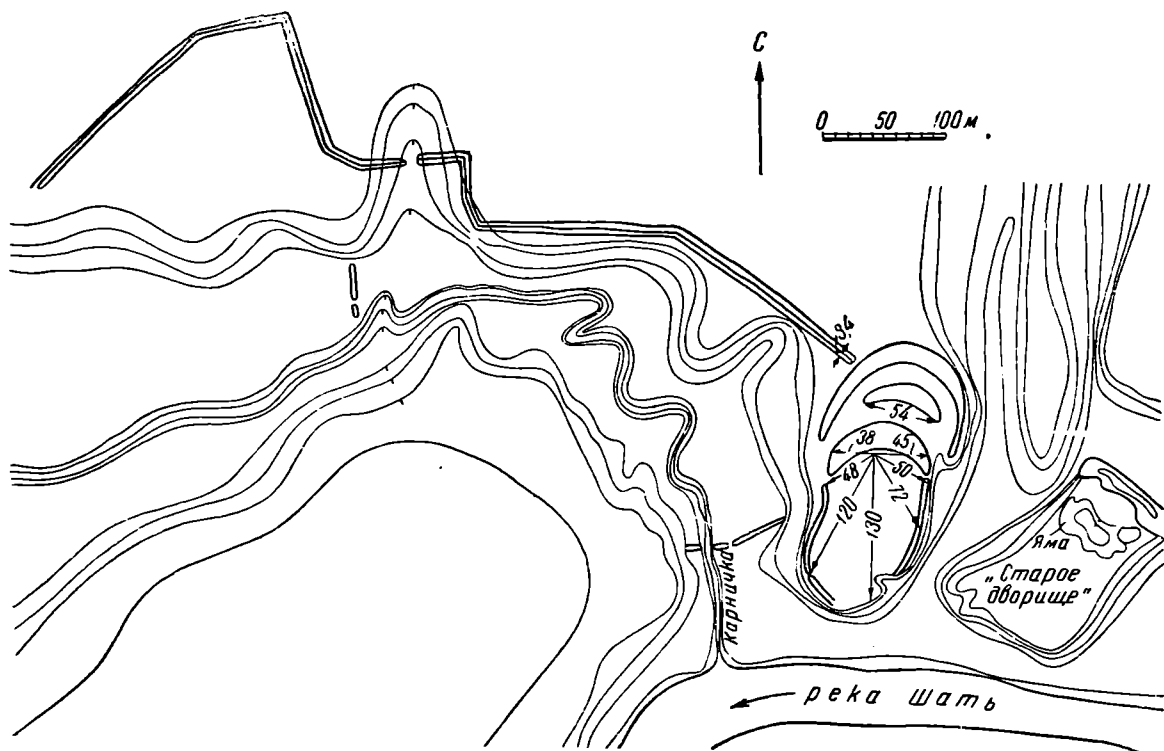
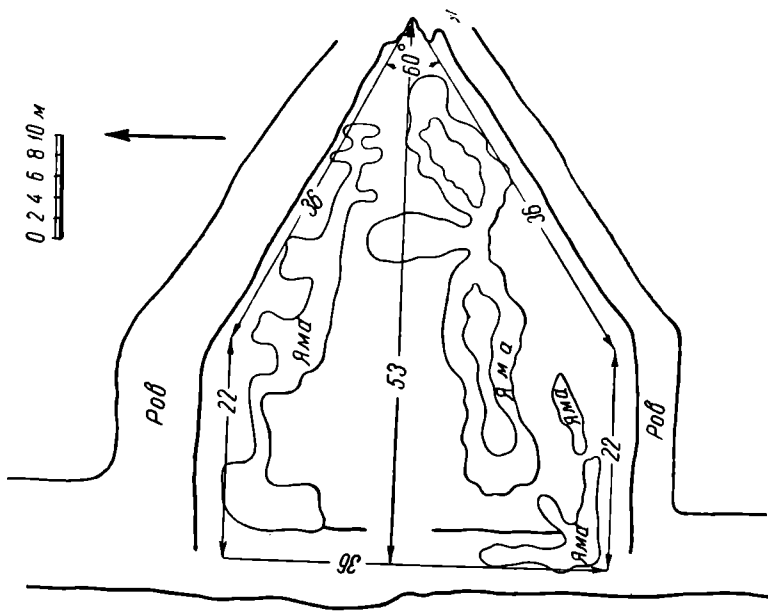

Рис. 31. Засечная черта. Укрепление у д. Городище

плато прямым, сильно перекопанным валом. Следует отметить, что на «Старом дворище» сделаны находки гончарной керамики, в том числе и лощеной. Характерное название памятника «Старое дворище» и находки керамики позволяют думать, что перед нами небольшое укрепленное поселение, возникшее под прикрытием крепости. Рядом с крепостью имеется сторожевой курган, расположенный на высокой открытой местности (за д. Арсеньево). Аналогичные по конструкции и расположению крепости были открыты и в других районах (у Одоева, Лихвина, Перемышля и др.). Знакомство с этими укреплениями дает лишь представление о некоторых деталях примененного в указанных местах одинакового способа обороны местности.

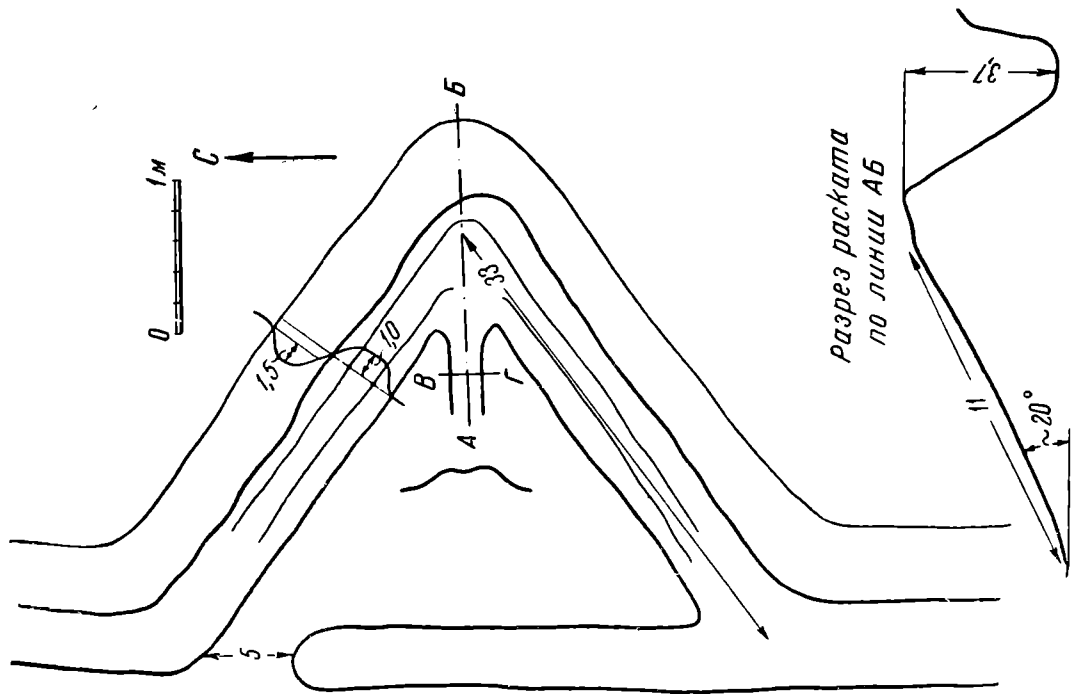
Иные укрепления мы видим в Туле, которая была окружена огромным земляным валом, известным под именем «Завитай», со сложной системой фортификационных сооружений, созданных во время перестройки 1638 г. Быстрый рост Тулы вызвал разрушение значительной части крепости, от которой в настоящее время сохранился небольшой участок, расположенный на южной окраине города, за заставой Л. Н. Толстого, где вал, проходящий с восточной стороны параллельно шоссе Тула — Киев, виден на протяжении ок. 4 км. Вал насыпан из глины, вследствие чего имеет устойчивый профиль, дошедший в первоначальном виде до настоящего

а

Фиг. 32. Элевционная черта

а — бастион 2 (Завитай); б — укрепление 4 (Завитай)

б

времени. В сечении вал представляет собою трапецию высотой 1,5 м, лишен бермы; к нему примыкает ров шириной 9—10 м и глубиной 2—2,5 м. Ров и вал покрыты дерном, что способствует их сохранности. В вал включен земляной бастион с внешним рвом (рис. 32а). Бастион внутри сильно разрушен, но и сейчас можно хорошо видеть его раскаты. С южной стороны бастиона профиль вала сохранился хуже, чем с северной. На другой стороне дороги находятся две крепостицы, в плане имеющие вид равнобедренных треугольников (рис. 32б), со сторонами длиной в 33—37 м. В месте смыкания стен хорошо видны раскаты. Вход со стороны вала. Следов укреплений при входе не видно; вероятно, их не было. Укрепления подобного рода несли функции башен и бастионов, т. е. защищали определенный отрезок стены крепости.

Чтобы исчерпать разнообразие форм укреплений Засечной черты, остановимся кратко на одном земляном укреплении, по особенностям его расположения относящемся скорее всего к Засечной черте. Мы имеем в виду круглую в плане земляную насыпь диаметром 22 м и высотой 1,5—1,7 м, лежащую у дороги Лихвин — Белев. С двух сторон в насыпи видны углубления — следы входа в крепостицу. Возможно, что перед нами один из сторожевых пунктов, столь распространенных на Засечной черте.

Из только что приведенного материала видно, что укрепления Засечной черты были очень разнообразны. Рассмотрение одних полевых материалов приводит уже к выводу о грандиозности предпринятых в 1638 г. работ, превративших Засечную черту в монолитное оборонительное сооружение. Усилив Засечную черту и создав Белгородскую черту, Московское государство могло быть спокойнее за свои южные границы.

И действительно, от времени после 1648 г. до нас не дошло каких-либо сведений о значительных набегах татарских полчищ на Московскую Украину. В обороне Московского государства очень большую роль сыграл выдающийся памятник русского военно-инженерного искусства — Засечная черта.

Д. А. АВДУСИН

РАСКОПКИ В ГНЕЗДОВЕ

Величайшая в мире гнездовская курганная группа уже давно привлекала внимание археологов. Впервые раскопки ее были поставлены в 1874 г. Кусцинским, затем там работали Сизов, Сергеев, Абрамов и другие исследователи в течение не менее 20 сезонов, причем было раскопано свыше 650 курганов. Последние крупные раскопки Гнездова (производившиеся Абрамовым) происходили более 40 лет назад, когда методика археологических исследований стояла еще на недостаточно высоком уровне. Почти все курганы копались колодцем или, в лучшем случае, траншеей. При такой методике, естественно, трудно было уяснить черты погребального обряда, разницу или сходство между насыпями, расположенными в различных местах группы, и т. д. Кроме того, очень мало внимания обращалось на хранение коллекций в надлежащем порядке, что в конце концов привело к невозможности выделить большую часть гнездовских погребальных комплексов и установить точную дату функционирования этого кладбища. Таким образом, новые раскопки в Гнездове были вызваны следующими причинами:

1. Необходимо было проконтролировать результаты старых раскопок на основе новой археологической методики. В том числе нужно было: а) уточнить обряд погребения в Гнездове вообще и в частности в лесной группе курганов, отличающейся, по словам Сизова, в этом отношении от центральной; б) уточнить хронологию Гнездова.

2. Необходимо было обратить особое внимание на лесную группу курганов в плане исследования ее связи с центральным Гнездовским городищем, так как оба памятника расположены на одном берегу ручья Свинца.

3. Требовалось также срочно обследовать несколько крупных курганов и поставить на них охранные раскопки.

Эти цели и имелись в виду, когда в июле 1949 г. объединенная экспедиция Московского Государственного университета и Смоленского областного краеведческого музея возобновила раскопки в Гнездове¹. В 1949 г. раскопки велись недалеко от центрального Гнездовского городища, по левую сторону ручья Свинца, на опушке леса и в лесу. Курганы здесь стоят чрезвычайно густо, так что иногда пола одного кургана находит на полу соседнего. В 1949 г. было раскопано 42 кургана высотой от 45 до 200 см.

Все курганы копались на снос, причем для зачерчивания профиля оставлялись обычно две, а иногда четыре бровки, которые потом сносились. Для измерения глубин и высот пользовались нивелиром. Современная раскопочная методика и техника позволили сделать ряд наблюдений,

¹ В экспедиции участвовали: аспирант исторического факультета МГУ Кызласов Л. Р., научные сотрудники Смоленского краеведческого научно-исследовательского института и Смоленского областного музея и студенты МГУ.

касающихся погребального обряда, которые не могли быть сделаны при раскопках курганов колодцем или траншеей.

Нам удалось доказать, что сожжения покойников производились не на подсыпке, как полагали предшествующие исследователи Гнездова¹, а на материке. Это заблуждение произошло потому, что без нивелира в Гнездове иногда трудно определить глубину и даже наличие ровика у кургана, а ровики эти глубоки. Высота кургана ранее измерялась из ровника, а глубина залегания кострища — от вершины кургана. Получавшаяся разница и падала на мнимую подсыпку. Благодаря вскрытию всей поверхности кострищ удалось установить, что в большинстве курганов сожжение произведено на месте сооружения насыпи, а не вне ее. Это наблюдение подтверждается наличием в центрах многих курганов угольной «подушки» (т. е. кучки углей в центре кургана), в то время как кострище простирается по всей вскрытой поверхности. Этот угольный слой, как правильно отметил Сизов, почти всегда подстилается белым оподзоленным песком. Сизов полагал, что этим песком специально посыпали площадку, предназначенную для сооружения костра², но оказалось, что этот песок не что иное, как сильно оподзоленный кострищем погребенный дерн. В тех случаях, когда в центре кострища наблюдалась угольная «подушка», этот белый слой находился только под ней, а в отдельных местах уничтожен при сгребании угля.

В одном из курганов были обнаружены под зольным слоем пять рвов, окружавшие центральную часть кострища, — любопытная деталь, оставшаяся не замеченной при раскопках курганов колодцем. Видимо, эти рвы образовались при выравнивании окружающей поверхности под кострище.

Исследование курганов, произведенное раскопками на снос, позволило установить, что некоторые сосуды стояли в полах курганов и не могли быть обнаружены при раскопках колодцем. Видимо, в раскопанных ранее курганах часть сосудов осталась в насыпи. Стало возможным установить, что помимо целых горшков в курганах часто встречаются сосуды, умышленно разбитые. Этот обряд отмечался ранее и Сизовым, но не в столь широких масштабах³. Кроме того, битые черепки археологи конца прошлого и начала этого века часто не считали за вещь и выбрасывали. В полах кургана часто встречаются кости лошади, ранее обнаруживавшиеся редко. Новые раскопки установили также, что костер часто складывали из тонких жердей и хвороста — уголь всегда очень мелкий, и остатки толстых бревен встречены в единичных случаях. Наконец, отмечен случай, когда на кургане первоначально стоял памятник в виде столба, подобного столбу на Черной могиле.

Таковы новые данные о погребальном обряде в Гнездове, полученные в результате раскопок 1949 г.

Подтвердились наблюдения Сизова о наличии в Гнездове курганов без погребений (пустых), причем совпало с нашими не только описание их устройства, но даже выявленное Сизовым их соотношение с общим числом раскопанных курганов — около 25%⁴.

Из 30 курганов, содержавших погребения, в 11 оказались погребения мужчин, в 7 — совместные захоронения, в 6 — женские. Остальные 6 неопределимы. Наиболее богатыми были погребения совместные, где главными оказались погребения мужчин. Богатые мужские погребения обязательно сопровождалась женскими. Курганы, содержавшие только погребения

¹ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. Гнездовский могильник. МАР, № 28, СПб., 1902, стр. 7.

² Там же, стр. 7.

³ Сизов. Указ. соч., стр. 18.

⁴ В. И. Сизов. Указ. соч., стр. 32. примечание; А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, 15. СПб., 1905, стр. 9.

мужчин, богатых захоронений не дали вовсе, — в них похоронены мужчины, принадлежавшие к среднему и низшему социальным слоям. Женские погребения содержали захоронения не только представительниц этих двух социальных слоев, но и высшего слоя.

Раскопки 1949 г. дали много интересных и важных находок. Прежде всего, необходимо отметить предметы вооружения, среди которых выделяются два меча превосходной работы. Их рукояти отделаны серебром. Оба меча были сломаны еще до того, как попали в огонь. Один из них относится по классификации Петерсена к типу «Е» (рис. 33), другой —

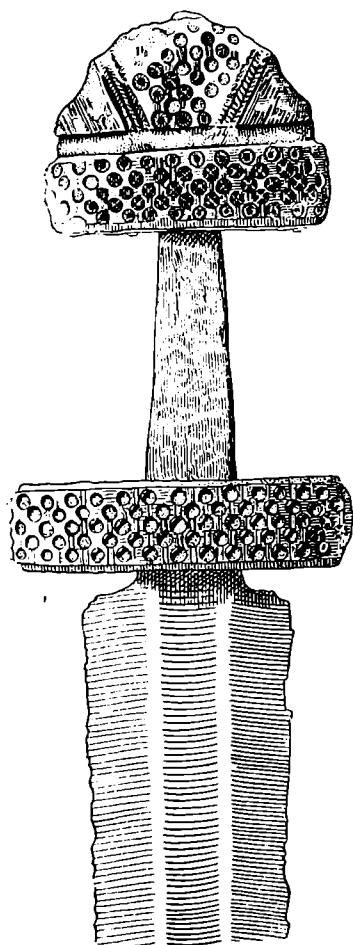

Рис. 33. Гнездово. Меч из кургана № 13

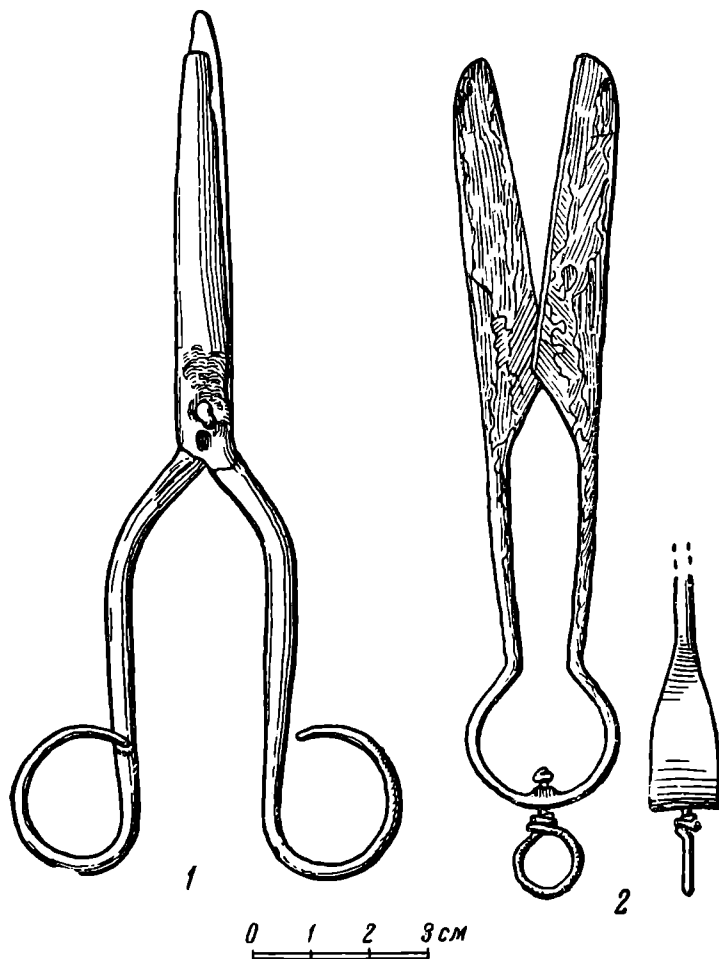

Рис. 34. Ножницы из гнездовских курганов

к типу «Н», оба датируются IX в.¹ От прежних гнездовских раскопок сохранились только три меча с рукоятями.

Из десяти наконечников стрел семь имеют господствующую на Руси ромбовидную форму, одна стрела вильчатая, какие довольно часто находят в древнерусских курганах, и только две стрелы имеют ланцетовидную форму. Пять ромбических и вильчатая стрелы найдены в одном кургане, причем весьма любопытно, что все стрелы были обращены остриями к одному центру, что могло получиться лишь в том случае, если они упали на кострище вместе с обгоревшим колчаном, который немедленно развалился, а стрелы рассыпались веером. Значит, стрелы носили наконечником вниз, а колчан — с правой стороны. В этом же кургане найдено массивное че-

¹ J. Petersen. De norske vikingesverd. Kristiania, 1919, табл. I, рис. 1 (тип «Е»), рис. 79 и 82, стр. 100, примечание (тип «Н»).

решковое ромбовидное копьё, несомненно метательное. Это первая находка подобного копья в Гнездове. Здесь же было найдено совершенно пережавевшее втульчатое копьё, видимо, листовидной, обычной в Гнездове, формы. Ножи, найденные в некоторых курганах, следует, по видимому, также считать оружием, исходя из их особой технологии и формы рукояти одного такого ножа, найденного и изданного Сизовым.

Прямо под дерном в одном из курганов найдена несомненно древняя, круглая, плоская, грубо обтесанная плита песчаника, являющаяся заготовкой жернова. Ручные жернова — частая находка на городских и сельских поселениях древней Руси. В Гнездове жернов встречен впервые. Аналогичные находки жерновов в курганах известны лишь в раскопках Антоновича на Киевщине¹.

Также впервые найден серп. Он довольно сильно загнут и имеет черенок для рукояти. Размеры серпа очень невелики и заставляют предполагать, что он не является орудием взрослого человека. Это либо орудие ребенка, либо его игрушка. В одном кургане с серпом были шарнирные ножницы (рис. 34—1). В Гнездове один раз такие ножницы были найдены в насыпи кургана и изданы Сизовым. Нахождение их в насыпи поставило под сомнение их дату. Ножницы из раскопок 1949 г. найдены на кострище и неоспоримо доказывают бытование ножниц этого типа в Гнездове уже в X в. В Египте еще в XI в. они вызывали удивление Насир-и-Хусрау. Он пишет: «Я видел ножницы, привезенные оттуда (из Тинниса, окраины Египта.— Д. А.), за которые спрашивали пять магрибинских динаров. Они были устроены так, что когда вынимали гвоздь, их можно было разнять, а когда его снова вкладывали, они резали»². Гнездовские ножницы сделаны из двух железных прутьев, причем их кольца не замкнуты, как у найденных в 1949 г. во Вщиже и в Монголии; гнездовские на 200 лет старше. Вторые ножницы, найденные в Гнездове в 1949 г., — древнего пружинного типа с колечком для подвешивания (рис. 34—2). Такие ножницы встречены в Гнездове неоднократно.

В кургане вместе с шарнирными ножницами найдена стальная швейная игла обычного для Гнездова типа — с круглым ушком. Пряслица представлены одной находкой. Найденный экземпляр сделан из серого шифера; подобные также неоднократно встречены в Гнездове. Бруски для точки ножей и других острых вещей имеют довольно стандартную форму; это — палочки серого сланца или песчаника, четырехугольные в сечении. Один раз встречены складные весы, которые представлены лишь обломком коромысла. Гирьки к подобным весам встречены много раз, причем найдены и бочковидные и многогранные. Второй раз за все время раскопок в Гнездове найден замок пирамидальной формы. Замок найден без дужки и без ключа. В другом кургане найден маленький ключик в форме лопаточки.

Украшений мужских и женских найдено довольно много. Среди них необходимо отметить массивные украшения из золота, впервые найденные в гнездовских курганах. Одно из них — бляшка — имеет форму, известную ранее по бляшкам курганов Гнездова, владимирских и ряда других мест. Это кружок диаметром около 2 см, в центре его выпуклость, от которой расходятся орнаментальные кружки, образующие фигуру, подобную Сегнерову колесу. Необычен материал и способ ношения бляшки, так как аналогичные ей бляшки употреблялись, как привески, и имели ушко, а данная бляшка имеет прикрепленную сзади золотую же скобку, которая надевалась на ремень. Удивляет материал скобки: при ношении на ремне скобка не могла быть видна, следовательно, не имело смысла делать ее из золота.

¹ Б. А. Рыбаков. Жернова Вщижского городища. КСИИМК, вып. XI, стр. 19.

² Насир-и-Хусрау. Сафар-Намэ. Книга путешествия. 1933, стр. 97.

Вторая бляшка гораздо крупнее, диаметром до 4 см, на ней сканью изображено какое-то свернувшееся в кольцо животное, может быть, дракон с птичьей головой, так как можно рассмотреть клюв и трехперый хохолок. На ободке волнистый орнамент. Выполнена она в очень хорошей технике. Данная бляшка является важной находкой и перекликается с золотыми украшениями, найденными на Гнездовском городище. Носилась она, видимо, на ушке, но ушко не сохранилось.

Весьма интересна также серебряная накладка, имеющая форму ряда пальметок, орнаментированных кружками (рис. 35-а). Б. А. Рыбаков не без основания полагает, что подобные накладки представляют собой оковки турьих рогов¹.

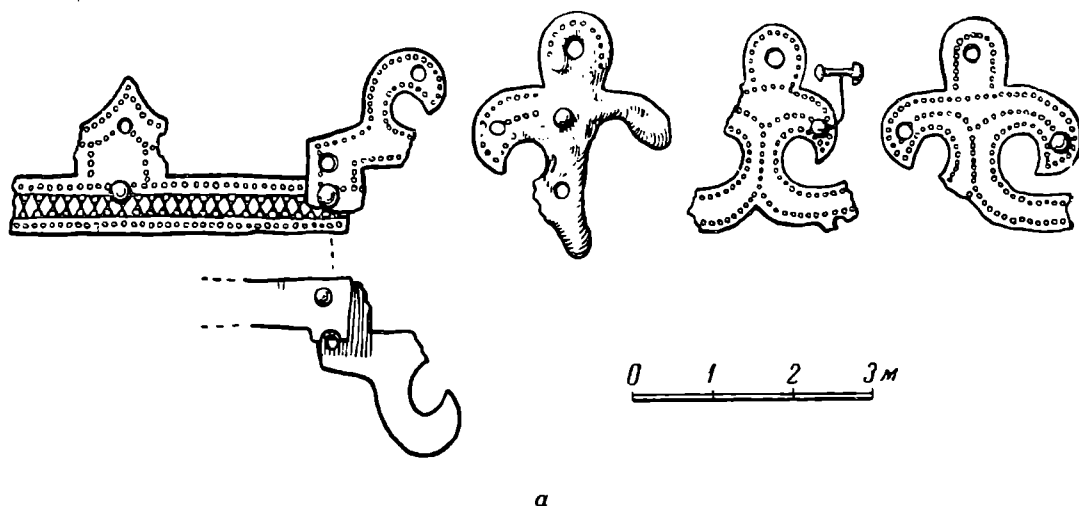
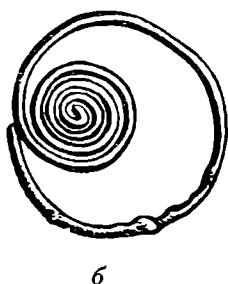

Рис. 35. Находки из гнездовских курганов
а — оковка турьего рога; б — височное кольцо из кургана № 13

Впервые в Гнездове найдена вещь чрезвычайной важности — спиральное славянское височное кольцо (рис. 35-б). Височные кольца из прежних раскопок в Гнездове неизвестны. Это кольцо сохранилось, видимо, лишь ввиду чрезвычайных обстоятельств находки, о которых будет сказано ниже. Найдены также бусы, плетеные из серебряной нити. Точно такие напускные бусы известны на славянских височных кольцах. Эта находка также чрезвычайно важна. Найдена серебряная сканная бусина; аналогичная ей есть в гнездовском кладе.

Только в богатых погребениях найдены хрустальные и сердоликовые бусы различных форм, преимущественно восьмигранные призматические и четырнадцатигранные. Один раз найдена бусина янтарная, похожая на костяшку от счетов. Часты бусы стеклянные. Неоднократно найдены обломки костяных гребней. Один раз, и впервые в Гнездове, найден обломок медного плоско-выпуклого тупоконечного браслета.

Весьма интересна находка маленького кувшинчика, сделанного на круге. Этот кувшинчик имел туалетное назначение.

Несколько раз встречены железные гривны гнездовского типа, привески, цепочки, различные фибулы, пряжки, пуговицы, шипы, два раза найдены игральные шашки, один раз кость с отметкой очков. Значительная часть

¹ Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА СССР, № 11, 1949, стр. 46.

гнездовских сосудов, как оказалось, сделаны от руки. Подсчет производить еще рано — не все сосуды склеены, но, видимо, перевес количества сосудов, сделанных на круге, не очень велик.

Один из курганов, раскопанных в 1949 г., ввиду особого характера найденного в нем инвентаря нуждается в особом описании. Это курган № 13. Он имел несколько плосковатую вершину. Все исследователи Гнездова отмечают, что именно в таких курганах найдены наиболее богатые погребения. Высота кургана 1,6 м, диаметр в среднем 15 м, окружность основания 47,5 м. Кострище лежало на материке и представляло собой скопление мелкого жирного угля. Оно имело неправильную форму, его поперечник — до 7,5, толщина — до 20 см.

В слое угля в юго-восточном секторе кострища стоял большой лепной асимметричный сосуд высотой 0,25 м. В сосуде были жженные кости, уголь, зола и вещи, среди которых спинки и зубья костяного гребня, бусы хрустальные, сердоликовые и стеклянные, обрывки бронзовой цепочки, описанное выше височное кольцо, бронзовый ключик и маленький кувшинчик. В сосуде были также необожженные кости птицы.

Восточнее сосуда была найдена воткнутая в кострище верхняя часть так называемого каролингского меча типа «Е», рукоять которого украшена серебром. Рядом лежала нижняя часть клинка. В северной части кургана, в зоне распространения угольного слоя, под ним в песке находился пустой лепной сосуд с зигзагообразным орнаментом, но по форме близкий к славянским горшкам, сделанным на круге. Рядом с ним лежали вещи, сплавившиеся вместе, среди которых можно различить пряжку, гирьку с отпечатком ткани и обломок орнаментированного коромысла складных весов. Рядом с весами лежала янтарная бусина. На середине расстояния между упомянутыми сосудами найден третий разбитый лепной сосуд, среди черепков которого были жженные кости.

Кроме того, в кострище найдено много обломков гребня, упомянутые выше плетеные бусы от височного кольца, несколько шипов и обломков мусата, сплавы серебра и, может быть, золота, а также пять диргемов.

К востоку от центра кургана находилось скопление заклепок (61) различной длины. Их расположение дает основание предполагать захоронение в ладье. Это второй случай захоронения в ладье, встреченный в Гнездове. По всему кострищу были разбросаны черепки по крайней мере двух разбитых сосудов.

Один из них был сделан на гончарном круге, и на одном его черепке была процарапана надпись. Сосуд был склеен, нашлось и продолжение надписи. Сосуд имеет амфоровидную форму с узким горлом, двумя ручками и круглым дном (рис. 36-а). Сделан он на круге ленточным способом, ленты хорошо видны. Тесто без крупных включений, обжиг ровный, хороший. Такие сосуды в древней Руси назывались корчагами. Они известны как по раскопкам, так и по изображениям на миниатюрах. Подобный сосуд XI—XII вв. имел надпись, сделанную киевским гончаром¹. По обожженному сосуду сверху вниз процарапано слово «гороухща» (рис. 36-б). Палеографический и смысловой анализ надписи произведен членом-корр. АН СССР М. Н. Тихомировым². Анализ букв полностью подтверждает дату надписи. Слово «гороухща» означает «горчица», что вполне согласуется со значением пряностей в древней Руси.

Под кострищем в материке обнаружена яма диаметром до 125 см и глубиной до 60 см. Яма была заполнена серым, оподзоленным песком с примесью угля и золы. В насыпи удалось выявить ясные следы столба —

¹ Б. А. Рыбаков. Надпись киевского гончара XI в. КСИИМК, вып. XII, М., 1946.

² Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. «Вестн. Акад. Наук СССР», 1950, № 4.

CM

a

b

Рис. 36. Гнездово. Сосуд с надписью из кургана № 13
a — сосуд; б — надпись на сосуде

памятника, подобного стоявшему на Черной могиле и аналогичного описанному Ибн-Фадланом.

Перехожу к хронологии. Необходимо отметить, что материал 1949 г. еще раз подтверждает, что гнездовская курганная группа была насыпана в короткое время — от конца IX до начала XI в. Данные раскопок 1949 г. дали возможность определенно говорить о существовании курганной группы в IX в., что раньше предполагалось по отдельным вещам, но не было видно ни по одному комплексу. Примером такого погребения, относящегося к концу IX в., может быть четырехугольный курган, описанный А. Н. Лявданским¹ и раскопанный нами. Это курган № 38, имевший под кострищем ровики, упоминавшиеся мною выше. В нем найдены хрустальные и сердоликовые бусы. Один тип сердоликовых и хрустальных бус (четыре-надцатигранных) весьма распространен в IX в., что подтверждается нахождением их в киевских погребениях с монетами IX в.² Ни одной призматической бусины, которые, по моему мнению, являются более поздними, в кургане № 38 не найдено. Зато найдена любопытная восьмигранная призматическая с пирамидальными концами хрустальная бусина очень крупных размеров, какие чрезвычайно редко встречаются, а если и встречаются, то именно в ранних погребениях. Чтобы проверить дату, обратимся к двум монетам, найденным в этом кургане (определение монет произведено научным сотрудником ГИМ С. А. Диомидовой). Одна из монет стерлась настолько, что по ней можно определить только династию, при которой она отчеканена, — Аббасиды; она может относиться ко времени от начала IX до начала X в., т. е. ее дата весь IX в. Вторая монета, также аббасидская, происходит из Армении и относится к 228 г. хиджры, т. е. к 842—843 гг. н. э. Таким образом, эти монеты подтверждают бытование указанного вида бус в IX в. и датируют рассматриваемый курган концом IX в. Остальные находки из этого комплекса для дат не характерны.

Все прочие раскопанные курганы относятся в основном к X в., как к началу, так и к концу его, что подтверждается не только некоторыми вещами, характерными для этого времени, но и монетами. Особо следует остановиться на датировке кургана № 13, где найден сосуд с надписью. Как я указывал, там же найден меч, который датируется IX в. Это уже дает приблизительную дату. Точную дату дают арабские диргемы. Лишь один из них неопределим. Вторым диргем, единственный в кургане диргем с ушком, дает нам только династию. Он, как и все остальные, чеканен при Аббасидах. Приблизительная дата третьего диргема — вторая половина VIII — начало IX в. Четвертый диргем чеканен в 234 г. хиджры (848—849 гг. н. э.), пятый, происходящий из Мединет-ас-Селяма (Багдад), чеканен в 295 г. хиджры, т. е. в 907—908 гг. н. э. Если для третьего диргема за дату чеканки принять даже наиболее позднюю — начало IX в., то по сравнению с последней монетой получается, что он бытовал не менее 100 лет — срок для монеты очень большой. Поэтому можно утверждать, что между временем чеканки самого позднего диргема и временем захоронения был очень небольшой перерыв. Следовательно, дата курганного комплекса весьма близка к дате чеканки этого диргема — первой четверти X в. Остальные вещи этой дате не противоречат. Таким образом, наша надпись тоже относится к первой четверти X в. и является древнейшей русской надписью.

Гнездовские раскопки 1949 г. позволяют сделать ряд важных выводов.

Находка русской надписи начала X в. имеет чрезвычайно важное значение. Ни одна из известных русских надписей не восходит к X в., почему

¹ А. Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губернии. «Труды Смоленских государственных музеев», вып. I. Смоленск, 1924, стр. 134.

² Л. А. Голубева. Киевский некрополь. МИА СССР, № 11, М., 1949.

начало русской письменности относили только к XI в. Теперь мы знаем, что русская письменность существовала по крайней мере на столетие раньше — в первой четверти X в. Гнездовская надпись является одним из звеньев в цепи представленных советскими учеными непреложных доказательств того, насколько глубоки корни русской культуры.

Результаты раскопок в Гнездове наносят еще один жестокий удар пресловутой норманской теории. находка в кургане русской надписи говорит и о том, что погребенный в нем человек не был скандинавом. А весь обряд погребения в этом кургане подходит к тем чертам обряда, которые, по словам норманистов, якобы, являются скандинавскими. Здесь есть и сломанный меч, и сожжение в ладье, и железная гривна¹. Но здесь же, кроме надписи, найдено славянское височное кольцо и бусы от подобных же славянских украшений. Отсюда вытекает, что обряд захоронения в ладье не был обрядом, типичным только для скандинавов. В кургане № 13 найдены и кости птицы, и памятник на вершине кургана, что совпадает с обрядом похорон руса, описанным Ибн-Фадланом. Обряд порчи мечей и битья посуды, как я имел случай отметить раньше², также не является норманским, чему теперь получено еще одно веское подтверждение. В 1949 г. в Гнездове, как и при прежних раскопках, не встречались топоры скандинавского типа — характерное оружие варягов. Наоборот, среди богатых погребений выделяются погребения воинов с чисто русскими типами стрел и копий. Нет в богатых курганах и орудий труда, непременно и в изобилии имеющих в богатых погребениях Скандинавии. Нет в курганах и типичных скандинавских вещей, за исключением обломков единственной фибулы, но остальной инвентарь кургана, где найдена фибула, отнюдь не норманский, так же как и инвентарь других курганов. Таким образом, Гнездово никогда не являлось скандинавской колонией, а варяги никогда не были создателями русской культуры, русской государственности.

Гнездовский материал 1949 г. позволяет сделать и ряд других выводов. Он лишний раз убеждает в том, что дружинники, погребенные в Гнездове, резко делились на несколько социальных групп. Первую группу составляет верхушка дружины, военные вожди пока еще племенной дружины, погребенные обязательно с убитыми рабынями. Это наиболее богатые погребения. Вторую группу составляют погребения дружинников, иногда снабженные предметами вооружения, поясными наборами, гирьками от весов (а может быть, и самими весами) и другими атрибутами воина-купца. Это погребения рядовых дружинников, составлявших основную массу дружины. Курганы, почти не содержавшие вещей, заключали погребения мужчин третьей, беднейшей социальной группы. Это «вой», ополченцы, которые, по предположению академика Б. Д. Грекова, набирались не только из горожан, но и из свободных общинников. Этим попутно объясняются громадные размеры гнездовской курганной группы, так как Гнездово тогда следует рассматривать как почетное кладбище, где похоронены не только смоляне, в том числе и беднейшие, но и ополченцы ближайших и дальних деревень. Социальная дифференциация коснулась, конечно, не только мужчин, о ней говорят и женские погребения. Об имущественной дифференциации, может быть, свидетельствует и наличие в некоторых курганах только зубов лошади, а в других курганах — конских черепов, как бы символизирующих целую тушу, но это еще следует проверить.

Раскопки 1949 г. позволяют уточнить и характер вооружения и снаряжения русского дружинника. Впервые в Гнездове открыто короткое метательное копье, найдено также копье ударного действия. Кажется, что

¹ Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М., 1930, стр. 255; Т. Агге. La Suède et l'Orient. Upsala, 1914.

² Д. А. Авдусин. Варяжский вопрос по археологическим данным. КСИИМК, вып. XXX, М., 1949.

несомненное боевое значение имели и ножи, которыми могли быть вооружены и дружинники и ополченцы. Боевое назначение гнездовских ножей подтверждает и их технологический анализ, произведенный Б. А. Колчиным. Несомненно, что кривичская дружина включала в себя значительный конный отряд, на что указывают десять курганов (из тридцати раскопанных) с остатками конских костей.

Впервые удалось археологически подтвердить мнение, что жители древнего Смоленска занимались сельским хозяйством, о чем говорит находка серпа, пусть даже детского. Подсобное сельское хозяйство обычно для средневековых городов Западной Европы и Руси.

Связь лесной группы курганов с центральным городищем несомненна. О ней говорят находки на городище и в курганах однотипных бляшек, может быть, сделанных одним мастером. Найденные в курганах золотые бляхи свидетельствуют о значительном развитии ремесла, о высоком мастерстве, которое требовалось для обращения с дорогим материалом. Об этом же говорит художественность изображения на бляхе; последняя, между прочим, могла играть такую же роль, какую играли бармы, т. е. быть знаком достоинства.

Необходимо отметить, что лесная группа курганов имеет тот же характер, что и центральная, как по социальному и этническому составу погребенных, так и по обрядам. Удалось установить, что самым ранним курганом (IX в.) является четырехугольный плоский курган, что заставляет в будущем обратить особое внимание на эти малоисследованные четырехугольные курганы, небольшое число которых еще имеется в Гнездове. Стоит отметить, что самый большой из раскопанных нами курганов — курган № 33, имевший в высоту 2,0 м, в диаметре 25 м и по окружности 86 м, содержал рядовое, обычное для Гнездова погребение, в то время как маленькие курганы часто содержали погребения очень интересные. Значит, не нужно думать, что в Гнездове интересны лишь большие курганы.

Раскопки позволили установить, что преобладание в Гнездове керамики, сделанной на гончарном круге, еще не очень велико, а процент горшков лепных еще весьма значителен, что объясняется отнюдь не пережитками в обряде погребения.

Я. В. СТАНКЕВИЧ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА В ВЕЛИКОЛУКСКОЙ ОБЛАСТИ

Разведочные работы на территории Торопецкого района Великолукской области, производившиеся в 1949 г. ЛОИИМК совместно с Торопецким музеем краеведения, имели целью положить начало планомерному исследованию археологических памятников в бассейне верхнего течения Зап. Двины, почти не изучавшихся в прошлом.

В 70-х годах прошлого столетия Псковская археологическая комиссия проводила работы по первоначальному учету памятников старины, сосредоточив свое внимание преимущественно на западных частях губернии, и лишь частично коснулась юго-восточных уездов Псковской губернии, Великолукского и Торопецкого¹.

Систематические раскопки археологических памятников здесь вовсе не производились, и лишь в 1901—1902 гг. небольшие раскопки В. Н. Глазовым длинных курганов дали известное основание А. А. Спицыну принять в дальнейшем в качестве юго-западной границы их распространения верхнее течение Зап. Двины².

Уже в те годы, учитывая собранные отрывочные сведения о городищах, А. А. Спицын придавал важное значение уяснению характера западнодвинских древнейших городищ³.

Возобновившаяся в советское время работа местных музеев по учету и охране древних памятников в известной мере носила случайный характер. И лишь в 1938—1939 гг. Н. П. Милоновым было предпринято исследование поселений великокняжеской эпохи на территории г. Торопца, где он произвел разведочного характера раскопки на городищах Кривит и Привалье. К сожалению, эти небольшие работы не были в дальнейшем продолжены.

Этой недостаточной изученностью археологических памятников на территории области и были вызваны предпринятые нами разведочные работы. В этих работах принимали участие от ЛОИИМК младший научный сотрудник Н. Н. Гурина и от восточного факультета Ленинградского ордена Ленина Гос. университета им. А. А. Жданова старший научный сотрудник А. И. Попов.

¹ Ф. А. Ушаков. Описание древних городищ, городков, курганов, валов, каменных крестов, мостов и камней с отпечатками разных предметов, сохранившихся в Псковской губ. (Материалы для составления археологической карты). Псков, 1897.

² А. А. Спицын. Удлиненные и длинные курганы Смоленской губ. Архив ИИМК, дело № 61, л. 181.

³ А. А. Спицын. Новые данные о городищах Дьякова типа. ЗОРСА, т. VII, вып. 1, СПб., 1905, стр. 93.

При обследовании нами была избрана основная водная магистраль данного района — р. Торопа, главный приток верхнего течения Зап. Двины, имевший в древности важное значение. Маршрутом разведки (общей протяженностью свыше 120 км) было охвачено все течение р. Торопы в пределах Торопецкого района, начиная от д. Городок на оз. Яссы на севере до д. Золотилово на юге, причем обследовались оба берега реки, а вместе с тем и берега озер, связанных с течением р. Торопы: Яссы, Кудинского, Кудинец, Соломеного, Заликовского и Сельского. Обследование производилось в двух направлениях: по линии поисков и изучения древнейших памятников эпохи неолита и по линии выявления памятников I тысячелетия н. э., и в этом отношении избранный маршрут разведки вполне оправдал наши ожидания.

В процессе разведки было вновь выявлено свыше 20 неолитических стоянок охотничье-рыболовческого характера, расположенных на древних береговых террасах, в старицах рек, на берегах заливов и на мысах. Специальным исследованием этих памятников занимается участвовавшая в разведках Н. Н. Гурина.

Однако основное значение для данного района имеют вновь обнаруженные 40 памятников середины и второй половины I тысячелетия н. э.; среди них имеется 10 городищ, 12 селищ и 18 курганных групп и могильников; итогам предварительного изучения этих памятников и посвящена настоящая статья.

Прежде всего следует отметить характерное для этих памятников расположение группами или гнездами по течению реки, при расстоянии от 5 до 15—20 км от одной группы до другой. Обычно в каждой такой группе имеется от одного до четырех городищ, сочетающихся как с селищами, так и с расположенными на некотором отдалении от поселений (на расстоянии в 0,5—1 км) курганными группами или могильниками.

В качестве основных, вновь обнаруженных нами комплексов памятников следует указать:

- а) группу на оз. Яссы у д. Городок и у Туровского погоста;
- б) группу на оз. Кудинском между деревнями Борисы и Шалаи;
- в) группу памятников в районе д. Ново-Бридино;
- г) группу памятников при истоке р. Торопы из оз. Сельского между деревнями Хворостьево и Золотилово (рис. 37).

Последняя группа является ярким примером густой насыщенности древними памятниками обследованного нами района. Здесь на протяжении всего 2—3 км было обнаружено древнее городище, несколько селищ и три курганных могильника.

Собранный нами в результате разведки небольшой археологический материал, естественно, не дает оснований для абсолютной датировки обследованных памятников и тем более для широких обобщений. Однако на основании изучения их внешних признаков, сравнения систем оборонительных сооружений, а также на основании собранного, преимущественно керамического, материала, можно произвести предварительную классификацию вновь открытых памятников.

К числу наиболее древних поселений должны быть отнесены городища группы, расположенной в северной части обследованного района, — у д. Городок на оз. Яссы. Из них наиболее типично городище № 1. Оно расположено справа у дороги, идущей из г. Торопца в д. Городок, не доходя до последней, на центральной возвышенной части берегового всхолмления, расположенного в 0,25 км от заливчика оз. Яссы и на 25 м возвышающегося над окружающей местностью. Его небольшая верхняя площадка овальной формы, вытянутая с северо-востока на юго-запад, с осями длиной в 20 и 40 м, переходит в крутые боковые склоны, частично поросшие мелколесьем. Северо-восточный конец площадки городища заканчивается

террасовидным уступом, а юго-западный ее конец отделен от более пологой оконечности возвышенности рвом и валом, с проходом посередине его.

Заложенный в юго-западном конце городища небольшой пробный шурф $1,0 \times 1,5$ м вскрыл культурный слой до 2 м мощности, ровной черной

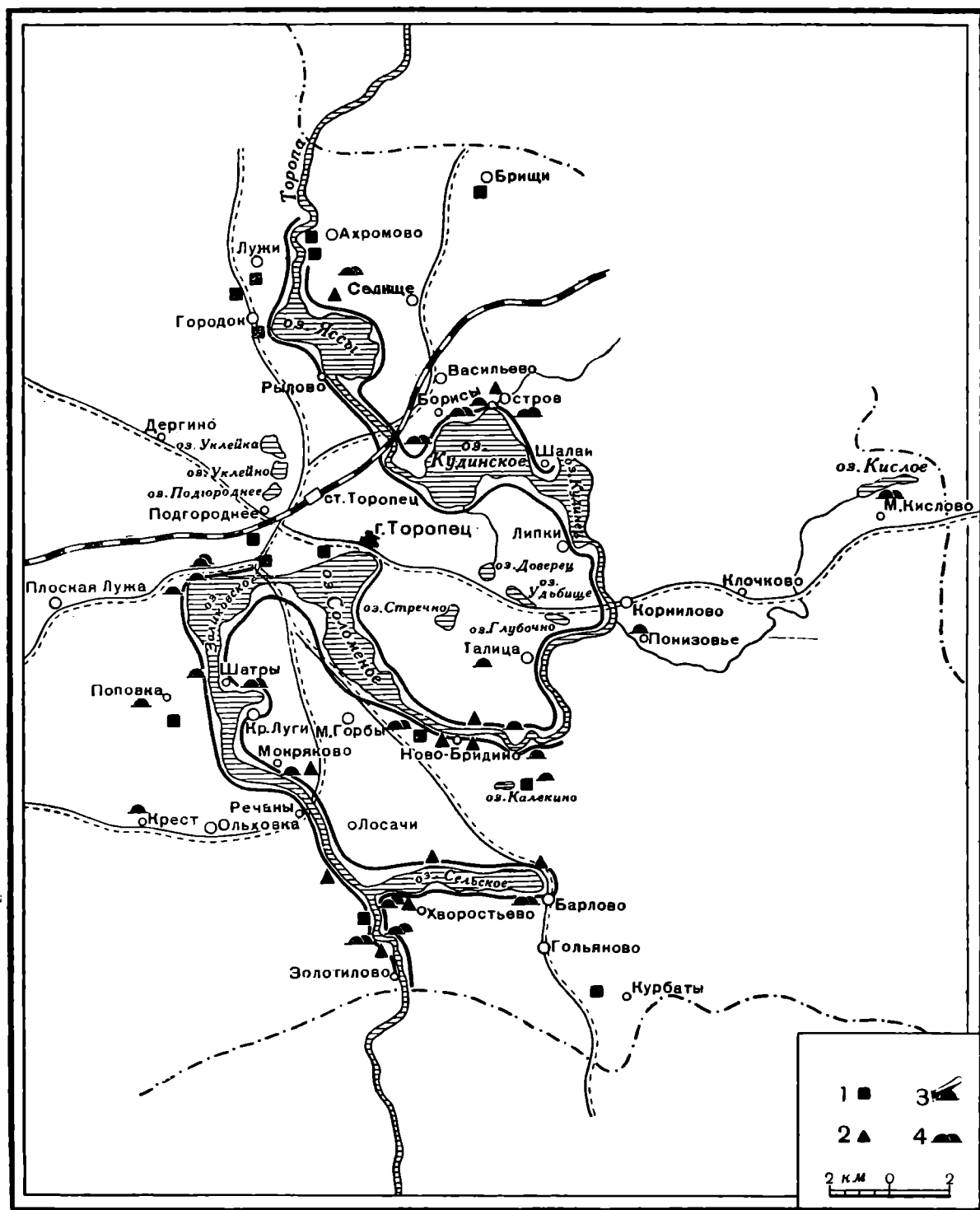

Рис. 37. Схема маршрута разведки

1 — городища; 2 — селища; 3 — курганы; 4 — курганные могильники

окраски. На глубине 0,60—1,10 м была встречена грубая лепная керамика, куски шлака, кости животных и т. д., а в основании культурного слоя обнаружен развал печища и собраны обломки лепной керамики с сетчатым орнаментом (см. рис. 38а — 1—3), куски обмазки, кости животных и т. п.

Аналогичного типа керамика была обнаружена и на городище № 2 у д. Городок, расположенном справа у дороги из Торопца в 2—2,5 км к северу от предыдущего городища, за деревней, на естественной возвышенности.

Ряд признаков отмеченных городищ: их небольшие размеры, форма и соотношения валов, а также собранный на них керамический материал позволяют отнести их к типу Дьяковых городищ, к сравнительно более поздней их группе, распространенных на широкой территории к северо-востоку от обследованного нами района, прежде всего в верховьях р. Волги. Наши городища ориентировочно могут быть отнесены к первой половине I тысячелетия н. э.

Однако более характерны для обследованного района городища, относящиеся ко второй выделенной нами группе. Наиболее типичны из них: городище, расположенное на берегу Калекина озера, и городище у бывшего хут. Подгай в районе д. Ново-Бридино. Оба памятника характеризуются наличием кольцевых рва и вала, причем последний расположен ниже основной площадки городища.

Первое из них — городище Калекино — занимает часть озового всхолмления, возвышающегося над местностью на 15 м. Его небольшая (с осями длиной в 30 и 40 м) верхняя площадка яйцевидной формы окружена кольцевым валом с проходом с юго-восточной стороны городища (см. план на рис. 39). При шурфовке городища в основании культурного слоя на глубине 0,60—0,90 м от поверхности были встречены обломки лепных сосудов из грубой черной глины с прямым венчиком, со следами нагара на стенках, а также части небольшого сосуда из более тонкой глины желтого оттенка, с чуть округлым туловом, заканчивающимся прямым венчиком и суженной стопкообразной формы ножкой.

В основании более ярко выраженного культурного слоя второго указанного выше городища, у хут. Подгай, на глубине 1,0—1,30 м, кроме только что отмеченных типов керамики, были также встречены части сосудов с чуть округлыми стенками, суживающимися на конус к днищу, покрытые вертикальными полосами от заглаживания их гребневидным инструментом (рис. 38а — 4—7), а также фрагменты штрихованной керамики.

Следует отметить, что аналогичного типа керамика была собрана на некоторых более древних поселениях открытого типа, расположенных на первой надпойменной террасе близ воды, как, например, селища у д. Ново-Бридино, у д. Шалаи на северном берегу Кудинского озера и у д. Золотилово на правом берегу р. Торопы (рис. 38б — 8, 9).

Весьма характерно комплексное сочетание древних поселений рассмотренной выше второй группы с древнейшими могильными памятниками этого края — удлиненными и длинными курганами, обнаруженными, например, в составе могильников у деревень Шалаи и Поповка и в ряде других мест.

На основании отмеченных выше внешних признаков поселений, выделенных нами во вторую группу, а также собранных на городищах образцов древнегончарных лепных изделий со слабо профилированными стенками, как гладкими, так и с вертикальными полосами от заглаживания, мы можем говорить об известном сходстве этой группы памятников с древними типами поселений Белоруссии и Смоленщины.

Известная близость наших поселений второй группы к древнейшим городищам Белоруссии, как, например, нижним горизонтам Банцаровщины, и к первой группе Смоленских городищ, позволяет нам предварительно отнести эту группу обследованных памятников ко второй половине I тысячелетия н. э., преимущественно ранней поре этого периода.

Третью, довольно значительную группу среди обследованных поселений представляют городища, расположенные либо на береговых мысах, либо на естественно защищенных возвышенностях, иногда окруженных болотами и

лесами. Обычно они лишены валов и рвов и характеризуются менее значительными признаками искусственного их укрепления и слабо выраженным культурным слоем.

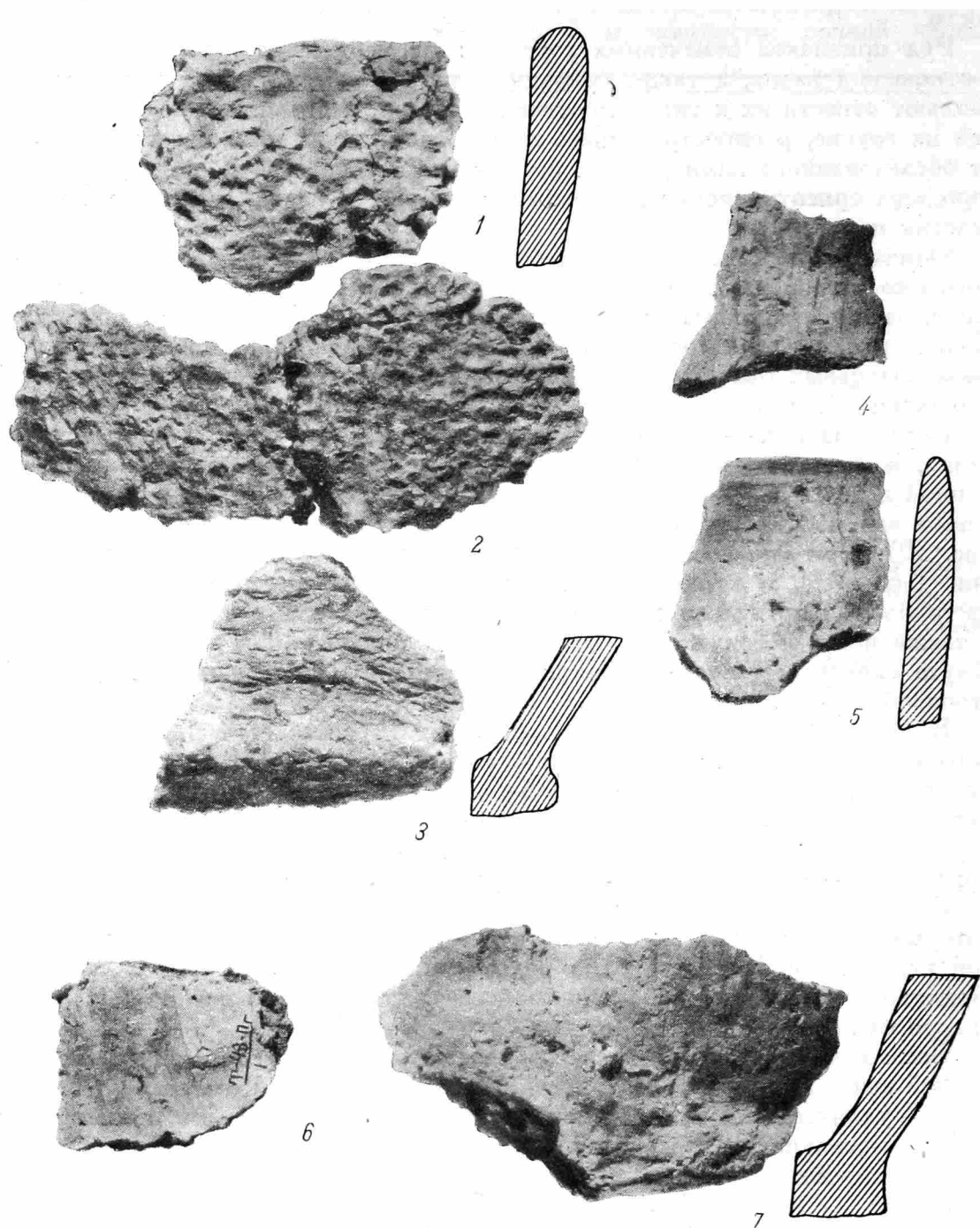

Рис. 38а. Образцы керамики

1 — 3 — сетчатая и лепная с орнаментом, нанесенным штампом (городище 1 у д. Городок); 4 — 7 — лепная с заглаженными стенками (городище Подгай)

К числу таковых относятся городища у д. Поповка, против д. Хворостьево при истоке р. Торопы из оз. Сельского, у д. Курбаты и городище № 3 у д. Городок на оз. Яссы. Все они отличаются наличием небольшой, обычно с осями длиной в 20 и 40 м, овальной формы верхней площадкой городища, искусственно уплощенной, с террасовидным уступом, либо охватывающим полукольцом наиболее выдающиеся концы городища, как на городище у д. Поповка, либо окружающим ровным кольцом всю площадку его, как на городище против д. Хворостьево. В отдельных случаях, напри-

мер на городище у д. Курбаты, верхняя его площадка не имеет укреплений, возможно, уничтоженных в процессе продолжающегося и сейчас осыпания склонов городища.

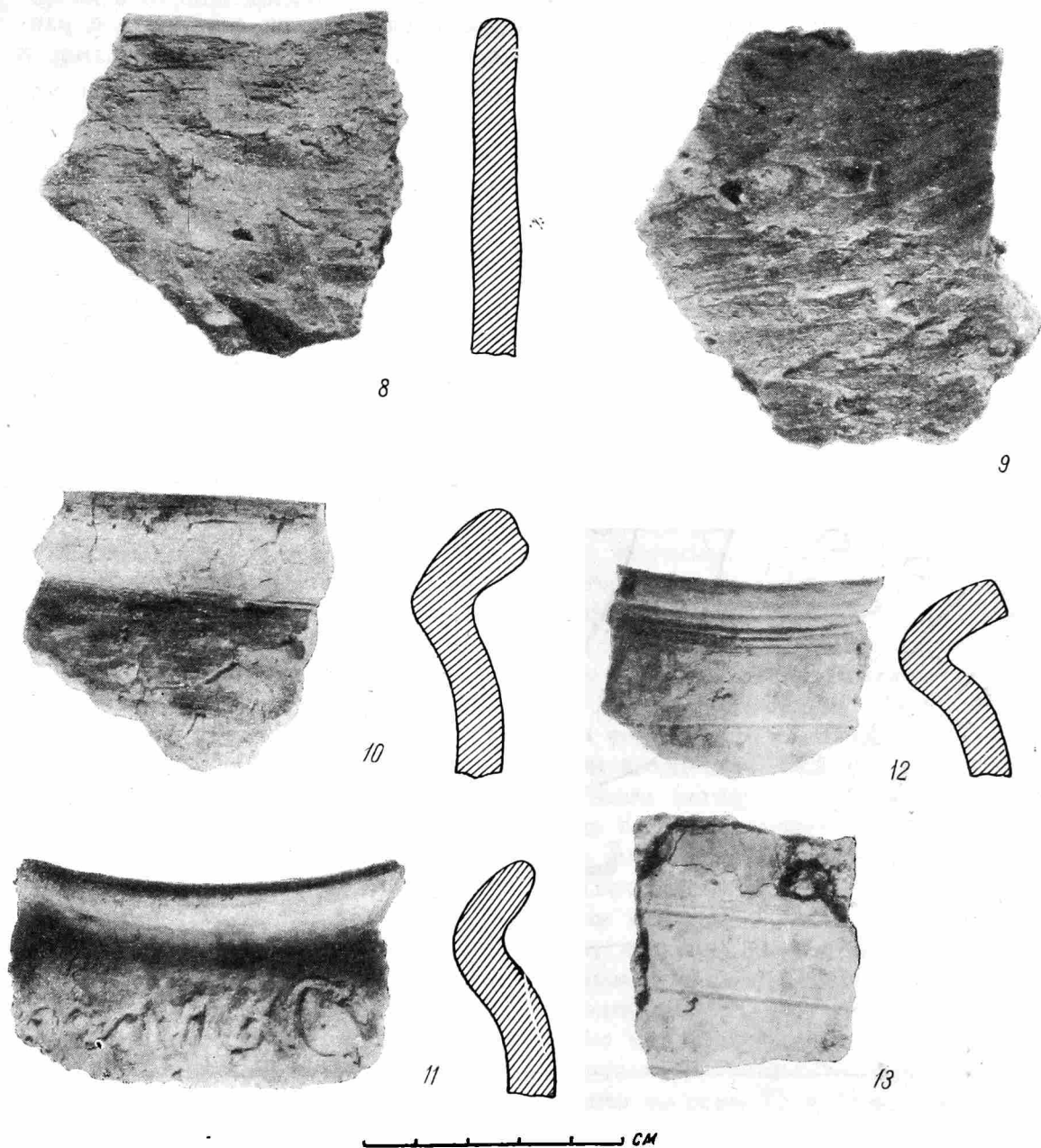

Рис. 386. Образцы керамики

8, 9 — штриховая (селище у д. Золотилово); 10—13 — раннегончарная (городище Кривит в г. Торопце)

Во всех случаях при шурфовке верхней площадки этих городищ был обнаружен культурный слой толщиной всего в 0,50—0,60 м, обычно интенсивной черной окраски, с включениями мелких угольков и пережженных камней, однако не содержащий бытовых остатков, которые свидетельствовали бы о более или менее длительном периоде заселения городищ этой группы. Находки здесь обычно ограничивались собранными на поверхности фрагментами лепных сосудов со слегка отогнутым венчиком.

Учитывая отмеченные выше особенности городищ третьей группы, их однотипность по форме и по размеру, а также на основе собранного на этих поселениях фрагментарного материала можно предположить не только

более или менее одновременное их возникновение, повидимому в конце I тысячелетия н. э., но и непродолжительное и непостоянное их заселение. Вместе с тем остается неясным вопрос о происхождении и назначении подобного рода городищ.

Весьма существенным в этой связи является факт их сочетания с расположенным вблизи городища комплексом других памятников — селищ и

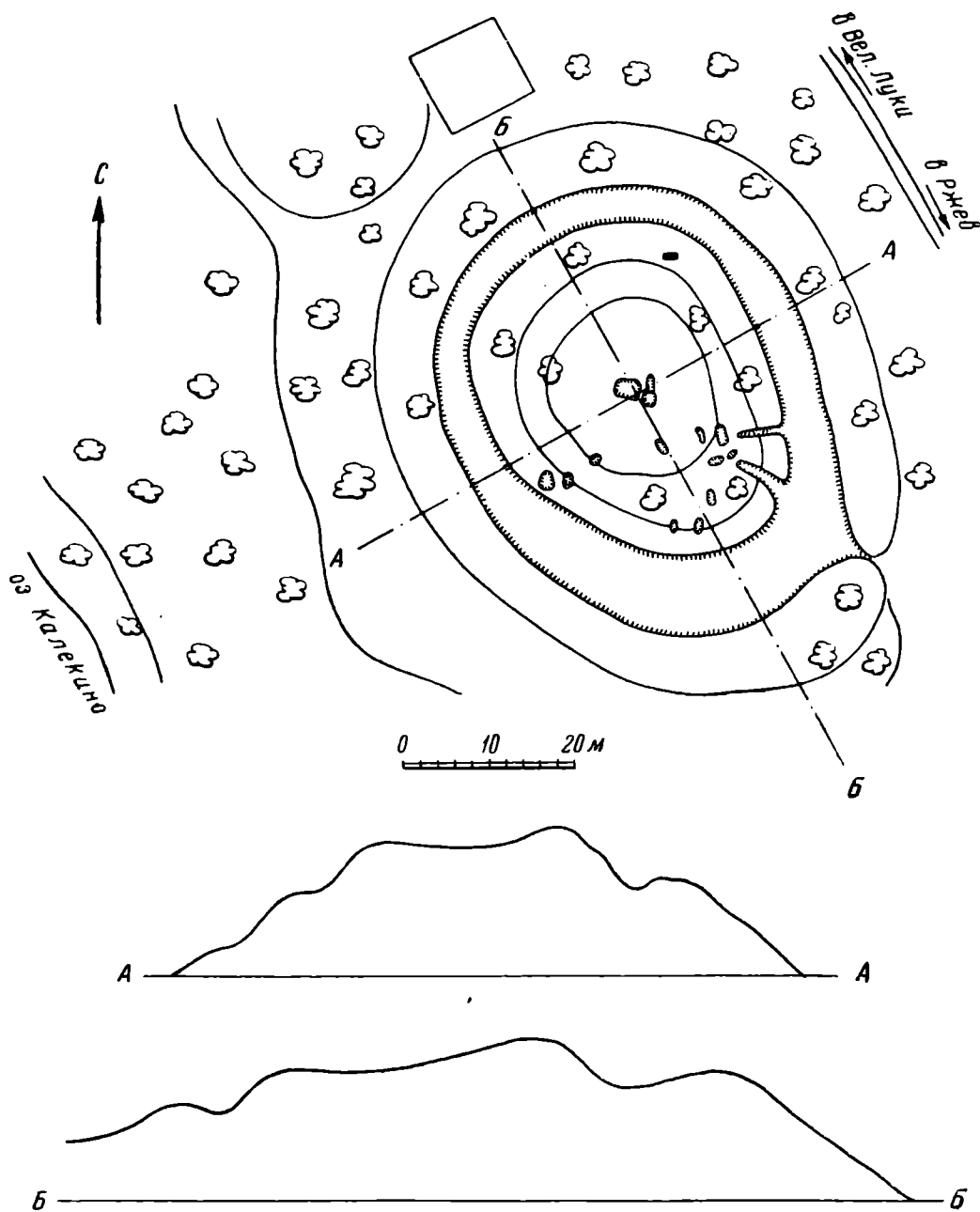

Рис. 39. План городища Калекино

курганых могильников, характерным примером чего является комплекс памятников, обнаруженный у д. Хворостьево при истоке р. Торопы из оз. Сельского (см. схему на рис. 37). С городищами рассмотренной выше третьей группы, повидимому, связан целый ряд селищ, как, например, у Туровского погоста на оз. Яссы, у д. Ново-Бридино (пункт № 1), против д. Лосачи, в устье р. Ольшанки на восточном берегу оз. Сельского и в

других местах. На основании рассмотренного мы можем предположить, что селища и городища третьей группы возникли до начала великокняжеской поры (до X—XI вв.), причем они, очевидно, служили временными убежищами в период военной опасности, а иногда, возможно, использовались и в качестве сторожевых пунктов. Известную аналогию отмеченные городища находят в третьей группе Смоленских городищ, назначение которых исследователи пытались связать с обрядовыми действиями.

Однако вопрос о характере третьей группы наших городищ впредь до более подробного их исследования остается неясным.

В целом для изучения всех трех выделенных нами групп городищ Торопецкого района весьма ценным является сохранность их древней формы и оборонительной системы, не нарушенных более поздними отложениями великокняжеской эпохи.

К последующему этапу развития, не отраженному в рассмотренных группах городищ, относятся некоторые из обследованных нами селищ. Это прежде всего селище у д. Мокряково, расположенное на надпойменной террасе левого берега р. Торопы у основания одиноко стоящей здесь сопки, почти полностью уничтоженное пахотой.

Среди многочисленного подъемного материала и находок, добытых при шурфовке (в основной массе грубой лепной керамики), здесь были отмечены фрагменты миниатюрного лепного сосуда, украшенного по срезу венчика косыми оттисками веревочки, а по плечикам — зигзагообразной линией, нанесенной гребенчатым штампом. Кроме того, были встречены фрагменты сосуда, украшенного грубо прочерченным пояском из параллельных и волнистых линий. Подобная орнаментация широко распространена не только на керамике роменско-боршевского типа, но и славянских поселений более северной территории — в Старой Ладобе, Белозерье, Верхнем Поволжье и в других местах, относящихся к концу I тысячелетия н. э.

Наконец, к числу памятников великокняжеской эпохи относятся не только отдельные, вновь обнаруженные нами селища, как, например, на северном берегу оз. Сельского, но прежде всего уже ранее известные городища Кривит и Привалье и связанный с ними древний курганный могильник, расположенные на территории г. Торопца.

Прекрасно сохранившееся на береговом мысу оз. Соломеного, при истоке из него р. Торопы, городище Кривит, возвышающееся над местностью до 25 м, опоясано мощным кольцевым валом; по размерам оно значительно превосходит все обследованные нами городища. Городище имеет форму глубокой чаши с вогнутой серединой, высоко приподнятыми краями и отвесными склонами. Площадка городища, окруженная гребнем кольцевого вала, имеет округло-овальную форму, с размерами по осям 75 и 90 м, с въездами на городище с северной и южной сторон. Отметим, что Н. П. Милонов на основании своих пробных раскопок 1938 г. склонен был относить нижний культурный горизонт данного городища к XI—XII вв. н. э. Действительно, основной период существования Торопецкого городища, судя по имеющимся материалам, приходится, повидимому, на XI—XIII вв. Однако среди материалов, добытых нами в процессе разведочного обследования и зачистки обреза городища в 1949 г., наряду с гончарной посудой развитых, сильно профилированных форм, шиферными пряслицами и т. п., в нижней части культурного слоя были отмечены более ранние, менее профилированные сосуды, сделанные на гончарном круге, с шероховатыми, грубо заглаженными стенками, иногда украшенными простейшим линейным и волнистым орнаментом (рис. 386 — 10—13), характерные для славянских памятников середины X — начала XI в. Весьма существенно, что этим же временем датируется вскрытое нами в 1949 г. на Торопецком могильнике мужское погребение, сопровождающееся разнообразным поясным набором и другими предметами.

На основании отмеченных данных нам бы казалось, что к установлению нижней хронологической границы отмеченных памятников великокняжеской поры на территории г. Торопца следовало бы подходить несколько более тщательно и осторожно, чем это было сделано нашими предшественниками. Уже на основании имеющегося, чрезвычайно фрагментарного материала можно предполагать, что время возникновения древнего поселения в г. Торопце, повидимому, должно быть отнесено к несколько более раннему периоду, по крайней мере ко второй половине X в. Весьма любопытно, что косвенные подтверждения этой относительно ранней даты существования древнейшего г. Торопца мы находим и в письменных источниках, в числе которых наибольший интерес представляет известное упоминание печерского Патерика (первая половина XI в.) об Исаакии Затворнике, который в миру был купцом из г. Торопца («бе купец родом торопчанин») ¹.

Уточнение вопроса о времени возникновения древнего г. Торопца может быть достигнуто лишь на основе широкого исследования данных памятников на его территории путем раскопок.

В заключение следует отметить, что в итоге впервые производившихся в 1949 г. небольших разведочных работ в бассейне р. Торопы, основного притока Зап. Двины, были обнаружены важные археологические объекты, которые мы попытались предварительно расклассифицировать по типу на несколько хронологически последовательных групп, начиная от древнейших городищ с сетчатой керамикой, обнаруженных в северной части обследованного района, и кончая наиболее многочисленными и целостными, в особенности в южной части района, комплексами древнеславянских памятников второй половины I тысячелетия н. э. (городища, селища, курганные группы и курганные могильники).

Эта насыщенность обследованного района памятниками второй половины I тысячелетия н. э. свидетельствует о достаточно густом его заселении в интересующую нас эпоху, что было, видимо, обусловлено важным географическим его положением и связью р. Торопы с системой проходившего здесь знаменитого водного пути.

Исключительно благоприятное комплексное сочетание здесь древних памятников I тысячелетия н. э., насколько можно судить по имеющемуся, пока еще фрагментарному, материалу, в известной мере отражает процесс постепенного складывания и развития на этой территории местной славянской культуры.

Дальнейшее, более глубокое изучение отмеченных памятников должно пойти как по линии развертывания систематических раскопок наиболее ценных из вновь выявленных археологических объектов, так и путем продолжения разведки с охватом более значительной части бассейна верхнего течения Зап. Двины и системы озер, в первую очередь озер — Двинье, Велинское и Жижицкое, — района, также представляющего на сегодняшний день белое пятно на археологической карте СССР.

Только при условии развертывания систематических изысканий в бассейне верхнего течения Зап. Двины будут получены широкие возможности для изучения наименее известных ранних периодов жизни населения этого края, связанной с общим процессом складывания и развития восточного славянства.

¹ М. Н. Тихомиров, Древнерусские города. «Учен. зап. Московского Гос. ун-в. им. Ломоносова», вып. 99, М., 1946, стр. 22 и сл., а также Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., Изд. Археологической комиссии, стр. 128—129.

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

ДРЕВНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ
ОБЛАСТИ

Калининградская область, занимающая северную часть бывш. Восточной Пруссии, представляет собой интересную в археологическом отношении территорию. Многочисленные могильники, раскапывавшиеся здесь в XIX и первой трети XX в., являются свидетельствами непрерывности заселения юго-восточной Прибалтики с эпохи бронзы до позднего средневековья. Особенно богат могильными памятниками Приморский район области, включающий в себя Янтарный берег.

Интенсивно раскапывая могильники, немецкие буржуазные археологи Восточной Пруссии не исследовали ни одного синхронного им поселения, ни одного городища. Работа, связанная с изучением поселений, ограничивалась лишь регистрацией памятников.

В 1949 г. советскими археологами впервые были предприняты археологические работы в Калининградской области, организованные ИИМК совместно с Калининградским областным краеведческим музеем.

Экспедиция ИИМК ставила своей целью ознакомление с характером поселений. Районом работ был избран Приморский (бывш. Земландский полуостров), известный своими большими грунтовыми могильниками I тысячелетия н. э.

Приморский район с севера и запада омывается Балтийским морем, с юга ограничивается р. Преголей, с востока — р. Даймой, впадающей в Преголю. Эта низменная территория прорезана цепью холмов и многочисленными маленькими речками и озерами.

В 1949 г. была обследована юго-западная часть района. Маршрут экспедиции начинался у с. Марьино, находящегося в 10 км к востоку от Калининграда, и шел через с. Жуковское, лежащее в 15 км западнее города, к северо-западной оконечности района — поселку Янтарному (рис. 40).

За время разведочных работ обнаружено и обследовано 14 памятников, из которых 7 были укрепленными поселениями, 5 — открытыми поселениями и 2 — изолированными валами. Обнаружен также разрушенный грунтовой могильник¹.

Все поселения расположены вблизи воды. Укрепление у с. Жуковское расположено на берегу залива (быв. Фриш-гаф), городище у с. Марьино стоит на правом берегу Преголи. Большая часть обследованных поселений стоит на берегах озер, частью высохших, и маленьких речек и ручьев.

¹ В настоящей работе мы останавливаемся на характеристике памятников, относящихся ко времени, начиная с I тысячелетия н. э. Более ранние материалы изучает Н. Н. Гурина, принимавшая участие в разведке.

Городища расположены близко одно к другому — на расстоянии от 2 до 5 км. В с. Логвиново два городища примыкали друг к другу вплотную; на расстоянии 300 м к югу находилось третье городище. Учитывая то обстоятельство, что обследование района производилось выборочно, можно предположить, что в действительности поселения расположены плотнее.

Обследованные городища по их внешнему виду можно разделить на два типа: 1) поселения, расположенные на мысах, и 2) поселения с кольцевым валом.

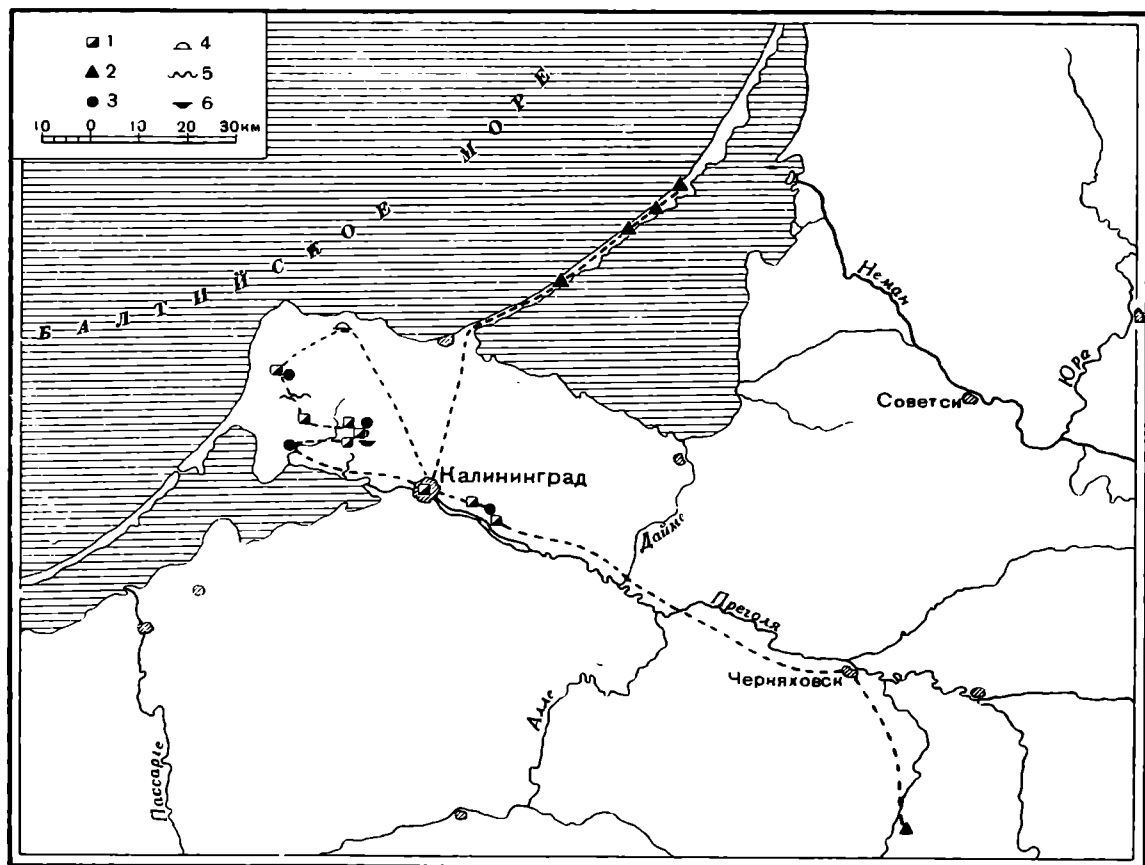

Рис. 40. Схема маршрута Калининградской археологической экспедиции

1 — городище; 2 — неолитический памятник; 3 — селенье; 4 — курган; 5 — вал; 6 — могильник грунтовой

Поселения, расположенные на мысах. Городища этого типа находятся на мысах, образовавшихся при слиянии рек и озер, или на полуостровах, омываемых озерами с трех сторон. Эти поселения ограждены валами и рвами только с напольной стороны. Они высятся над водой на 12—18 м. Площадки их, как правило, овальные, и площадь равна 2—2,5 тыс. м². Валу, высотой 5—7 м и шириной у основания 10—12 м, имеют с наружной стороны следы подтески. К валам примыкают рвы глубиной в 2—4 м. Число валов с напольной стороны — от одного до трех, отчетливо видны въезды в городище, имеющие в ширину 6—10 м.

На всех городищах указанного типа имеется культурный слой толщиной в 50—80 см. В центре поселения культурный слой обычно тоньше, не более 20—30 см. Наибольшую толщину он имеет по краям площадки, особенно вблизи вала.

Керамика, собранная на городищах, расположенных на мысах, была преимущественно лепной. Чаще всего встречалась желтая керамика довольно хорошей выделки. Фрагменты — главным образом сосудов баночных форм. Лепная керамика орнамента не имеет, только по венчику сосудов видны защипы (рис. 41а).

Встречается керамика и более грубой выделки: это фрагменты толстых баночных сосудов с большим количеством примесей в тесте толченых гранита и кварца.

На городищах первой группы найдены также фрагменты черных лощеных тонких сосудов. Обращает на себя внимание керамика желтого и коричневого цветов, с довольно гладкой поверхностью.

На обследованных городищах была найдена также гончарная керамика. По своему характеру она весьма близка славянской. Более подробно мы остановимся на ней ниже.

Городище с кольцевыми валами. В отличие от городищ первой группы эти поселения господствуют над окружающей местностью. Они располагаются на высоких горах и кругом обнесены валами.

Из этой группы поселений особенно обращает на себя внимание городище близ бывш. имения Цигенберг. Оно расположено на горе высотой около 35 м, у подножия которой когда-то находилось озеро. Четырехугольная площадка городища слегка углублена и имеет площадь 40×50 м. Она обнесена двумя валами и рвом. Внутренний вал, достигавший 3—4 м, отделялся рвом от внешнего вала, высота которого достигала 7 м.

Керамика, собранная с поселений второго типа, преимущественно гончарной выделки. Это фрагменты хорошо обожженных сосудов серого и красного цветов; среди них встречаются обломки кувшинов с уплощенной ручкой.

Селища. Открытые поселения были, как правило, связаны с городищами, расположенными на мысах. Селища примыкали к городищам, чаще всего со стороны въезда. Культурный слой селищ почти всюду распахан. Керамика, собранная на открытых поселениях, аналогична керамике на городищах, расположенных на мысах. Большое селище было обнаружено около с. Кострово. Городища вблизи его не существовало. Селище было расположено на берегу ручья и отличалось своими большими размерами. С запада на восток оно простиралось почти на 800 м, а с севера на юг — на 200 м. Культурный слой здесь был толщиной в 50 см, максимальная мощность его наблюдалась в центре селища. Среди собранной керамики обращает на себя внимание лепная серая лощеная мисочка.

По окончании разведочных работ нами были предприняты пробные раскопки. В качестве объекта было избрано городище у с. Логвиново.

Это городище расположено на мысе, рядом с ним находились два других городища и селище.

На городище было заложено два раскопа, общей площадью 128 м². Первый раскоп был продолжением разведочного шурфа. Площадь раскопа была равна 40 м². Толщина культурного слоя здесь составляла в среднем 50 см.

При вскрытии глинистой почвы на глубине 20—40 см были обнаружены булыжные камни и плиты. С северной стороны раскопа они лежали так плотно, что представляли собой как бы кладку.

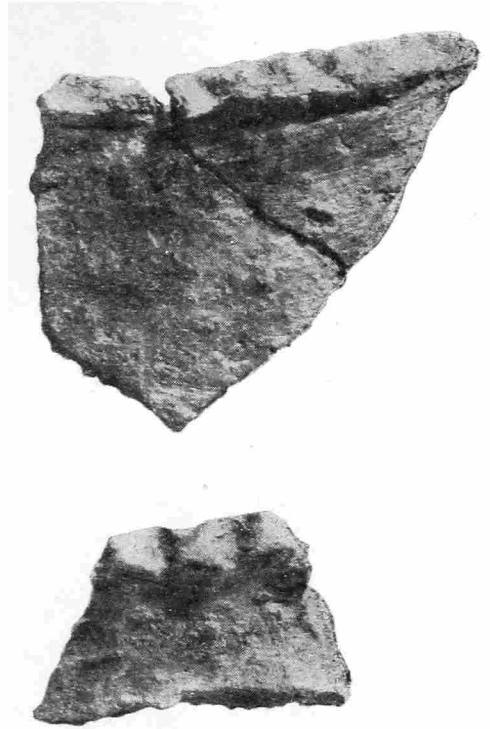

Рис. 41а. Лепная керамика с городища III у с. Логвиново

(сверху — с городища III у с. Логвиново, внизу — с городища у с. Заозерье)

Второй раскоп имел площадь 88 м². Толщина культурного слоя здесь равнялась 60—65 см.

В западной части раскопа на глубине 25 см было вскрыто скопление мелких булыжников. У восточного края раскопа отмечено скопление более крупных камней (диаметром до 50 см), вытянувшееся параллельно валу,

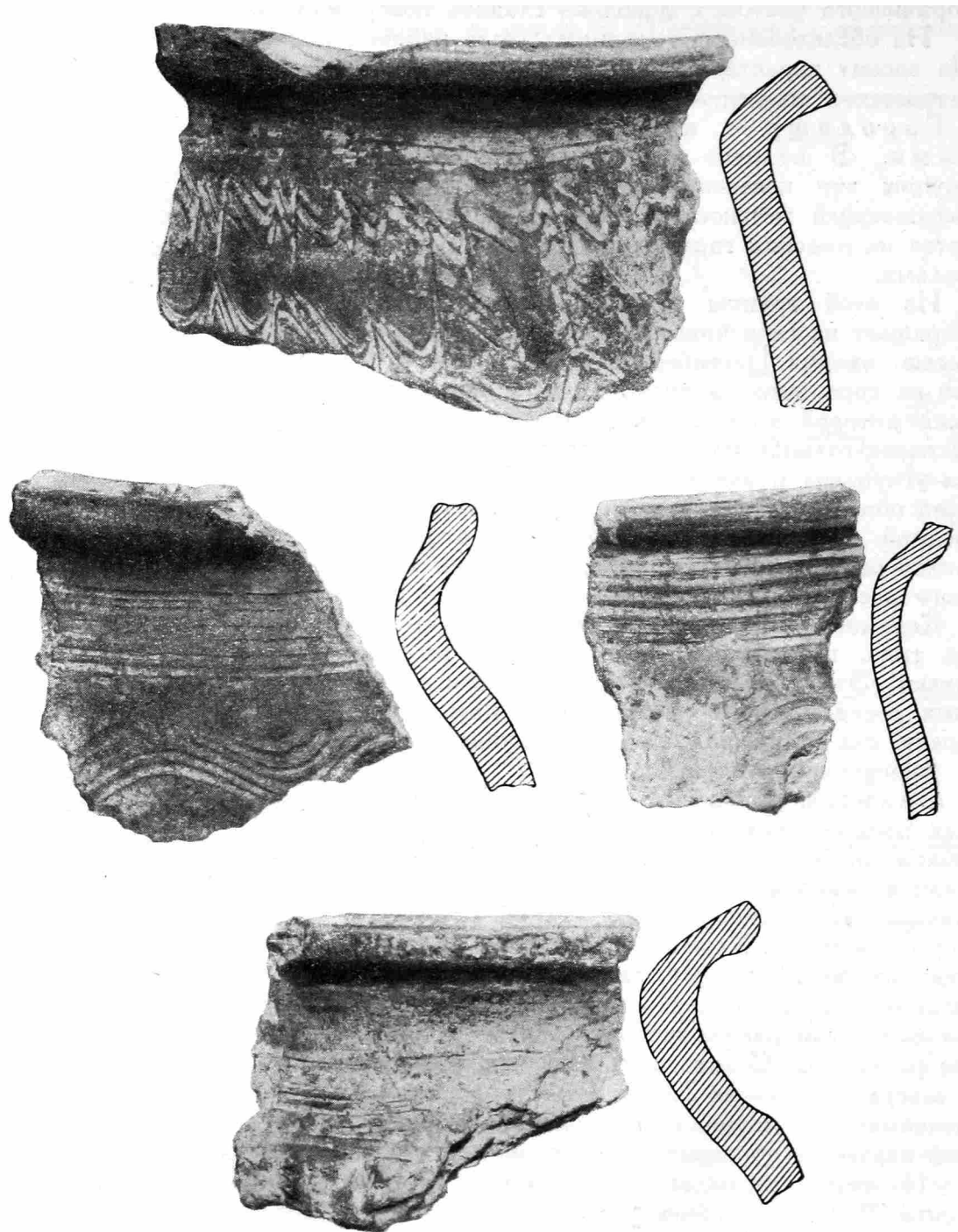

Рис. 416. Гончарная керамика с городища I у с. Логвиново

на расстоянии 2—3 м от него; расположение этих камней свидетельствовало о том, что перед нами ряд очагов. Почва под этими очагами была суглинистой, в отличие от черной земли за пределами концентрации очагов. Очаги имели различную форму: два были круглыми и имели в диаметре 60 см, третий, овальной формы, был вытянут с юго-запада на северо-восток и имел в длину 1,40 м, а в ширину 60 см.

К каждому из двух круглых очагов, находящихся на расстоянии 2,4 м один от другого, примыкала с юго-запада кладка из камней, образующая угол. Возможно, что перед нами остатки двух жилищ, имеющих по круглому очагу.

Сравнение напластований и сооружений обоих раскопов приводит к выводу, что характерной чертой городища является наличие каменных кладок и концентрация камней у его края и вала. Совпадает, как правило, характер находок. Конструкция вскрытых сооружений в общем однородна.

Переходим к краткому описанию инвентаря городища.

К е р а м и к а. Среди лепной керамики преобладает грубая, желтого, реже красного и черного цветов, с большим количеством примесей, чаще всего неорнаментированная. Поверхность сосудов в некоторых случаях заглажена травой, на венчике обычны защипы. В отдельных случаях на венчиках с внутренней стороны имеются вертикальные линии. Встречено также несколько фрагментов керамики с орнаментом в виде перекрещивающихся линий.

Гончарная керамика (рис. 41б) по форме, орнаменту и фактуре теста имеет большое сходство со славянской. Какой-либо иной керамики, сделанной на гончарном круге, здесь нет.

Эта керамика представлена горшками красного, черного и коричневого цветов. В тесте сосудов в большей или меньшей степени встречаются примеси. Горшки диаметром до 20—22 см, со слегка отогнутым закругленным или срезанным венчиком, сравнительно короткой или вытянутой шейкой и высокими плечиками.

Горшки чаще всего орнаментированы линией в сочетании с волной. Встречаются сосуды, орнаментированные только одними линиями.

Характер керамики убеждает нас в том, что гончарный круг вошел здесь в употребление сравнительно недавно. Значительная часть сосудов обработана на круге лишь частично. В ряде случаев обточена только шейка сосудов, иногда следы обработки на круге видны только изнутри.

Из других находок на городище упомянем топор с прямым обухом и расширяющимся книзу лезвием, слабо изогнутый железный серп, ножи с прямой спинкой, прямоугольную и овальную пряжки, железную цепь и другие железные изделия.

Среди находок встретились пряслица из сланца. Довольно часто встречаются оселки из сланца, на одном из оселков видно было отверстие для подвешивания (рис. 42, а).

На городище были найдены заготовки из янтаря и кости.

В 2 км к югу от городища Логвиново был обнаружен разрушенный могильник. Он расположен на возвышенности в 70 м от шоссе, ведущего в Калининград. Здесь на поле было найдено большое количество конских костей и зубов. Почти на самой поверхности было обнаружено нарушенное захоронение двух коней и кальцинированные кости человека. Скелеты коней были обложены камнями, кальцинированные кости, принадлежащие, повидимому, всаднику, лежали рядом со скелетами коней. Здесь были найдены стремяна различных форм, крупные прямоугольные пряжки со шпеньком, часть шпоры и удила, фрагменты обожженной гончарной керамики, аналогичной керамике на городище Логвиново (рис. 42, б).

На основании археологического материала первых обследований и пробных раскопок, произведенных в Калининградской области, выяснено, что древние поселения изученного района разнородны, и, повидимому, весьма разновременны.

Лучше других удалось классифицировать городища, расположенные на мысах, с примыкающими к ним селищами.

Однако и в этой группе поселений можно отметить разновременные памятники. На одних из них встречалась черная лощеная керамика и тонкая

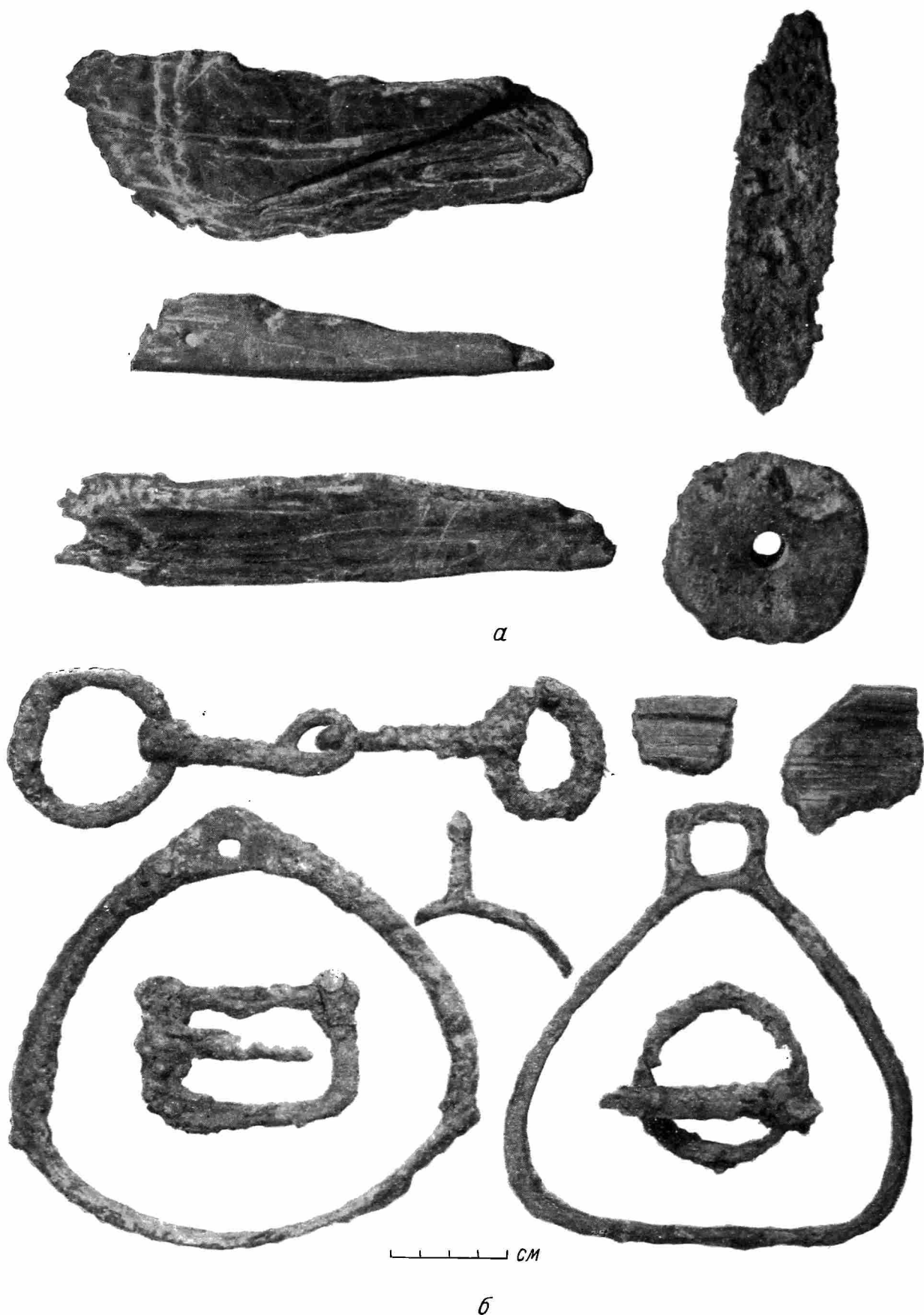

Рис. 42. Инвентарь памятников у с. Логвиново
 а — инвентарь городища I; б — инвентарь погребения с конем

желтая керамика с зашипами по венчику, на других преобладали грубые лепные сосуды баночной формы и керамика славянского типа, гончарная с линейно-волнистым орнаментом.

Пытаясь датировать поселения, расположенные на мысах, мы выделяем городища с лощеной керамикой и относим их к более раннему времени. Лощеная керамика дает основание отнести городища этой группы к первой половине I тысячелетия н. э. Встречающуюся там желтую керамику со следами лощения довольно часто можно видеть в могильниках Приморского района, относящихся к первым векам н. э.

Материалы, добытые при пробных раскопках городища у с. Логвиново, дают возможность подробнее остановиться на характеристике более поздних поселений, расположенных на мысах. Датировка этих поселений определяется характером гончарной керамики.

Гончарная керамика славянского типа существует здесь наряду с лепной. Качество гончарной керамики довольно низкое. Форма и профиль гончарных изделий свидетельствуют о сравнительно недавнем внедрении гончарного круга на поселениях этого типа.

Все это дает нам основание отнести поздние городища на мысах к концу I, а возможно, к началу II тысячелетия н. э.

Селища, обнаруженные при городищах, синхронны им. Несколько выделяется по своему характеру открытое поселение у с. Кострово. Ранняя дата его существования может быть установлена по форме обнаруженного на селище сосуда, о котором уже упоминалось выше. Подобные сосуды с ручками известны в могильниках III—IV вв.¹

Поселения с кольцевым валом относятся к поздним памятникам. Встреченная на них серая керамика с синеватым оттенком, по которой нанесен штамповый орнамент, аналогична той, которая появляется на территории полабских славян в XIII в.²

Подводя итоги разведочным работам в Калининградской области в 1949 г., можно прийти к выводу, что для I тысячелетия н. э. основной формой укрепленного поселения являются городища, расположенные на мысах. Судя по раскопкам на поселении у с. Логвиново, эта форма городищ продолжает существовать и в начале II тысячелетия н. э.

Для XII—XIII вв. основной формой поселения является городище с кольцевым валом. Дальнейшие исследования уточнят это предположение.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что обследованные нами городища имели сравнительно тонкий культурный слой, достигавший 50—80 см, а на таких мощных городищах, как Цигенберг, толщина культурного слоя была равна лишь 1 м.

Это свидетельствует о том, что укрепленные поселения были обитаемы в течение короткого периода. Лучше всего это можно показать на примере Логвиновского городища, в материале которого запечатлелся один исторический период, связанный с внедрением гончарной керамики.

Мы уже упоминали в начале настоящей работы, что обследованная нами территория Приморского района известна своими большими грунтовыми могильниками I тысячелетия н. э., многие из которых существовали в течение нескольких веков.

Сопоставление тех фактов, что, с одной стороны, имеются городища, служившие для жилья в течение сравнительно короткого периода, и что, с другой стороны, эта территория изобилует могильниками, свидетельствующими о плотной заселенности края в течение почти всего I тысячелетия н. э., заставляет предполагать, что укрепленными поселениями

¹ P. Tischler. Ostpreussische Altertümer. Кенигсберг, 1902, табл. XXVI, 10.

² А. Кногг. Die slawische Keramik zwischen Elbe und Oder. Лейпциг, 1937, стр. 181.

население пользовалось только в моменты внешней опасности. Основная жизнь могла протекать на открытых поселениях.

При анализе материалов, относящихся к поселениям Калининградской области, весьма важно, по нашему мнению, подчеркнуть то обстоятельство, что балтийские племена, населявшие эту территорию, не знали в конце I и начале II тысячелетия н. э. никакой иной гончарной керамики, кроме славянской.

Материал, собранный на поселении у с. Логвиново, и керамика славянского типа, собранная на других поселениях, позволяют утверждать, что местные племена получили гончарный круг от славян. С распространением гончарного круга здесь внедрились основные формы славянской раннегончарной керамики.

Подобное внедрение славянской керамики в быт балтийских племен свидетельствует о большом влиянии в Прибалтике славянской культуры, в тесном общении с которой развивалась культура балтийских племен.

Предварительное ознакомление с характером укрепленных поселений, расположенных на мысах, позволяет усмотреть в них много общего с подобными же славянскими поселениями. Это относится к внешнему виду поселений и к системе оборонительных сооружений. Сходство отмечается и в тех данных, которые были добыты раскопками. Так, каменные кладки и скопления камней, обнаруженные на городище у с. Логвиново, обычно встречаются на городищах Литвы, Белоруссии и Смоленщины. В качестве примера можно сослаться на Банцеровское городище, городище Барсучья горка и другие¹.

Материал, собранный разведками 1949 г., еще весьма незначителен. Многие вопросы, связанные с жизнью поселений, требуют дальнейших планомерных изысканий. К числу их в первую очередь относится установление типа жилища, характерного для этой территории.

Можно ожидать, что материал для разрешения этого вопроса дадут дальнейшие исследования каменных кладок, которые, как уже упоминалось, характерны для балтийских и славянских поселений определенного круга.

Нет необходимости подчеркивать, сколь важной политической и научной задачей для советской археологии является создание марксистско-ленинской истории древней Прибалтики, составной частью которой является Калининградская область.

Утрата археологических коллекций за годы Великой Отечественной войны заставляет ставить вопрос о необходимости накопления материала путем систематических работ на этой территории.

Центральной задачей при проведении археологических исследований в Калининградской области в ближайшие годы должно явиться, как нам представляется, изучение поселений.

¹ Л. О. Крижвицкий. Последние моменты неолитической эпохи в Литве. Сборник в честь семидесятилетия Д. Н. Анучина, М., 1913, стр. 308—312; История БССР. Макет, стр. 37; А. Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губ. 1924, стр. 49.

Т. Н. НИКОЛЬСКАЯ
ОГУБСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Огубское городище расположено в северной части Верхнеокского бассейна, на берегу старицы р. Протвы (впадающей в Оку)¹. В отличие от большинства одновременных поселений, расположенных на возвышенном берегу реки, Огубское городище находится на болотистой низменности, заключенной в узкой петле р. Огуби.

Городище имеет форму эллипса (длина которого 130 м, ширина 49 м), вытянутого с севера на юг.

Первые раскопки на Огубском городище были произведены В. А. Городцовым в 1923 г.² В соответствии с тогдашней методикой, раскопки велись траншеями. На основании полученных материалов В. А. Городцов делает выводы о хозяйстве населения, его этническом составе и времени существования поселка.

1. Население Огубского городища занималось земледелием, скотоводством, охотой и рыболовством. Кроме того, хорошо были развиты обработка железа и литейное дело³.

2. Обитателями поселка В. А. Городцов считает финнов. Финскими ему кажутся бронзовые привески в виде гусиных лапок (всего найдено два экземпляра), затем глиняные лепные мелкие сосудики, все костяные изделия, в том числе тупые костяные наконечники стрел для охоты на мелкого пушного зверя. Кроме того, в облике культуры населения Огубского городка В. А. Городцов видит и литовские черты: в форме серпов, технике орнаментальной обработки некоторых металлических предметов с помощью циркуля, например, бронзовой пластинки с изображением трех человеческих фигур⁴.

Совершенно очевидно, что перечисленные В. А. Городцовым предметы ни с какой стороны нельзя считать финскими или литовскими, так как они являются обычной находкой почти на всех раннеславянских городищах средней полосы Восточной Европы. Правда, бронзовые привески в виде гусиных лапок более характерны для могильников муромо-рязанского течения р. Оки, откуда они, вероятно, и были занесены в верховья Оки, но на основании столь незначительного материала (две привески) делать вывод об этническом составе населения поселка было бы слишком неосторожным. Что же касается орнамента бронзовой пластинки, то, как известно, циркулярный, или глазковый, орнамент является самым распространенным

¹ В настоящее время р. Огубь изолировалась совершенно от р. Протвы, соединяясь с ней только во время весенних разливов.

² В. А. Городцов. Болотное Огубское городище. «Труды ГИМ», 1926, т. I, стр. 107.

³ Там же, стр. 115.

⁴ Там же, стр. 123, 124.

орнаментом, присущим всем временам и народам, знавшим циркуль. Он широко применялся и славянами для украшения изделий из кости и дерева (особенно гребней). Бронзовые трапециевидные привески с циркульным орнаментом найдены и на раннеславянском Мощинском городище¹.

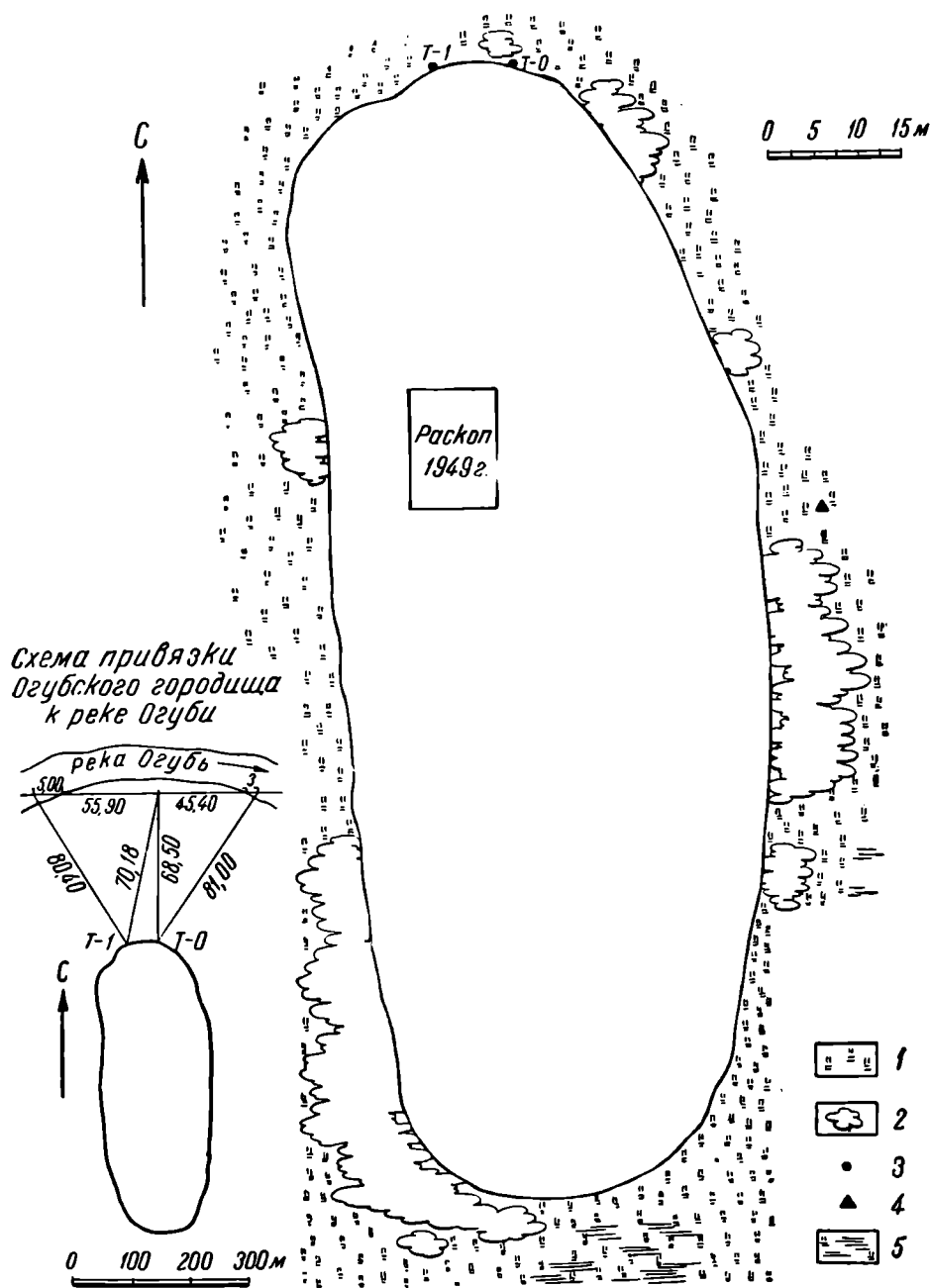

Рис. 43. Схематический план Огубского городища и раскоп 1949 г.

1 — заливной луг; 2 — кустарник; 3 — точка привязки к реке; 4 — нулевая точка (условная); 5 — болото

В последнее время в археологической литературе высказано предположение, что в курганах и городищах бассейна верхней Оки следует видеть древности летописных вятичей².

¹ Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1889, табл. XI, рис. 2—6.

² П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА СССР, № 6, М.—Л., 1941, стр. 48; его же. Восточнославянские племена. М., 1948, стр. 131.

Материальная культура Огубского городища, аналогичного другим памятникам Верхнеокского бассейна — городищам Мощинского типа и курганам типа Шаньково и Почепок, позволяет думать, что население данного поселка и других областей Верхнеокского бассейна этнически однородно.

3. Временем существования поселения В. А. Городцов считает I—IV вв. н. э. на основании следующих находок: 1) жаловидных железных наконечников стрел; 2) мелких стеклянных позолоченных бус шарообразной формы — I—II вв. н. э.; 3) шарообразных и призматических бус из красной смальты — III—IV вв. н. э.; 4) бронзовых вещей, инкрустированных эмалью, — III—IV вв. н. э.¹

Не останавливаясь подробно на хронологических выводах В. А. Городцова, так как этому вопросу посвящен специальный раздел статьи, забегу вперед и отмечу, что детальное изучение всего материала городища позволяет несколько изменить датировку Огубского городка, намеченную В. А. Городцовым, и отнести поселение к III—VII вв. н. э.

Хотя предварительное сообщение о результатах раскопок было В. А. Городцовым опубликовано, вещевой материал, хранящийся в ГИМ, не был им издан. К сожалению, большая часть вещей не имеет точного паспорта, и так как дневники раскопок не представлены, научная ценность этих материалов несколько снижается. Кроме того, в коллекциях ГИМ совершенно отсутствует бытовая керамика с Огубского городища (если не считать одного сосуда).

Поэтому в 1949 г. автором этих строк были предприняты дополнительные раскопки на Огубском городище².

Главной целью раскопок было уточнение времени существования поселка на основании полученного дополнительного материала, в том числе керамики.

Как уже было сказано, городище пересечено траншеями В. А. Городцова вдоль и поперек. Наиболее хорошо сохранившейся частью городища является его западная сторона. Здесь, ближе к северу, и был заложен раскоп, длина которого с севера на юг — 14 м, ширина — с запада на восток — 10 м. Нивелировка раскопа показала некоторое понижение его поверхности в западном направлении (рис. 43). Поверхность городища покрыта почвенным слоем, толщина которого не превышает 20 см. Раскопки велись пластами по 20 см, фиксация материала производилась по квадратам площадью 2 × 2 м.

Жилые сооружения

Раскопки 1949 г. подтвердили наблюдение В. А. Городцова относительно формы жилищ поселка. Нами действительно были обнаружены две круглые в плане землянки (рис. 44). Следует, однако, оговориться, что форма их далеко не так правильна, чтобы их можно было очертить с помощью циркуля, как это сделал В. А. Городцов. При наших раскопках была выявлена одна интересная деталь, ускользнувшая от внимания В. А. Городцова, — наличие перехода между землянками. Соединение землянок переходами, известное с древнейших времен, сохраняется и на славянских поселениях, например на Большом Боршевском городище IX—X вв.³ Сведения о соединении нескольких славянских жилищ переходами имеются в военном трактате VI—VII вв. Маврикия Стратега, который пишет, что склавины и анты в своих жилищах устраивали много выходов, облегчавших им возможность спастись в случае опасности⁴.

¹ В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 123.

² Настоящая статья является краткой информацией о раскопках 1949 г. Полная публикация материала Огубского городища готовится автором к изданию.

³ МИА СССР, № 8, 1948, стр. 11.

⁴ Там же.

Заполнение землянок состояло из черной, рыхлой земли в верхней их части и черной, плотной, влажной земли с прослойками песка, большим содержанием сгнившего дерева (прослойки оранжевого цвета) и хорошо сохранившимися остатками спрессованного дерева и тростника (прослойки темнокоричневого цвета) — в нижней части (рис. 44, профиль северной стенки).

Южная землянка углублена в материк на 150—160 см, северная — на глубину до 200 см. В центре каждой землянки был обнаружен слой золы, угля и мелких пережженных камней (толщиной около 30 см), очевидно, остатки разрушенных очагов.

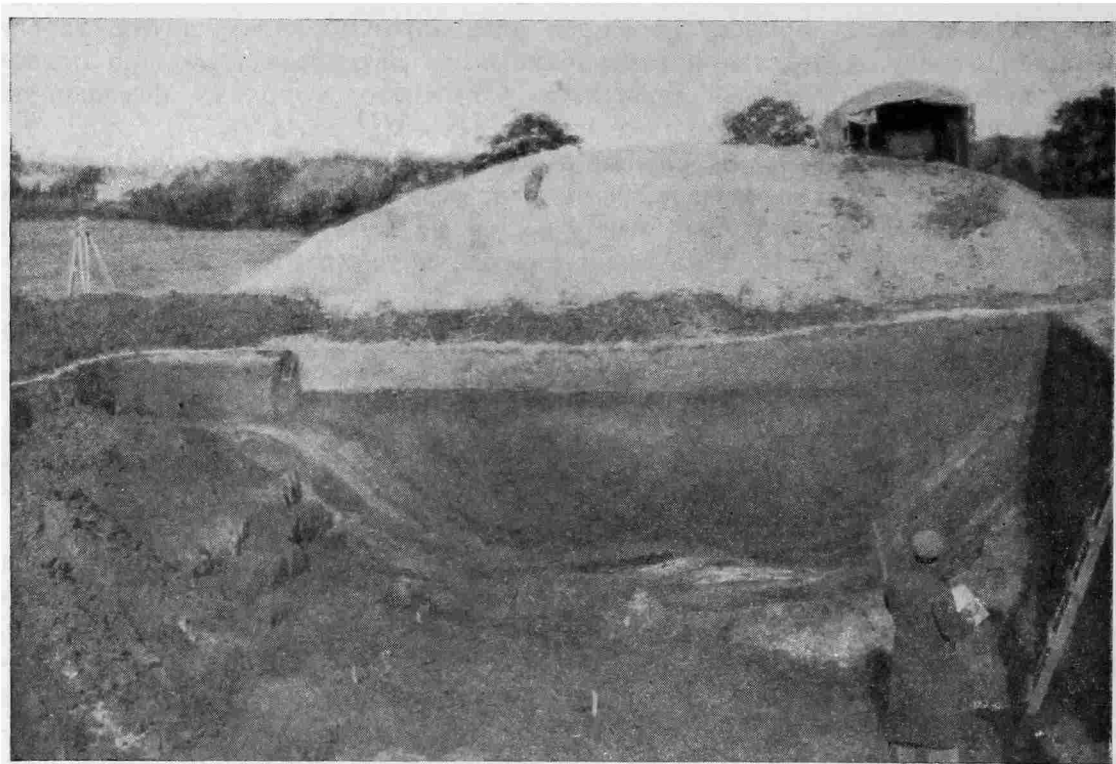

Рис. 44. Огубское городище. Профиль северной землянки с косгрищем вниз

По мере углубления землянок площадь их сокращалась, так что в профиле они действительно несколько напоминают форму чаши, как это установил В. А. Городцов.

Точные размеры землянок установить трудно, так как некоторая их часть, выходящая за пределы раскопа, осталась недокопанной. Однако на основании данных раскопок южной землянки, продолжение которой нами обнаружено в заложенном ранее разведочном шурфе, примыкавшем к раскопу, можно думать, что диаметр ее верхней части равнялся 6 м, что соответствует и выводам Городцова.

На основании профилей ям землянок, имевших крутые склоны с выступами, можно предположить, что в них были нары для спанья и складывания вещей. Прослойки сгнившего дерева, прослеженные в профиле и на плане землянок, очевидно, являются остатками этих нар. Кроме того, дерево могло применяться для укрепления и утепления стен землянок, что было особенно необходимо при существовавших природных условиях (расположение городища на болоте). Толстые слои остатков хорошо сохранившегося дерева и камыша являются следами завалившейся крыши. Из камыша, повидимому, делались и циновки, стелившиеся на дно землянки.

Наиболее многочисленным материалом раскопок 1949 г. является бытовая керамика — круговая и лепная, в том числе лощеная.

Круговая керамика, представленная незначительным количеством обломков сосудов, встречается попеременно с лепной и черной лощеной посудой (в пластах 1—6 культурного слоя).

По характеру изготовления сосуды можно разделить на две группы. В первую входят сосуды, сделанные из хорошо отмученной глины, с пухлым отогнутым венчиком, рельефными плечиками, хорошо обожженные. Орнамент, расположенный по плечикам сосудов, состоит из волнистых или параллельных линий, иногда представляя собой пышное сочетание тех и других. Аналогичная керамика найдена в верхнем слое Мошинского городища¹.

Во вторую группу входят сосуды, сделанные менее тщательно: тесто их содержит примесь крупного песка, венчик едва намечен слабым утолщением края сосуда, обжиг их слабее, чем сосудов первой группы².

Лепная посуда. Тесто ее грубое, с примесью дресвы и крупного песка, вследствие чего поверхность сосудов шероховатая; глина серая, иногда желтоватая; сосуды толстостенны. О форме сосудов можно судить только по венчикам и донышкам (из раскопок 1949 г.) и одному склеенному В. А. Городцовым горшку. Преобладающими были высокие сосуды, более узкие у дна, с прямым, несколько расширяющимся кверху корпусом и невысоким, суженным горлом. Толщина стенок 5—10 мм, толщина дна 12 мм. Некоторые стенки орнаментированы мелкими углублениями, квадратными, треугольными, а по краю горла — насечками, вдавлениями. Иногда встречается веревочный или шнуровой орнамент.

Повидимому, керамика этого слоя имеет много общего с посудой IV культурного слоя городища у с. Городище, на левом берегу Волги (близ Калязина), датируемой, по определению П. Н. Третьякова, временем от III—IV до V—VI вв. н. э.³, и с сосудами третьей группы городища Дуна (раскопки Гендуне), найденными в нижних пластах I культурного слоя, датированных диргемом VII в. н. э.⁴ Некоторые обломки сосудов очень близки керамике ранних городищ роменского типа. Ассортимент кухонной посуды не ограничивается только разнообразными горшками: на городище найдены многочисленные обломки тарелок и сковород, края которых слегка загнуты и орнаментированы насечкой. Очень часты также находки на городище мелких глиняных сосудов самых разнообразных форм. Одни из них могли служить для питья, некоторые, очевидно, были детскими игрушками.

Лощеная посуда (черная, желтая, серая) представлена на городище меньшим количеством обломков, чем лепная. По своей форме и характеру изготовления сосуды эти отличаются от классической прекрасно изготовленной черной лощеной керамики «полей погребения». Однако и среди них можно различить посуду разного качества: наряду с сосудами, сделанными из грубого теста, встречаются и тщательно изготовленные, близко напоминающие круговую керамику. Для формы их характерны прямые, цилиндрические горлышки, либо отсутствие горлышка и слабо утолщенные края. Аналогичные сосуды известны на городище Дуна⁵, Мошинском⁶, в курганах у д. Шаньково⁷.

¹ Булычов. Указ. соч., табл. XVI, рис. 2—9.

² Там же, табл. XVI, рис. 1.

³ П. Н. Третьяков. МИА СССР, № 5, М.—Л., 1941, стр. 44.

⁴ Ю. Г. Гендуне. Городище Дуна, СПб., 1903, стр. 8.

⁵ Там же.

⁶ Булычов. Указ. соч., табл. XVI, рис. 14.

⁷ Там же, табл. III, рис. 1—2.

По количеству найденных обломков керамика распределяется неравномерно; больше всего ее в средних пластах культурного слоя (пласты 3, 4), в нижних пластах (пласты 5, 6) количество ее резко снижается. Керамика первых шести пластов заполнения землянок по своему характеру в основном аналогична керамике I культурного слоя. Керамика нижних слоев землянки меняется.

Для лепной керамики характерно наличие сосудов несколько иного качества: стенки их тоньше, а в тесте глины встречаются примеси мелкого песка. Но зато обжиг ее хуже. Такая посуда характерна для многих поселений средней полосы Восточной Европы начала нашей эры.

Следует отметить, что в нижних пластах заполнения землянок (пласты 9—12) найдено несколько обломков керамики с текстильным орнаментом.

В. А. Городцов в своем отчете тоже упоминает об этой посуде, но количество ее, по видимому, и в его раскопках невелико¹.

Датирующих предметов при раскопках 1949 г. найдено очень немного: это две железные стрелы, одна из них жаловидная, несколько золотостеклянных мелких шарообразных бусин и конические или, как их называет П. П. Ефименко, трубчатые бронзовые привески. Поэтому для датировки Огубского поселка необходимо привлечь также инвентарь из раскопок 1923 г. В. А. Городцова, хранящийся в ГИМ.

Самыми ранними вещами, найденными на городище, являются маленькие жаловидные стрелы, распространенные на территории Восточной Европы в начале нашей эры, небольшие ножи с «горбатой спинкой»², золотостеклянные мелкие шарообразные двойные и тройные бусы, характерные для стадии А—В Рязанских могильников³, т. е. для III—V вв. (П. П. Ефименко называет их золоченым бисером), бутыльчатые подвески с пряжкой и без нее, известные в памятниках Верхнего Поволжья⁴ и найденные там вместе с жаловидными стрелами, в Борковском и Кузьминском могильниках в стадии А—В (III—V вв. н. э.)⁵, и, наконец, конусовидные или трубчатые бронзовые подвески, известные также в Борковском и Кузьминском могильниках, крайней датой которых является стадия С—D, т. е. VI—VII вв.⁶

К середине I тысячелетия относятся предметы с выемчатой эмалью из раскопок Городцова⁷, плоские призматические бусы из красной смальты и зеленые пастовые бусы, известные в кладе Мошинского городища⁸. Более поздними вещами на Огубском городище являются: бронзовая фибула с «круглой кнопкой», известная по Мошинскому кладу⁹ и курганам с трупосожжениями VI—VIII вв. у д. Шаньково¹⁰ и Кажак¹¹, колокольчик в виде четырехгранной пирамидки, известный в памятниках Верхнего Поволжья середины I тысячелетия н. э.¹², в Кошибеевском могильнике

¹ В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 117.

² П. Н. Третьяков. МИА СССР, № 5, М.—Л., 1941, стр. 44.

³ П. П. Ефименко. Рязанские могильники. «Материалы по этнографии», т. III, вып. 1, Л., 1926, стр. 68, рис. 1; стр. 73, рис. 3.

⁴ П. Н. Третьяков. МИА СССР, № 5, стр. 42, рис. 16—2; стр. 81, рис. 46, А, Б.

⁵ А. А. Спицын. МАР, № 25, табл. XV, рис. 8.

⁶ П. П. Ефименко. Рязанские могильники, стр. 74, рис. 4. № 2; стр. 76, рис. 5, № 2

⁷ Как известно, периодом расцвета производства предметов с выемчатой эмалью Б. А. Рыбаков считает IV—V вв. н. э. (Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 56).

⁸ Булычев. Указ. соч., табл. XII, рис. 12, 13.

⁹ Там же, табл. XII, рис. 4, 5.

¹⁰ Там же, табл. II, рис. 10.

¹¹ Там же, табл. XXII, рис. 14.

¹² П. Н. Третьяков. МИА СССР, № 5, стр. 81, рис. 46—Е.

III—V вв.¹, в Максимовском могильнике², в древностях Камы³, на Барвихинском городище⁴ и в Сарском могильнике VII—VIII вв.⁵ (в несколько измененном виде).

Выводы

Таким образом, на основании изучения керамики и предметов быта Огубского поселка можно заключить, что человек пользовался этим островком для своего поселения приблизительно в течение пяти столетий, т. е. с III по VII в. н. э., без перерыва, причем на городище можно выделить два периода жизни: первый длился с III в. н. э. до середины I тысячелетия н. э. и второй — с V по VII в. н. э. Для раннего периода жизни поселка характерны из датирующих предметов железные стрелы, ножи с «горбатой спинкой», бусы золотостеклянные мелкие и из красной смальты, бутылчатые привески, «конусовидные» или трубчатые привески, колокольчик в виде пирамидки, тонкостенная керамика с примесью песка и мелкой дресвы, текстильная керамика, лощеная керамика — в верхних пластах слоя (пласты 7—12).

Для второго периода характерны: предметы с выемчатой эмалью (пряжка и др.), трубчатые привески, колокольчик в виде пирамидки, фибула с «круглой кнопкой», керамика черная лощеная, толстостенная керамика с примесью крупной дресвы. Остальные предметы, найденные на городище, для определения времени служить не могут; следует, однако, отметить, что костяные изделия найдены, главным образом, в нижнем культурном слое.

Как уже упоминалось, наряду с лепной и лощеной керамикой в культурном слое городища встречается керамика круговая. Это говорит о том, что на Огубском островке человек жил и в более позднее время, в XI—XIII вв., но, по видимому, пребывание это не носило постоянного характера, так как в это время подобный тип укрепленного поселения уже утратил свой смысл; кроме того, помимо керамики, других поздних вещей здесь не найдено

¹ А. А. Спицын. МАР, № 25, табл. XXXVI, рис. 16.

² МАР, № 25, табл. XXVI, рис. 16.

³ А. А. Спицын. МАР, № 26, табл. XX, рис. 17.

⁴ Л. А. Евтюхова. Барвихинское городище. СА, 3, 1937, стр. 121.

⁵ МИА СССР, № 5, стр. 94, рис. 52, № 2.

А. Е. АЛИХОВА

АВДЕЕВСКОЕ СЕЛИЩЕ

Селище начинается у западного конца с. Авдеева на невысокой террасе берега р. Десны и затем поднимается на высокий берег. В месте подъема селище пересекает неглубокий овраг, называемый «Бешеный овраг». На плато селище в свою очередь разделено на две части глубоким оврагом с обрывистыми берегами и ограничено на западе следующим, третьим оврагом. Таким образом, селище представляет собой полосу около 100 м шириной, вытянувшуюся вдоль берега примерно на 0,75 км.

Культурный слой селища сравнительно маломощный и бедный находками. Во многих местах он распахан и содержит мелко дробленую керамику. В других он доходит до глубины 40—50 см, что, вероятно, объясняется переносом земли во время пахоты. В изменении рельефа селища не меньшую роль играют талые воды, которые буквально на глазах прорывают на селище новые овражки. В связи с этим встает вопрос: существовал ли во время жизни поселка большой овраг, разрезавший поселение поперек и разрушивший древние сооружения? Последние прослежены в четырех местах восточной стенки первого оврага. Здесь, в нижней части культурного слоя, на глубине 40 см, видны были скопления глиняной обмазки мощностью в 10 см и шириной в среднем 40 см. При вскрытии этих участков был обнаружен развал обожженной глиняной обмазки, вытянутой к востоку примерно на 2 м. Обмазка, как правило, была со всех сторон неровная, с отпечатками прутьев различной толщины.

Можно было бы предположить, что в данном случае перед нами развал стены, обмазанной глиной. Но поражают одинаковые размеры скоплений. Очень соблазнительно отождествить их с остатками печи, о которой сообщил в своем докладе в ИИМК Ю. В. Кухаренко. Эта печь была обнаружена во вскрытом им в 1949 г. наземном жилище на Ново-Покровском поселении Харьковщины, относящемся примерно к тому же времени, что и Авдеевское селище.

Ряд фактов как бы говорит за правдоподобность подобного предположения.

Одна деталь, встреченная в Авдеевском селище в этом месте, также сближает его с жилищем, обнаруженным Ю. В. Кухаренко. Это — яма в раскопе «Б», выявившаяся в слое беловатой супеси на глубине 90 см и на расстоянии 70 см от развала обмазки. Яма, слабо отличавшаяся своей светлосерой окраской от окружающего грунта, имела трапециевидную форму и была вытянута с севера на юг (размеры ее сторон: 1,20; 0,70; 1,20 и 0,85). Яма имела прямые стенки и плоское дно, расположенное на глубине 30 см от поверхности материка. В ней были найдены три мелких фрагмента керамики. Обращают на себя также внимание находки предметов домашнего

обихода (крайне редкое явление на Авдеевском селище) около развала обмазки во всех раскопках, расположенных по берегу оврага. В раскопе «Б» найдено глиняное пряслице (рис. 45—4), в раскопе «В» — костяная втулка, возможно ворворка (рис. 45—2), и в раскопе 1949 г. — нож (рис. 45—1).

Кроме того, прослеживается некоторая закономерность в расположении сооружений: они находятся на расстоянии 15, 10 и 10 м одно от другого.

Все эти факты, как нам кажется, позволяют говорить, что мы имеем в данном случае дело с остатками жилища наземного типа.

К жилому комплексу следует также отнести обнаруженные в раскопе «Г» и VIII 1949 г. ямы круглой формы, сильно расширенные книзу, с плоским дном. Ямы были заполнены однородным культурным слоем с небольшим количеством фрагментов керамики и мелких обломков глиняной обмазки. Собранный на селище керамический материал очень разнообразен. Здесь встречена керамика, характерная как для поселений эпохи «полей погребений», так и роменская, причем та и другая залежали в одинаковых стратиграфических условиях и на всем протяжении поселения.

Анализ материала привел нас к выводу, что эти два керамических комплекса бытовали одновременно. Для подтверждения этого вывода обратимся к рассмотрению самого материала.

Керамика типа «полей погребений». Эта керамика очень разнообразна. В первую очередь следует выделить типичную, т. е. серую или черную, сделанную на круге, часто лощеную, из тонкой, хорошо промешанной глины, иногда с примесью песка, и обычно хорошего обжига.

Некоторые тонкостенные лощеные сосуды сделаны из глины с мелкими блестками слюды (признак, указывающий на местное производство этой посуды и широко распространенный на памятниках разного времени в этом районе).

Основной тип посуды — это горшки с короткой, несколько отогнутой наружу шейкой (рис. 46—1). Эта форма, насколько можно судить по публикациям Е. Махно и М. Ю. Смишко, распространена на поселениях эпохи «полей погребений» Украины. Среди керамического материала этой группы выделяется бок крупного сосуда (рис. 46—4), сделанного на круге, с хорошо выраженной шейкой и отогнутым наружу краем с орнаментом в виде трех углубленных борозд. Сюда относятся также один кувшин с ручкой и несколько фрагментов мисок (рис. 46—3 и 47—1).

Вторая группа керамики, относимой нами к «полям погребений», представлена сосудами, сделанными от руки из глины с примесью шамота и часто песка, с грубой или сглаженной, а иногда и лощеной поверхностью. Сюда в первую очередь следует отнести два реставрированных сосуда из

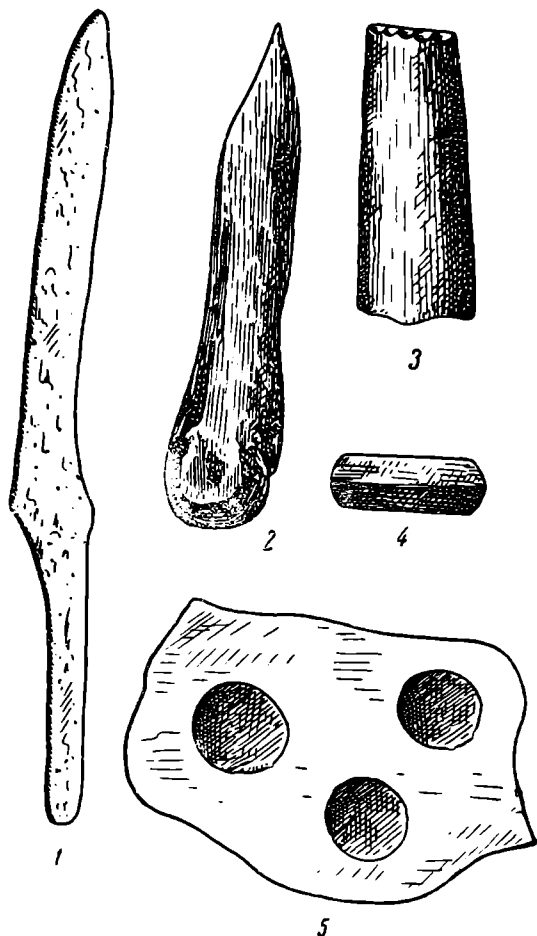

Рис. 45. Вещи из раскопок Авдеевского селища

ямы в раскопе «Г», раскопанной в 1948 г. Один из них острореберный (рис. 47—2), лощенный, серовато-желтоватого цвета, вылеплен из глины с примесью шамота. Для него характерно отсутствие шейки. Размеры сосуда: высота 15 см, диаметр горла 19 см и дна 11,5—12 см. Помимо этого сосуда, встречено несколько фрагментов острореберных лощенных толстостенных сосудов. В качестве параллели им, удаленной во времени и пространстве, можно указать на сосуд из Липицы Горной¹. Второй реставрированный сосуд также имеет грань, хотя и чрезвычайно слабо выраженную (рис. 47—4 и 48—1). Это небольшой горшок (высота 21 см, диаметр горла 15,5 см и дна 9 см), с высокой, несколько отогнутой наружу шейкой, светлого серовато-желтого цвета, с сильно бугристой поверхностью (от примеси крупных зерен шамота) и сравнительно тонкостенный (5—6 мм). По

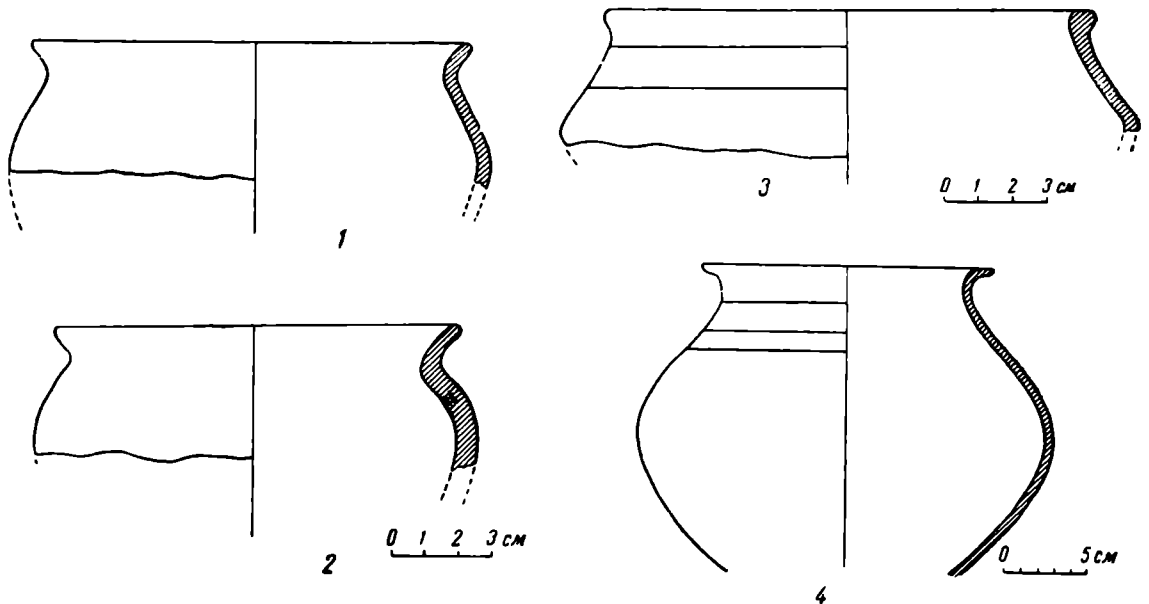

Рис. 46. Венчики сосудов из раскопок Авдеевского селища

форме верхней части этот сосуд вполне совпадает с одним из сосудов Жуковицкого поселения².

Особенно близка ему, как по форме, так и по примеси (шамот), керамика из могильника у урочища Казаргац³ на Припяти, около г. Турова. Сходная по профилю, но несколько иных пропорций, известна керамика поля погребальных урн около Верхних Нямыкар — на Днестре, близ Смоленска⁴. Этот тип посуды в Белоруссии был распространен и в VIII—IX вв., насколько об этом можно судить по курганам с трупосожжениями около верхней Рудни, Полоцкого округа⁵.

Третий большой сосуд из Авдеевского селища, отнесенный нами ко второй группе (корчага), найден непосредственно под развалом глиняной обмазки в раскопе «В» (рис. 47—3). Он вылеплен из глины, содержащей мелкие блестящие слюды (примесь естественного происхождения) и крупные зерна шамота. Это высокий (43,5 см) толстостенный сосуд (толщиной 10—12 мм), со слабо суженным сверху широким горлом (диаметр горла

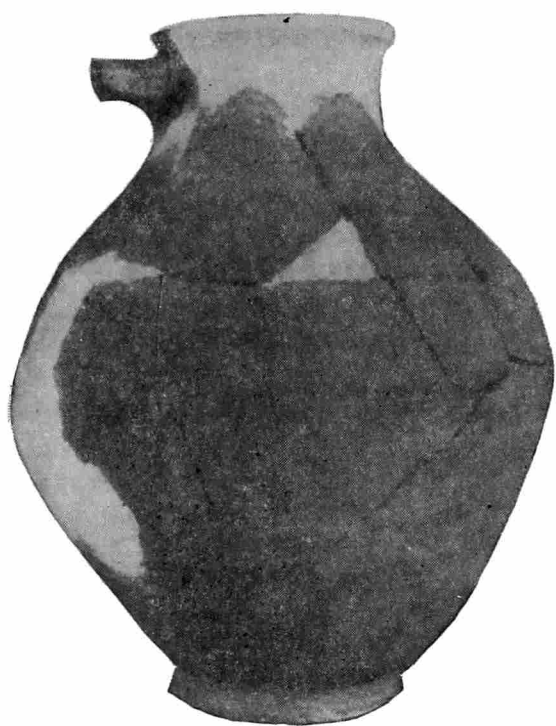
¹ М. А. Тиханова. Культура западных областей Украины в первые века нашей эры. МИА СССР, № 6, 1941, М.—Л., табл. I.

² Е. Махно. Поселения культуры «полів поховань» на північно-західному правобережжі. «Археологічні пам'ятки УРСР». Київ, 1949, стр. 161, табл. I, рис. 5.

³ Праці Археологічної комісії, т. II. Мінск, 1930, стр. 353, табл. VII, рис. 7 и 3.

⁴ Там же, стр. 284, табл. IV, рис. 1.

⁵ Там же, стр. 188, рис. 9 и 12.

1

2

————— СМ

3

————— СМ

4

Рис. 47. Керамика Авдеевского селища

32—34 см) и непропорционально узким дном (диаметр 16 см). Его поверхность, серовато-желтого цвета, отличается большой грубостью, увеличивающейся вследствие вертикального грубого сглаживания, оставившего следы в виде полос, шириной примерно в палец. На шейке заметны следы горизонтального сглаживания. Как известно, в древних полях погребений встречаются близкие по типу большие лепные сосуды. Можно указать на подобный сосуд из Незвишки¹. Высота его 40 см, диаметр горла 32 см. Наш сосуд отличается от него более узким дном. В этом отношении он приближается к сосудам из могильника у с. Малые Будки б. Роменского уезда², однако существенно отличается от них формой верхней части. Близкая к нашей форма сосуда бытовала в Польше в «раннеисторический

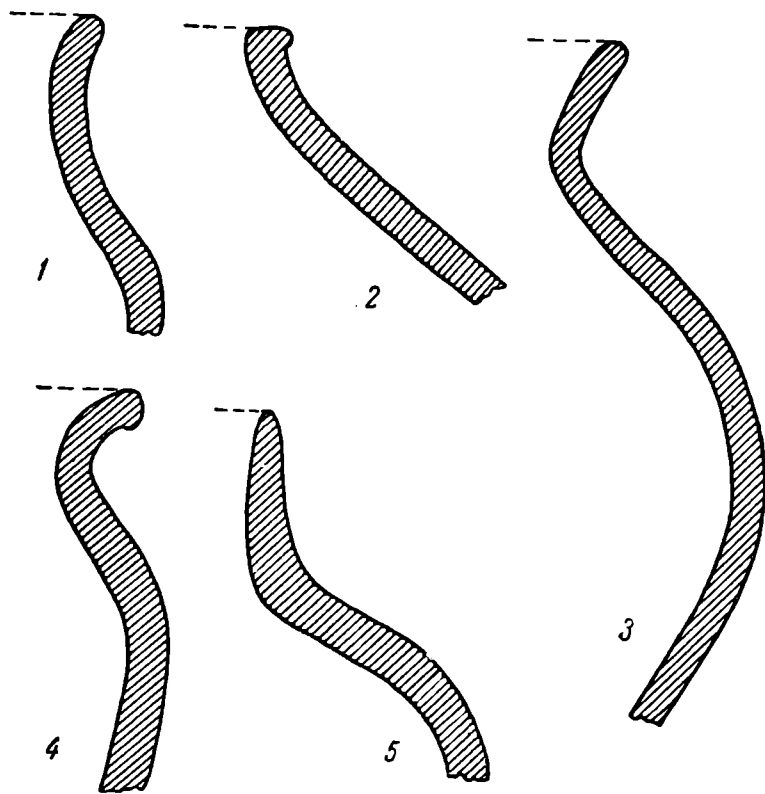

Рис. 48. Профили сосудов Авдеевского селища

период» (т. е. VII—IX вв.)³. У польской керамики мы наблюдаем и другую особенность нашего сосуда — вертикальное сглаживание стенки снаружи. Посуда описанного типа была широко распространена на селище.

Роменская керамика отличается грубостью теста, содержащего обычно примесь шамота, толстостенностью и своеобразием орнамента и профилировки сосудов. По форме верхней части сосуда ее следует разделить на две группы.

К первой группе относится всего лишь один фрагмент, отличающийся рядом особенностей. Он принадлежал сравнительно толстостенному сосуду (8 мм), вылепленному из глины с примесью некрупных зерен шамота и песка. Серовато-желтая поверхность его хорошо сглажена. Особенно характерна его форма. Это высокогорлый сосуд, с резким перегибом к округ-

¹ М. А. Тиханова. Указ. соч., рис. 3, фиг. 1.

² Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г. ИАК, вып. 22, стр. 53, рис. 19, 23.

³ Józef Kostrzewski. Wielkopolska w czasach przedhistorycznych. Poznań, 1923, стр. 218, рис. 785.

лым сильно выпуклым бокам, украшенным рядом косых отпечатков мелкозубчатого штампа (рис. 48—5). По форме и орнаменту он близок одному из роменских сосудов городища Вашкевича¹ и некоторым сосудам могильника с трупосожжениями у с. Малые Будки и Константиново².

В другую группу входят сосуды с грубой шероховатой поверхностью коричневатого-бурого цвета, распадающиеся, сообразно видоизменениям профиля верхней части, на ряд типов. Отметим две главные формы: 1) с короткой прямой шейкой, 2) с короткой округло-изогнутой наружу шейкой (рис. 46—2 и 48—4).

Разбивая сосуды второй группы на типы по форме шеек, мы, однако, тем самым не определяем формы сосудов в целом, так как, имея в своем распоряжении крайне фрагментарный материал, мы были лишены этой возможности. В целом следует отметить, что две трети сосудов имели слабо развитые плечи, не выступающие за край венчика и плавно переходящие в шейку. Этим сосуды Авдеевского селища заметно отличаются от боршевских и роменских.

В заключение следует остановиться на орнаменте.

Орнаментация авдеевских сосудов чрезвычайно бедна. Орнамент чаще всего состоит из ямок большего или меньшего размера, часто едва заметных (особенно на стенках), нанесенных просто пальцем. Они украшают край венчика, а иногда и плечи сосуда, образуя в последнем случае треугольники из трех ямок (два случая), или располагаются в линию (два случая) (рис. 45—5).

Значительно реже встречается гребенчатый орнамент. По характеру штампа его следует разделить на две группы: а) штамп с крупными прямоугольными зубцами и б) палочка, обмотанная шнуром, оставляющая на глине отпечаток, сходный с гребенчатым. Этот тип орнамента мы называем псевдогребенчатым.

Гребенчатый орнамент обоих типов обычно расположен по краю венчика, а иногда и на плечах, обычно в виде зигзага. Третий элемент орнамента — это грубые косые насечки по краю венчика. Четвертый — зигзаговая линия.

Помимо двух только что описанных групп керамики, намечается еще одна, слабо представленная на Авдеевском селище. Для нее характерны лепные сосуды из глины с большой примесью песка и незначительным количеством шамота, с короткой прямой (рис. 48—2) или отогнутой шейкой (рис. 48—3), с пологими плечами и округлыми боками. По своей форме они близки к керамике с Пастерского городища, продемонстрированной М. Ю. Брайчевским на докладе в ИИМК.

Помимо горшков, на Авдеевском селище были также встречены столь характерные для Роменских городищ сковороды. Правда, здесь было найдено всего лишь три фрагмента.

При подробном рассмотрении материала встает вопрос: имеем ли мы на Авдеевском селище два последовательно существовавших поселения или это поселение относится к переходному периоду, довольно кратковременному, содержавшему черты как старой культуры («полей»), так и новой — роменской?

До недавнего времени период между культурой «полей погребений» и роменской не был представлен археологическими памятниками. Последние работы украинских археологов над памятниками эпохи «полей погребений» привели их к убеждению в непрерывном развитии культуры славянских поселений Поднепровья от эпохи «полей погребений» до Киевской Руси. Е. Махно удалось проследить по керамике эту переходную ступень. Так, в

¹ Н. Е. Макаренко. Указ. соч., стр. 70, рис. 41.

² Там же, стр. 51 и 53.

керамике селища Жуковцы она выделяет по двум признакам — по толщине и цвету — две промежуточные группы керамики, датируя их довольно широко VI—X вв.¹

М. Ю. Смишко в своих работах также выдвигает гипотезу о генетической связи «полей погребений» с раннефеодальными славянскими поселениями. Так, на селище у Великих Викнин им отмечен керамический материал, типичный для раннефеодального периода, однако венчики сосудов формованы по типу, свойственному сосудам «полей погребений»². М. Ю. Смишко отмечает также, что на Неслуховском селище им был найден фрагмент лепного толстостенного горшка, орнаментированного по плечу волнистой линией³. При этом он указывает, что на раскопанной им площади, кроме указанного фрагмента, совершенно отсутствовал материал, характерный для феодального периода.

Материал Авдеевского селища, как нам кажется, дает также указания на генетическую связь «полей погребений» с роменской культурой.

Мы имеем сосуды, по форме связываемые с «полями погребений», как, например, лощеный острореберный сосуд и второй грубый; судя же по примеси шамота, эти сосуды следует считать типично роменскими.

Часть посуды роменского типа, как это видно на рис. 46—2, по форме верхней части совершенно идентична посуде некоторых типов из «полей погребений».

Следует также отметить одну характерную особенность авдеевской керамики — это слабо развитые, плавно округлые плечи сосудов, редко выступающие за край венчика. Сосуды эти очень близки по профилю, как было отмечено выше, к некоторым сосудам «полей погребений», чего нельзя сказать про типично роменскую и боршевскую керамику.

Следует также обратить внимание на характер Авдеевского поселения, типичный для «полей погребений», которые обычно тянутся узкой 100-метровой полосой на большое расстояние вдоль берега.

Приведенные выше доводы приводят нас к убеждению, что возникновение Авдеевского селища относится к промежуточной стадии в развитии культуры восточного славянства, когда сосуществовали элементы культуры «полей погребений» и роменской. Исходя из имеющихся данных, оно может быть отнесено примерно к VII в. н. э. Конечная же дата его существования может быть уточнена дальнейшими раскопками.

¹ Е. Махно. Указ. соч., стр. 163.

² М. Смишко. Селище доби полів поховань у Вікнинах Великих. «Археологія», в. 1, Київ, 1947.

³ М. Смишко. Звіт про дослідження селища періоду полів поховань в Неслухові в 1946 р. «Археологічні пам'ятки УРСР». т. 1, стр. 204, Київ, 1949.

К. Ф. СМЕРНОВ

АГАЧКАЛИНСКИЙ МОГИЛЬНИК — ПАМЯТНИК
ХАЗАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДАГЕСТАНА

Археологическая экспедиция ИИМК и Дагестанского музея в 1948—1949 гг. производила раскопки могильника хазарской культуры у с. Агач-Кала Буйнакского района Дагестанской АССР (предгорный Дагестан).

В окрестностях с. Агач-Кала, на небольших плато, удобных для поселений, нами была собрана керамика хазарского времени.

В урочище «Бакалы-Коль», в 1,5 км к северо-востоку от Агач-Калы, близ колхозной пасеки, на небольшом ровном плато некогда было поселение, а на западном склоне этого плато, спускающемся к горному ручью Атлан-Озень, находится могильник (рис. 49—1).

Существование могильника было уже давно известно местному населению. Некоторые жители Агач-Калы производили раскопки склепов могильника в целях извлечения ценных вещей.

В 1948—1949 гг. нами было обнаружено три каменных склепа и тринадцать земляных могил, находящихся в насыпной земле над склепами.

Склепы состоят из нескольких рядов каменных плит, положенных насухо, или из вертикально поставленных массивных плит песчаника. Перекрытие склепов сложено из нескольких таких же плит. В западной стене склепа сделан вход с порогом и косяками из вертикально поставленных плит; самый же вход закрыт снаружи прямоугольной плитой (рис. 49—2).

Котлованы для склепов были вырыты в плотном суглинке и лежащем ниже слое галечника, сверху были засыпаны землей с культурными остатками, попавшими сюда с поселения на плато (керамика, кости домашних животных). Склепы входами обращены к речке Атлан-Озень, т. е. ориентированы по линии восток-юго-восток — запад-северо-запад или восток — запад. Первый склеп, обнаруженный в 1948 г., состоял из двух отделений, причем западное отделение, судя по инвентарю и стратиграфическим данным, было пристроено позднее восточного. Это самый большой из обнаруженных склепов. Его внутренние размеры: длина 6,15 м, высота 1,20—1,25 м, ширина восточного отделения 1,20 м, западного 1,55 м. Остальные два склепа были приблизительно в два раза меньше первого.

Второй склеп уцелел от разграбления; третий был дочиста ограблен. Первый склеп, несмотря на разграбление, в значительной степени сохранил погребальный инвентарь. В нем было найдено более тысячи целых и фрагментированных предметов.

Инвентарь склепов содержал множество глиняных сосудов, преимущественно лощеных кувшинов красно-коричневого цвета, большое количество оружия — железные наконечники копий и стрел, сабли, ножи и оселки; предметы конского убора — удила, стремяна, бляхи, пряжки, кольца;

бронзовые и серебряные бляшки поясного набора; бронзовые фибулы (рис. 50—2, 3) и поясные пряжки, бронзовые, зеркальца, бронзовые, серебряные и стеклянные браслеты и перстни (рис. 50—13), золотые, серебряные и бронзовые с позолотой серьги (рис. 50—4—8), головные булавки (рис. 50—14, 15), позолоченные бубенчики (рис. 50—11, 12), позолоченные пуговицы и медальончики с зернью и цветными стеклянными и каменными вставками, среди них медальоны с изображением человеческого лица из сердолика и женской протомы из голубой пасты (рис. 50—9, 10), каменные бусы-печатки с шиитскими значками, стеклянный туалетный флакончик и стакан, деревянные миска и круглая шкатулка, сотни различных стеклянных и каменных бус и т. д.

Склепы содержали коллективные погребения. В склепе № 2 было погребено не менее четырех женщин и, вероятно, один мужчина, судя главным образом по составу инвентаря, так как скелеты очень плохо сохранились.

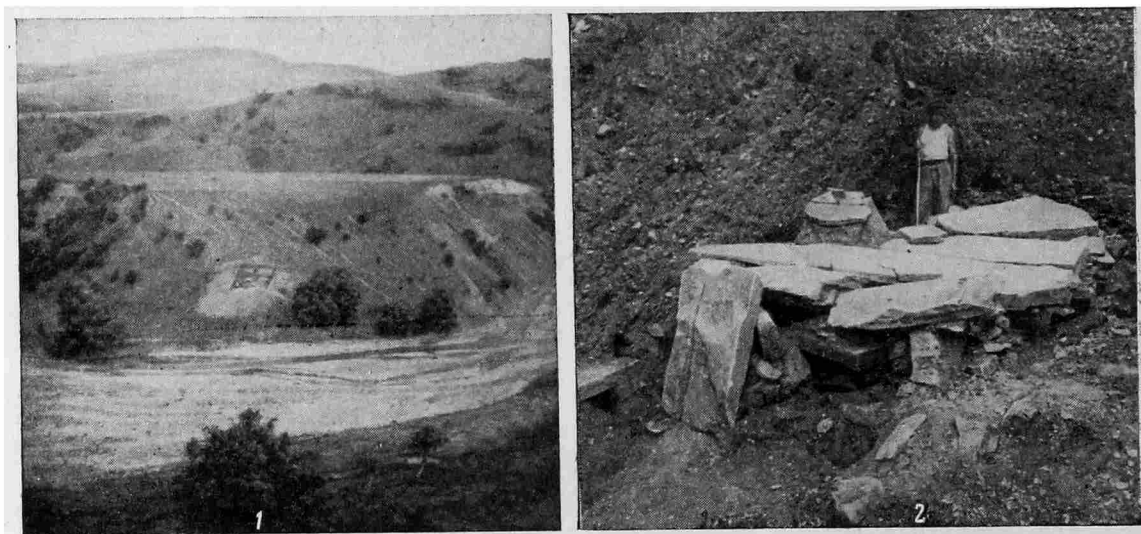

Рис. 49. Агачкалинский могильник

1 — вид на плато с поселением и могильником в урочище Бакалы-Коль; 2 — склеп № 2

Обнаруженные в 1949 г. в Агачкалинском могильнике погребения как в земляных могилах, так и в склепе № 2 отличаются единством погребального обряда и инвентаря.

Земляные могилы по узким сторонам ограничены вертикально стоящими каменными плитами, на которых лежали вдоль могилы доски или плахи, прикрывавшие погребенных.

Почти все погребенные лежат строго вытянуто на спине, головой на восток или юго-восток. Исключением является лишь маленький каменный ящик над склепом № 2 (погребение № 11), где взрослого можно было похоронить лишь в расчлененном состоянии. Ориентировка земляных могил строго соответствует ориентировке склепов.

Большинство земляных могил содержит двух-трех погребенных в следующем сочетании: женщина и девочка-подросток (погребение № 3), мужчина и женщина (погребение № 6), мужчина, женщина и ребенок (погребение № 7), трое детей (погребение № 9), женщина и ребенок (погребение № 11), две женщины (погребение № 12). Каждая такая могила, очевидно, носила семейный характер.

Погребения в склепах отличаются от погребений в земляных могилах только большим богатством и разнообразием инвентаря. Те и другие, очевидно, оставлены населением, жившим в нескольких десятках метров на

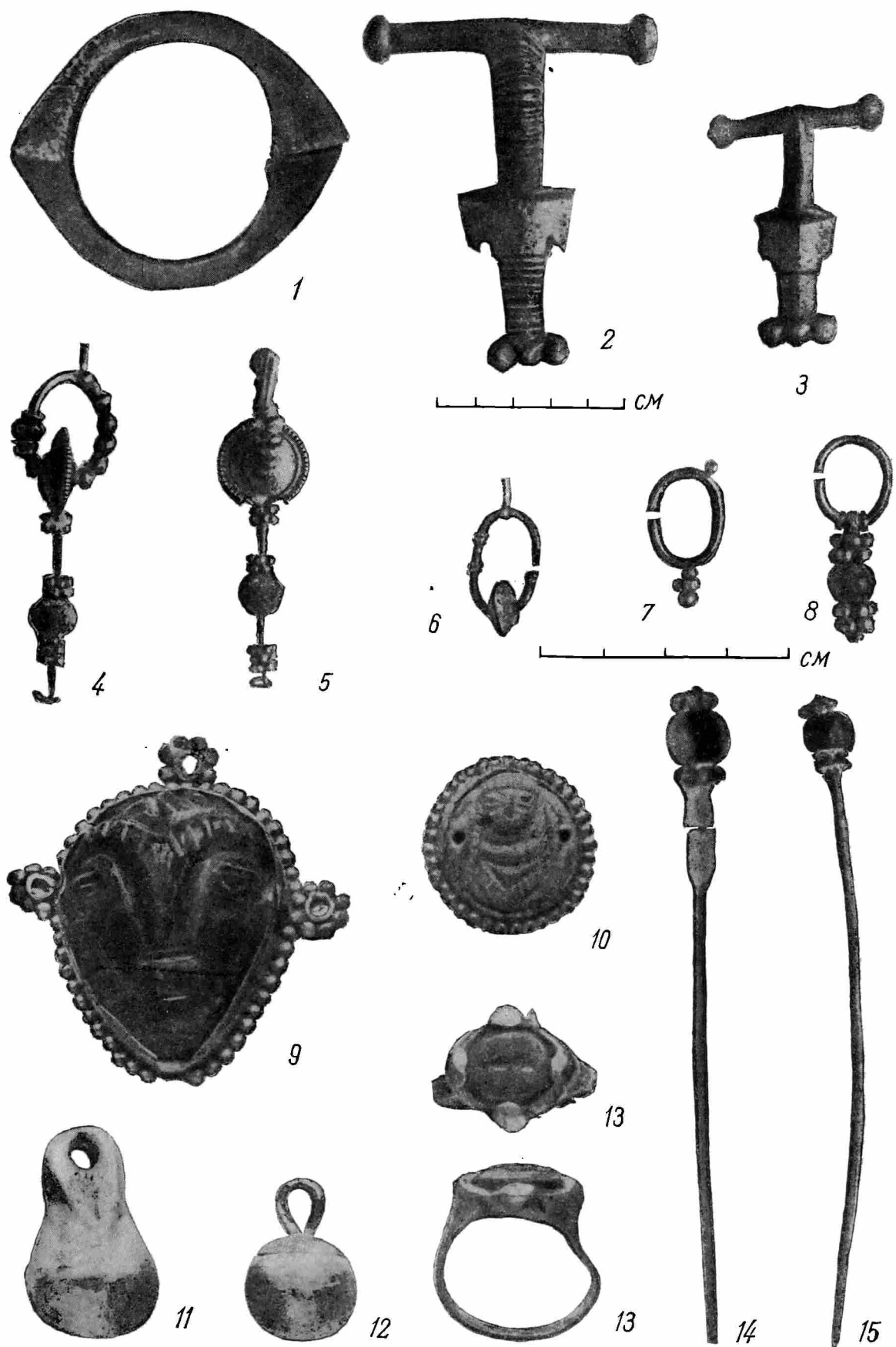

Рис. 50. Вещи из склепов

1 — массивный бронзовый браслетообразный предмет; 2 и 3 — бронзовые фибулы из восточного отделения склепа № 1 (1/2 нат. вел.); 4 — 8 — золотые серьги из склепа № 1 (нат. вел.); 9 — позолоченный медальон с сердоликовой вставкой; 10 — позолоченный медальон со вставкой из голубой пасты; 11 и 12 — позолоченные бубенчики; 13 — серебряный перстень с сердоликовой вставкой; 14 и 15 — бронзовые булавки из склепа № 2 (нат. вел.)

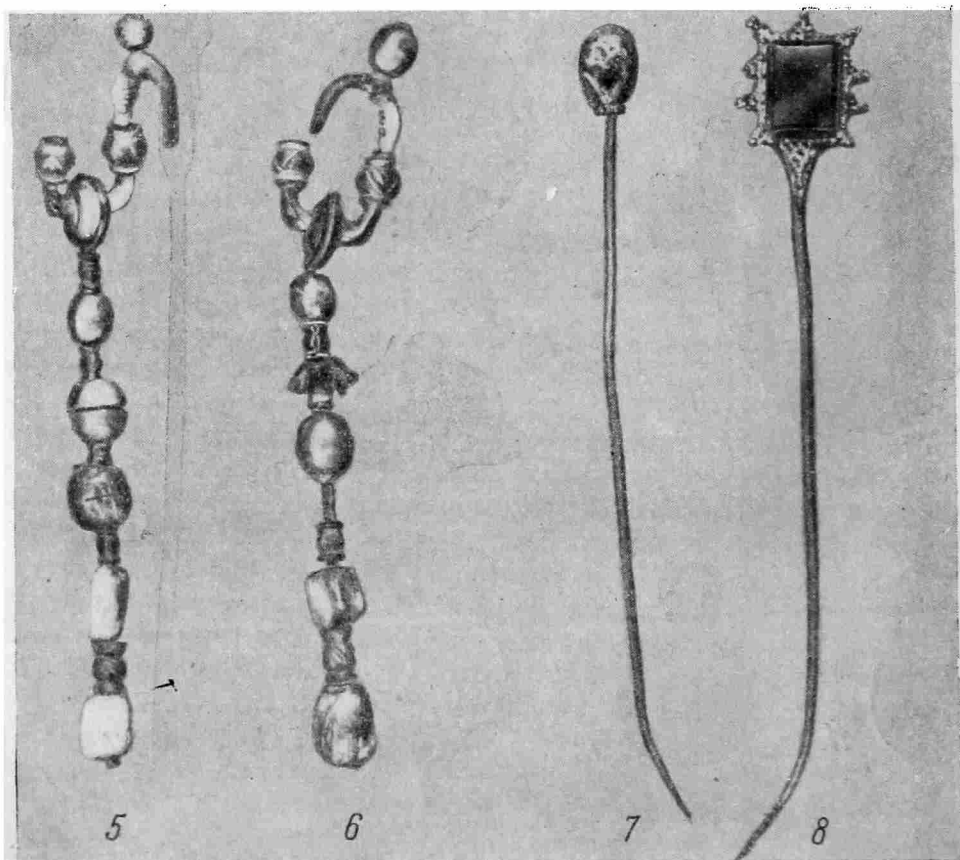

Рис. 51. Украшения из земляных могил

1 — стеклянный браслет; 2 — ожерелье из сердоликовых, алмандиновых и бронзовых бус; 3, 4 — бронзовые булавки из могилы № 3 (1/6 нат. вел.); 5, 6 — позолоченные серьги; 7, 8 — бронзовые булавки из могилы № 7 (нат. вел.)

плато. Керамика, собранная с поселения, соответствует керамике могильника: кувшины красной глины с лощеной поверхностью или покрытые ко-сой штриховкой.

Склепы служили семейными усыпальницами знати. Захоронения коней перед склепами и большое количество конского снаряжения и оружия, особенно в склепе № 1, характеризуют эту знать как конных воинов, боевую дружину раннефеодального облика.

Основанием для верхней даты Агачкалинского могильника служат гладкие браслеты из синего стекла, найденные и в склепе № 2, и в земляной могиле № 3 над западным отделением склепа № 1 (рис. 51—1). Их наиболее ранняя дата в находках юга нашей страны — IX—X вв. Этому же времени соответствует ряд женских украшений и прежде всего овальные серьги с выступом и диском, к которому прикреплен проволочный стержень с нанизанными на нем серебряными и перламутровыми бусами (рис. 51—5, 6), и перстни с четырьмя выступами на гнезде (рис. 50—13). Первые найдены в склепе № 2 и в могилах № 7 и 12, вторые — в том же склепе и в могиле № 7.

Подобные украшения с золотом в могиле 2-го Зеленчукского храма (раскопки Х. Р. Лайпанова 1940 г.) датированы альмандиновой печатью армянского князя Ашоты I (855—891 гг.). Среди украшений в этой могиле найдены также золотые бубенчики, тождественные позолоченным бубенчикам из тех же погребений Агачкалинского могильника (рис. 50—12).

В детском погребении № 1 над восточным отделением склепа № 1 был найден серебряный аббасидский диргем Альмансура (754—775 гг. н. э.), чеканенный в 772—773 гг. в г. Аббасийе (Тизенгаузен, стр. 90, № 875)¹. Диргем хотя и служил подвеской, но хорошей сохранности и мало потерт. Само погребение вряд ли относится ко времени ранее начала IX в.

В целом погребальный инвентарь земляных могил и склепа № 2, особенно керамика, браслеты, перстни, головные булавки, набор бус, — однотипен и позволяет с большой достоверностью датировать эти памятники IX—X вв.

С другой стороны, эта однотипность инвентаря еще резче подчеркивает разновременность вещей восточного отделения склепа № 1. В нем наряду с поздними вещами было найдено значительное количество вещей более ранних, чем IX—X вв. Таковы бронзовые арбалетные фибулы (рис. 50—2, 3), серебряные височные кольца с четырнадцатигранной бусиной, массивные браслетообразные предметы с незамкнутыми утолщенными концами (рис. 50—1), основной набор бус и т. д. Очевидно, восточное отделение склепа было сооружено сначала как самостоятельный склеп, на век — два раньше IX в. Наши наблюдения 1948 г. показали, что западное отделение склепа, сохранившее преимущественно поздний материал, было пристроено позже, вероятно в IX в. Это наблюдение подтвердилось в 1949 г. стратиграфически: во время пристройки была потревожена могила № 13, сходная по инвентарю с прочими земляными могилами.

Агачкалинский могильник дал значительное число женских бронзовых и серебряных головных булавок (рис. 50—14, 15 и 51—3, 4, 7, 8). Они найдены в склепе № 2, в земляных могилах № 3 и 7, т. е. в наиболее поздних погребениях могильника. Подобные булавки встречаются редко среди многочисленных памятников алано-хазарского времени в других районах Северного Кавказа. Зато они хорошо известны в Закавказье, в частности в Грузии (Самтаврский могильник, погребения близ Санты Цалкинского р-на и т. д.), и датированы Б. А. Куфтиным не ранее V и не позднее VII в.² Агачкалинские булавки с напускными бусинами и звездчатыми гаечками

¹ Монета определена научным сотрудником ГИМ С. Дюмидовой.

² Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 22.

(рис. 50—14, 15 и 51—3, 4, 7) тождественны булавам из Санты¹. Следовательно, по крайней мере для Дагестана, эта форма головной булавки, прототипом которой послужили булавки из Грузии, характерна вплоть до X в.

Агачкалинский могильник включается в обширную группу памятников алано-хазарского времени Северного Кавказа (VI—X вв.). Среди них имеются грунтовые могильники (у с. Лац, Куртатинского ущелья в Северной Осетии², катакомбные погребения (могильники Северной Осетии в Кобани, Чми, Комунте, Гоузке, Балте³ в урочище Песчанка Нальчикского р-на и у с. Дуба-Юрт на р. Аргуни Грозненской области)⁴ и каменные склепы (с. Гижгид Нальчикского района⁵, Галиатский могильник в Северной Осетии)⁶.

Территориально и хронологически ближе всего к Агачкалинскому могильнику расположен катакомбный могильник у с. Дуба-Юрт, исследованный в 1936 г. А. П. Кругловым и датированный им IX в.⁷

В погребальном инвентаре обоих могильников много общих черт: одинаковая форма ножей, бляшки поясного набора, некоторые типы браслетов, перстней, серег, бубенчики, набор бус и т. д.

Однако Агачкалинский могильник имеет свои специфические черты как в сооружении земляных могил и склепов и в обряде погребений, так и в составе погребального инвентаря.

Эти особенности сближают Агачкалинский могильник с большим курганом под Буйнакском, исследованным в 1897—1899 гг. Е. Козубским и Ф. Афанасьевым⁸. Наиболее ранний памятник Агачкалинского могильника — восточное отделение склепа № 1 — дал ряд вещей, характерных и для погребений Буйнакского кургана. Керамика Агачкалинского могильника в целом типологически близка керамике Буйнакского кургана. Оба памятника тождественны по устройству самих склепов и по сочетанию склепов с земляными могилами в насыпи над склепами. Буйнакский курган дал разновременный инвентарь при сохранении одинакового погребального обряда. Наличие в нем таких вещей, как сарматские трехлопастные железные наконечники стрел, фибулы первых веков н. э., свидетельствуют о том, что наиболее ранние погребения этого кургана должны относиться ко времени не позднее III—IV вв. А. А. Захаров датировал в целом погребения этого кургана III—VII вв.⁹

Все это дает основание говорить о генетической связи между населением, хоронившим своих покойников в III—VII вв. в Буйнакском кургане, и населением раннего средневековья в окрестностях Агач-Калы.

Население, оставившее нам Агачкалинский могильник, занимало один из южных районов Хазарии и, очевидно, входило в племенное хазарское объединение Дагестана.

Кроме явно привозных из южных стран вещей, какими являются изделия из стекла, каменные бусы-печатки, стеклянные и каменные бусы, рез-

¹ Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 22, рис. 25.

² Е. Г. Пчелина. Два погребения времени алано-хазарской культуры у сел. Лац. «Труды секции археологии РАН ИОН», т. IV, стр. 408—422.

³ МАК, т. VIII; ОАК за 1897 г., стр. 46—47.

⁴ А. П. Круглов. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 года. Грозный, 1938.

⁵ Владимиров. Отчет о раскопках на «Песчанке» у с. Гижгид. ОАК за 1898 г.

⁶ Е. И. Крупнов. Из итогов археологических работ. «Изв. Северо-осетинского н.-иссл. ин-та», т. IX, Орджоникидзе, 1940, стр. 130—168.

⁷ А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 27—28.

⁸ А. А. Zakharov. Contributions to caucasian archaeology ESA, т. V, стр. 133 и сл.

⁹ А. А. Zakharov. Указ. соч.

ные камни,— большинство вещей Агачкалинского могильника характерно для раннего средневековья Северного Кавказа и более северных степных районов нашей страны, т. е. тех старых областей сармато-аланской культуры, которые вошли в состав Хазарии или находились в непосредственном соседстве с ней. Очевидно, многие из этих вещей, особенно своеобразные изделия из золота, серебра и бронзы с зернью, накладным серебром и позолотой, производились в одном из центров Хазарии, каковым, прежде всего, мог быть еще не найденный археологами Семендер.

О. С. ХОВАНСКАЯ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ГОРОДЕ БОЛГАРЕ

На протяжении нескольких лет Институт истории материальной культуры, Государственный исторический музей, Государственный музей Татарской АССР производили археологические раскопки на территории городища Великие Болгары. Эти раскопки широко осветили развитие производительных сил болгарского народа, некоторые моменты исторической жизни гор. Болгара, его топографию.

Много нового материала дали по этим вопросам археологические работы 1949 г. Одна из задач экспедиции состояла в том, чтобы определить и изучить внутреннюю линию укрепления гор. Болгара, так называемый «Замочный вал», обмеренный полковником Савенковым и геодезистом Крапивинным в 1732 г.¹ Укрепленная линия, по их данным, проходила невдалеке от Иерусалимского оврага, по отрогам его в южном направлении, затем поворачивала на северо-запад и заканчивалась у бровки верхней террасы с западной стороны четырехугольника. Раскопки 1947 г. с западной и юго-западной сторон четырехугольника следов вала и рва не обнаружили, но, как показало исследование, здесь были расположены кузницы, мастерская резчика по кости, обширный металлургический район². Раскоп 1949 г. площадью 180 м² был заложен по Комсомольской улице в 150 м на восток от металлургического района, вскрытого в 1947—1948 гг.

Стратиграфия выявилась следующая:

- I. Русский слой XX в. — 15—20 см.
- II. Русский слой XVI—XIX вв. — 60—80 см, врезающийся в виде ям в болгарский культурный слой XIII—XIV вв.
- III. Слой запустения городища XV—XVI вв. отсутствовал, так как был уничтожен русским культурным слоем.
- IV. Болгарский слой XIII—XIV вв. мощностью 80—120 см, заглубленный в виде ям на 2—2,5 м.
- V. Домонгольский слой XII — начала XIII в.
- VI. Домонгольский слой X—XI вв., обнаруженный только фрагментарно.

Интересный вещевой материал был получен в русском культурном слое: красные изразцы с изображением медведя, характерные для конца XVI в., типичные полихромные изразцы XVII в., серебристая керамика

¹ Шпилевский. «Древние города» и другие болгаро-татарские памятники. Приложение. Казань 1877, стр. 571.

² Э. А. Акчурина, А. М. Ефимова, А. П. Смирнов, О. С. Хованская. Исследования г. Болгара. КСИИМК, вып. XXVII, 1949.

того же времени. Эти находки заставили пересмотреть вопрос о времени заселения русскими Болгарского городища.

В исторической литературе установился взгляд, согласно которому русское население появилось на территории городища только в XVIII в., когда Успенский монастырь, находившийся в XVII в. на Эдемском острове, вблизи Спасского затона, был переведен в Болгары.

Раскопки на территории Болгарского городища 1939—1949 гг. дали достаточно большой вещевой материал XVI—XVII вв., что позволяет утверждать о появлении здесь небольшого русского поселка задолго до строительства Успенского монастыря, тем более что в это время уже шла планомерная колонизация края: в 1576 г. строятся укрепления г. Тетюши, в XVII в. возникают села Кирельское и Никольское, в 1648 г.— Карлинская укрепленная черта.

Исключительно важный материал дал IV болгарский культурный слой. В северной части раскопа, где была обнаружена как бы свалка, в нижних горизонтах IV слоя определились следы громадного пожарища. Толщина угольного слоя не превышала 8—10 см. Залегание слоя пожарища на домонгольском слое, большая его протяженность позволяют сделать заключение о стихийном бедствии в гор. Болгаре. Таким бедствием мог быть только разгром города Батыем в 1236 г., сопровождавшийся не только пожаром, но и разрушением города. Слой пожарища почти везде перекрыт прослойкой песка, вернее — супеси (10—15 см), что говорит о каких-то больших строительных работах в связи с восстановлением города.

До сих пор этот слой пожарища не выступал при раскопках, так как был в значительной степени уничтожен позднейшим строительством, и только случайная разбивка участка на месте свалки дала возможность выделить стратиграфически слой времени Батыя. Исследование IV болгарского слоя определило на территории раскопа нижеследующие объекты: медеплавильное, возможно, железоплавильное производство и семь жилых домов, в большинстве случаев совершенно разрушенных.

Металлургия меди. Особенность культурного слоя XIII—XIV вв. заключалась в присутствии громадного количества медных шлаков, слитков меди и сильно окисленных, совершенно деформированных медных изделий. Эти находки, начавшиеся с первых штыков, сигнализировали о большом медеплавильном производстве, которое было сосредоточено в данном районе. Не только дерево и кости животных были покрыты зеленым налетом окиси меди, но и почва местами была окрашена им, что подтвердил химический анализ, проведенный в полевых условиях. Количество шлаков, найденных в культурном слое, исключительно велико (более 8000 кусков). Выделялись стекловидные шлаки всевозможных оттенков, с большой примесью железа и меди, и шлаки с обмазкой сильно прокаленной глины. Последние находки особенно важны, так как являются, надо полагать, обломками горна. Глиняное тесто рыхловатое, легко расслаивающееся, что указывает на кладку горнов из сырцовых блоков, которые после обжига получили яркокрасный, а в некоторых случаях даже буроватый цвет вследствие высокой температуры (свыше 800°).

На участках наибольшего скопления шлаков были обнаружены металлургические горны в сильно разрушенном состоянии. Возможно, что часть горнов находилась под южной стенкой раскопа, так как скопление шлаков местами было большое, но следов горнов не выявилось.

Горн № 1 определился на глубине 1,39 м в виде округлого пятна (диаметр 48—86 см) яркокрасной, сильно обожженной глины, углубленного на 18—20 см. Верхняя часть горна совершенно разрушена и сохранился только под. Около горна лежала груда крупного угля (48 кусков), подготовленного, повидимому, для плавки. Стратиграфически горн можно датировать началом XIV в.

Горн № 3. Еще более явное производственное назначение имел разрушенный горн № 3. Массив яркочерной глины начинался на глубине 1,1 м, а после расчистки выступили очертания печи, сложенной из сырцовых и обожженных кирпичей толщиной в 4 см и длиной 18 см; ширину кирпича проследить не удалось. Кладка, сложенная на глиняном растворе, углублялась на 58—60 см и представляла фундамент горна, причем внизу прокала глины был бледночерным, а в верхней части, соответствующей поду печи,— яркочерный. Длина горна, судя по сохранившейся северной стенке, была 1,2 м, ширина — около 80 см.

То, что это не бытовая, а медеплавильная печь, подтверждалось громадным сбросом со всех сторон медных шлаков и медных изделий, при ничтожном количестве бытовых вещей. Почва была насыщена остатками угля. С северной стороны на глубине 1—1,4 м наблюдалось большое количество фрагментов кирпича и кусков прокаленной глины, что можно принять за обвал верхней части горна.

Конструкция плавильной печи, или, быть может, горна не выявлена ввиду полного разрушения. Датировать горн можно на основании залегания толщи яркочерной глины, соответствующей поду. Ориентировочно — это середина XIV в.

На основании исследования 1949 г. трудно определить, какого типа было медное производство, для этого пока еще мало данных. Не найдено и медных руд, которые шли в обработку, за исключением одного образца медного колчедана. Как показало геологическое исследование, медные руды залегают в виде конкреций и секреций в восточной части Татарской республики и приурочены к казанскому и татарскому ярусам. Руды представлены сернистыми соединениями (сернистый блеск, медный колчедан), закисными и окисными (куприт), углекислыми (малахит). Количество меди в конкрециях, которые и выбирались для плавки, колеблется от 39,5 до 63%¹. Среднее количество меди в породах составляет 3—4%.

Медные месторождения находились на территории Булгарского царства, руда могла доставляться и из восточных районов Прикамья водным путем.

Некоторое представление о булгарской медной металлургии можно получить, ознакомившись с русскими медеплавильными мануфактурами XVII—XVIII вв. в Прикамье по описанию Германа и Рычкова². Породу закладывали в бадьи и промывали струей воды, в результате чего на дне оставалась чистая руда. Печи были сложены из кирпича, имели высоту до 3 м при ширине в нижней части до 90 см; в почву печи были заглублены на 85 см. В горн закладывались послойно руда, уголь, флюс (мусор, смешанный с песком и глиной). В результате повторных плавки получалась сернистая медь, тогда как примеси железа переходили в шлак. Последующей плавкой с углем получали чистую медь. Повидимому, предварительно руда обжигалась в кучах для удаления серы, что отмечает и академик Лепехин, посетивший Прикамье в 1768—1772 гг.³ Эти отдельные сведения, не освещающие все производство в целом, дополняются отчасти данными из труда М. В. Ломоносова, впервые научно обосновавшего процесс выплавки меди⁴.

Как указывалось, шлаки, которые были обнаружены в IV культурном слое, содержали и медь и железо. Анализ, произведенный аналитической лабораторией Казанского химико-технологического института, дал в одном

¹ Л. М. Миропольский. Медные руды. «Геология и полезные ископаемые». Казань, 1945, стр. 265.

² И. Герман. Историческое очертание горных заводов. 1810, стр. 5—20; Рычков. Журнал или дневные записки капитана Рычкова по различным провинциям Российской империи.

³ И. И. Лепехин. Дневные записки путешественника. СПб., 1771, стр. 281—282.

⁴ М. В. Ломоносов. Первые основания металлургии или рудных дел. СПб., 1796, стр. 66—67.

из шлаков CuO — 23%, Fe_2O_3 — 6%. На основании этого можно сделать вывод о выплавке меди в данном районе Болгарского городища (возможно, из заранее обожженных руд), результатом чего явились отбросы производства — шлаки, которые не шли в дальнейшую переработку, хотя и содержали значительный процент меди.

Кроме выплавки меди, в районе раскопа производилась и металлообработка, так как были найдены льячка, каменные и глиняные формы, большое количество деформированных медных изделий. Кроме медных шлаков, в этом слое встречено большое количество криц, как в обломках, так и целыми экземплярами сегментообразной формы. Нет данных для заключения о выплавке железа в исследованном нами районе, но какая-то обработка металла производилась. Возможно, тут были кузницы.

Наблюдение за распределением шлаков и криц в IV болгарском слое выявило определенную закономерность в распределении находок. Кривая, приведенная на рис. 52, дает представление об изменениях в размерах металлургического производства на основании неодинакового количества медных шлаков и криц на различных глубинах.

Резкое падение кривой на штыке 4 можно объяснить прекращением работы металлургических горнов, вызванным новым бедствием, разразившимся над городом, — разгромом Болгара Булак-Тимуром в 1361 г.; но через некоторый промежуток времени жизнь города восстанавливается, возникают новые горны. Кривая подчеркивает подъем производства и затем постепенное его снижение. Вполне вероятно возникновение в конце XIV в. нового металлургического района в более отдаленной части городища, например у Британкина озера, где раскопки 1945 г. вскрыли остатки большого производства, связанного с плавкой и обработкой металла. Следует отметить, что и большой металлургический район, расположенный западнее исследованной нами территории, прекратил свое существование в конце XIV в.¹

Кожевенно-пошивочные мастерские. В IV болгарском культурном слое обрисовалось другое крупное производство этого района — кожевенно-пошивочное. На площади раскопа было найдено до 800 фрагмен-

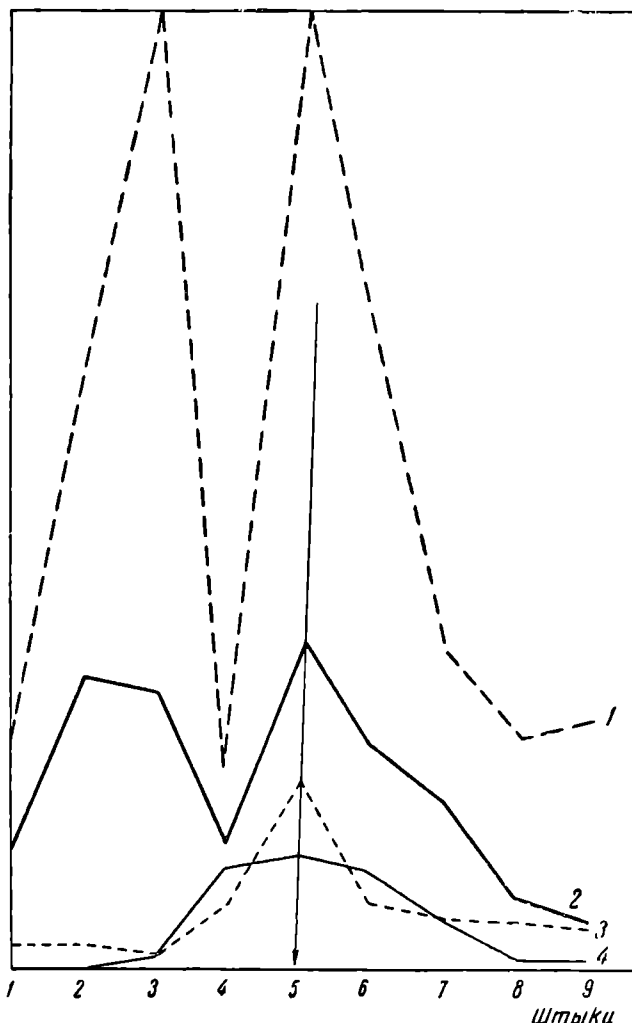

Рис. 52. Болгар. Диаграмма расположения по штыкам находок остатков ремесленного производства

1 — остатки медного литья, 2 — шлаки, 3 — крицы, 4 — остатки кожи

Кожевенно-пошивочные мастерские. В IV болгарском культурном слое обрисовалось другое крупное производство этого района — кожевенно-пошивочное. На площади раскопа было найдено до 800 фрагмен-

¹ З. А. Акчурина, А. М. Ефимова, А. П. Смирнов, О. С. Хованская я. Исследование города Болгара. КСИИМК, вып. XXVII, 1949.

тов кожи в виде обрезков, частей готовых изделий. Здесь же был и инструментарий сапожника: типичный раскроечный нож, медная игла, железное шило четырехгранной формы, обломки точильного камня.

Прежде чем перейти к рассмотрению изделий ремесленников-кожевников, остановимся на сырье. Исследование кожи было произведено ученым-реставратором Государственного исторического музея А. Д. Чиварзиным. По его заключению, в дело шли воловьи шкуры. Процесс гонки шерсти осуществлялся не известкованием, а обработкой хлебным тестом — способ, широко распространенный не только в средневековье, но и XVIII—XIX вв. Для дубления применялось ивовое корье, готовые кожи жировались яичным белком.

Изучение образцов кожи показало, что болгарским мастерам было известно и тиснение. Здесь представлены два типа тиснения: плоское, в виде неправильных четырехугольников, и рельефное, состоящее из переплетающихся червеобразных выпуклых рисунков. Следует отметить применение тиснения новгородскими мастерами еще в XII в., что указывает на возможность влияния новгородских ремесленных приемов на болгарские.

Болгарские изделия из кожи были, повидимому, весьма разнообразны. Вырабатывалась различного вида обувь, колчаны для стрел, седла, сбруя, поясные ремни и т. д. Фрагменты найденных нами изделий настолько сохлись, что трудно установить по ним весь ассортимент. Необходима реставрация и специальное изучение всех экземпляров. Только некоторые из них поддаются предварительному определению. Можно выделить следующие:

Каблук. Наибольшая ширина 6,5 см, длина 4,5 см, с наружной стороны забиты семь железных шипов — пять больших и два малых.

Подобный каблук, но только с тремя шипами, был найден при раскопках на Ярославовом дворище в Новгороде и рассматривается проф. А. В. Арциховским как зимняя обувь для хождения по льду¹. Возможно, для этой же цели на каблуки набивались у болгар железные подковки, которые в большом количестве имеются в коллекции Государственного музея Татарской АССР. Такая подковка была найдена при раскопках керамических горнов у Галанского озера у пяточных костей убитого болгарского жителя².

Шипы забивались не только в каблуки: был найден фрагмент какого-то изделия, представлявшего две толстые полоски кожи, скрепленные малыми железными шипами.

Ремешки, шириной 0,5 см и толщиной 0,25 см, имели ряд отверстий, сделанных шилом; были найдены и гладкие ремешки, без отверстий. Новгородская обувь имела такие же ремешки, служившие для закрепления обуви.

Те незначительные наблюдения, которые удалось сделать при изучении образцов лучшей сохранности, показывают, что слава о болгарских кожевниках имела свои основания. Еще в X в. болгарские воины были обуты в сапоги, что для того времени составляло редкое явление.

На основании распределения находок кожи можно датировать возникновение больших ремесленных мастерских, а также прекращение их существования. Фрагменты кожи встречались довольно равномерно на всех участках, но количество их резко изменялось по штыкам, что иллюстрируется рис. 52.

Очень характерно расширение производства, а затем резкий его упадок, причем небольшие пошивочные работы велись начиная с XII в.

¹ Л. И. Якунина. Новгородская обувь XII—XIV вв. КСИИМК, вып. XVII, 1947.

² Отчет Экспедиции 1948 г. «Керамические горны у Галанского озера».

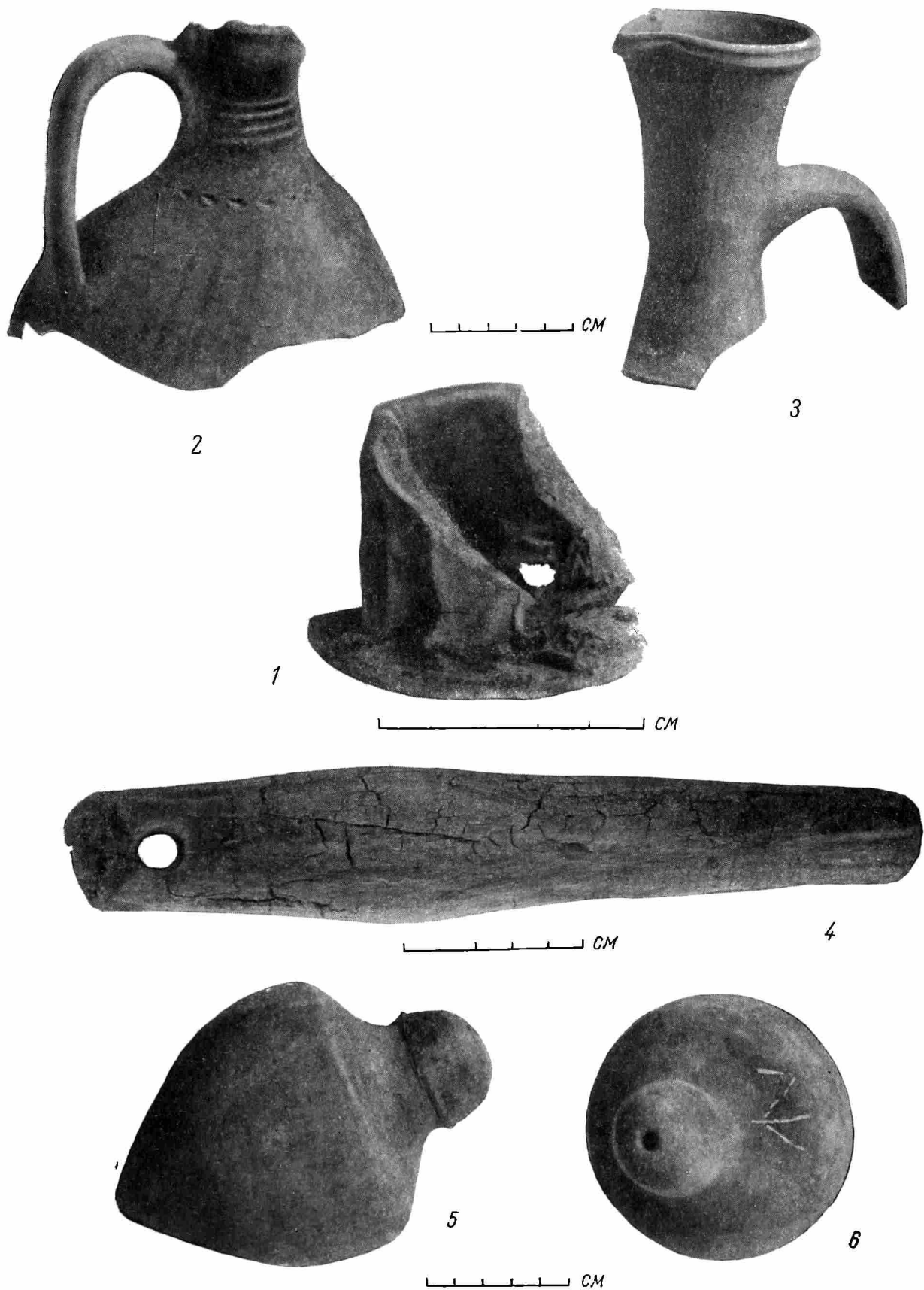

Рис. 53. Глиняные и деревянные изделия из Болгара

1 — курильница; 2, 3 — образцы посуды; 4 — деревянный поплавок от сети; 5 и 6 — сфероконусы

Интересно сопоставить кривую развития пошивочных мастерских с кривой развития медеплавильного и железоплавильного производства. Падение кривых на определенных горизонтах не случайно. Это явление связывается, как уже указывалось с разгромом города Булак-Тимуром в 1361 г. Но меделитейное производство восстанавливается на некоторое время, тогда как кожевенно-пошивочные мастерские в этом районе больше не возобновляются.

Вещевой материал позволяет до некоторой степени охарактеризовать быт и социальный уровень ремесленника-кожевника, так как на территории раскопа был обнаружен на глубине 1,4 м сгоревший дом, который мы имеем основание считать жилищем и мастерской ремесленника-кожевника.

Рис. 54. Болгар. Остатки подполья дома

В обвалившейся печи был найден кусок кожи размером 40×30 см, который при извлечении распался на мелкие кусочки. В 2 м от дома были обнаружены обрезки кожи и между ними шило и прочий инструментарий ремесленника, описанный выше. Обращает на себя внимание бедность бытового комплекса — почти отсутствует привозная поливная посуда, преобладает керамика, обожженная домашним способом, коричневая и серая (рис. 53—1—4). Но все же кожевников нельзя отнести к беднейшим слоям населения, как это было установлено для гончаров, обслуживавших керамические горны у Галанского озера. В доме ремесленника-кожевника был найден ларь, содержащий около 10 кг зерна в обугленном состоянии. Около самого дома зарегистрировано 2109 костей домашних животных. Все это свидетельствует о некотором достатке и позволяет поставить ремесленников данной категории на более высокий имущественный уровень по сравнению с гончарами того же времени.

Жилое строительство. На территории раскопа в IV болгарском слое определилось несколько жилых комплексов (рис. 54), страти-

графически четко разграниченных. Одни из них относятся к более раннему периоду и датируются второй половиной XIII и началом XIV в. (дома № 4, 6, 7, 8, 9). Другие же сооружены значительно позднее, в конце XIV или в начале XV в., когда металлургическое производство прекратило здесь свое существование в связи с разгромом города Булак-Тимуром в 1361 г. (Рис. 54).

Как показало исследование, дома конца XIII в. ориентированы в направлении северо-восток — юго-запад, что характерно для жилых кварталов гор. Болгара. Правильная ориентировка домов, значительные размеры пожарища 1236 г., указывающие на наличие в этом районе большого жилого строительства, позволяют сделать вывод о прохождении укрепленной линии несколько восточнее, так как в эпоху средневековья вблизи крепостных стен сооружались обычно только отдельные мелкие постройки, небольшие ремесленные мастерские. В XIV в., после строительства ханского дворца, большой мечети (четыреугольника), линия укрепления могла быть отодвинута на запад, с тем, чтобы охватить центральный район города. В это же время и весь посад был окружен валом, рвом и крепостной стеной¹. Вблизи от новой внутренней линии укрепления возникали кузницы, медеплавильные горны, мастерские ремесленников-кожевников, а жилой квартал, с правильно разбитыми улицами, раскинулся значительно западнее и был обнаружен раскопками 1948 г. Очень важный материал для топографии города и экономики домонгольского периода дали V и VI культурные слои. В них были вскрыты сгоревшие дома XI—XII вв., два металлургических горна, очаг для выплавки меди. Наличие данных объектов позволяет сделать заключение о существовании посада и развитии металлургии в XI—XII вв. Широкое развитие земледелия в домонгольский период подтверждается находкой плужного резака в слое XII в.

¹ А. М. Ефимова, О. С. Хованская, Н. Ф. Калинин, А. П. Смирнов. Раскопки развалин Великих Болгар в 1946 г. КСИИМК, вып. XXI, 1947.

А. М. ЕФИМОВА

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЕ ГОРНЫ В ГОРОДЕ БОЛГАРЕ

Болгарская археологическая экспедиция ИИМК АН СССР, ГИМ и Государственного музея Татарской АССР в 1947 и 1948 гг. открыла район металлургического ремесленного производства XIV в., расположенный в северо-восточной части городища, в некотором отдалении от городского центра.

В этом районе было открыто 24 сыродутных и чугунолитейных горна и найдено множество отбросов металлургического производства.

Для того чтобы проследить территориальное распространение металлургического района, в 1949 г. был заложен раскоп в 35—40 м к юго-западу от раскопа 1948 г.

Было заложено 38 участков, каждый в среднем размером 2×2 м. Общая площадь раскопа 163 м².

Под напластованиями городской улицы с жилыми домами конца XIV—начала XV в. была открыта территория металлургического района с двуслойными напластованиями — XI—XII вв. и второй половины XIII—начала XIV в. Впервые были открыты металлургические горны XI—XII вв., до настоящего времени еще неизвестные. Полученные материалы позволяют проследить развитие болгарской металлургии в отдельные исторические периоды жизни гор. Болгара.

Остановлюсь на характеристике стратиграфических данных¹.

Раскоп был расположен на проезжей дороге, и территория его не была занята сельскими постройками. В виду этого первый слой — дерновый покров — был развит очень слабо, а второй — напластования русского села XVI—XX вв. — был встречен лишь в виде двух кладоискательских ям. Ниже лежащий татаро-болгарский слой (IV слой по стратиграфической шкале городища) залегал непосредственно под тонким (5—10 см толщиной) слоем дерна или дорожной супеси. Слой значительной мощности (от 1 до 2 м) датируется начиная со второй половины XIII до начала XV в. Характер слоя позволил выделить три одновременных горизонта, представляющих отдельные этапы жизни города в данный исторический период.

¹ Нумерация слоев дана по стратиграфической шкале, установленной для городища исследованиями 1938—1948 гг.:

- I — слой современной русской деревни.
- II — слой русской деревни XVI—XIX вв.
- III — погребенная почва XV — половины XVI в.
- IV — слой золотоордынский, XIII—XV вв.
- V — слой домонгольский, XII в.
- VI — слой домонгольский, X—XI вв.
- VII — слой селища V—IX вв.

Первый горизонт, нижний, налегал непосредственно на домонгольский слой, его дневная поверхность находилась на глубине 70—80 см от поверхности татаро-булгарского слоя и определялась залеганием *in situ* остатков металлургического производства — пластов или куч мелких чугунных слитков. Горизонт супесчаный, светлый, с немногочисленными прослойками золы и древесины; на значительном протяжении раскопа нарушен сооружениями вышележащего горизонта IV слоя и сохранился фрагментарно, отдельными небольшими участками. Этот горизонт беден культурно-бытовыми остатками, что резко контрастирует с их обилием в вышележащих горизонтах татаро-булгарского слоя. Керамика характеризуется наличием красных, коричневых и недостаточно обожженных серых и желтых черепков. Фрагментарность ненарушенных участков первого горизонта слоя лишает возможности дать процентное соотношение различных групп керамики.

На уровне данного горизонта, на площади 50 м² (участки 1—13), были расположены кучи чугунных литков и металлургические горны. Выявлено 11 куч или пластов литков длиной до 0,5—1,5 м и около 0,5 м в поперечнике. Толщина пластов достигала 10—18 см. Литки залегли вперемешку с мелкими крицами и шлаком. Общее число литков достигало 25 тыс. экземпляров.

Горн № 1 выявлен на глубине 85—90 см от поверхности IV слоя (120—126 см от 0), сохранился в высоту на 20 см, сложен из сырцово-глины и обломков кирпичей. Стенки прямые, толщина стенок 13—15 см. В плане горн имел очертание неправильной окружности диаметром около 100 см. С северной стороны стенки горна имели проем, служивший для выемки криц. К горну примыкали кучи чугунных литков, окалины и угля. В непосредственной близости к горну на площади 25—30 м² находился завал красной обожженной глины. Привожу запись полевого дневника (тетрадь 1-я, стр. 17—19).

«...Дернового покрова нет (участки находятся на дороге), непосредственно по снятии 10—15 см слоя гумированной супеси дороги вскрыты наслоения красной обожженной глины с мелкими включениями обугленной древесины. Пятна на глубине 15 см от поверхности расплывчаты, неопределенной конфигурации. На глубине 30—35 см от поверхности (60—65 см от 0) пятна приняли дугообразные очертания; предполагаемый размер окружности 100—150 см. С наружной стороны дуг прослежены залегания обугленной древесины. Встречено несколько обломков кирпичей. Найдены крицы полушарной формы, мелкие куски чугунного литья, шлаки, куски руды. На участке 2, на глубине 90 см от поверхности (121—126 см от 0) в завале красной обожженной глины найден глиняный сосуд с лежащей в нем крицей».

Очевидно здесь, близ открытого нами полуразрушенного горна, располагались другие металлургические горны. Их разрушение образовало завал красной обожженной глины. Большой интерес представляет находка в завале глины глиняного сосуда с остатками железа. Стенки сосуда слегка выпуклые, дно округлое — 15 см в диаметре, ручка овальная в сечении. Железо заполняло нижнюю часть сосуда и плотно срослось со стенками благодаря окислению. Железные вещи были положены в сосуд для цементации, сосуд поставлен в горн, в завале которого был найден.

Металлургические горны и скопление отбросов металлургического производства с несомненностью свидетельствуют о нахождении здесь на уровне нижнего горизонта татаро-булгарского слоя ремесленного металлургического производства. Данные стратиграфии позволяют датировать первый горизонт началом татаро-булгарского периода, когда происходило восстановление города после монгольского завоевания 1236 г.

На территории раскопа найдены медные золотоордынские монеты XIII в.:

Участок 13, штык 1—1251—1259 гг., чекал Булгар

Участок 17, штык 3—1289 г.

Участок 17, штык 3—вторая половина XIII в.

(прочтены нумизматом А. Б. Булатовым, Казань)

Даты монет позволяют начать татаро-булгарский период существования города с 50-х гг. XIII в.

Исследование горизонта булгарского металлургического производства конца XIII — первой половины XIV в. выявило ряд особенностей, свидетельствующих о техническом развитии булгарской металлургии данного периода. Горн № 1 по своей конструкции резко отличен от низких сводчатых горнов XI—XII вв. и близок высоким цилиндрическим и бочкообразным горнам XIV в., открытым экспедицией в 1948 г.¹

В конце XIII в. в Болгаре низкие сводчатые печи, характерные для ранних периодов развития металлургии, были заменены более эффективными высокими горнами. Исключительный интерес представляют кучи отбросов чугунного литья, находившиеся на территории расположения горнов. Громадное скопление отбросов чугунного литья, во много раз превосходящее находки шлаков и криц, исключает возможность рассматривать их как случайность, брак кричного производства, и заставляет поставить вопрос о возникновении чугунного литья в Болгаре в конце XIII или в первой половине XIV в.

Кусок чугуна был найден в верхнем горизонте завала горнов (участок 7, штык 2). В верхнем горизонте татаро-булгарского слоя были найдены фрагменты чугунных сосудов.

К сожалению, плохая сохранность горна № 1 и завал остальных горнов, находившихся на территории раскопа, не позволяют дать исчерпывающее суждение о типе печи, т. е. были ли это сыродутные горны для производства кричного железа или печи типа домниц (Stückofen) для литья чугуна.

Возможно, что находка сосуда с железом в завале горна показывает, что в отдельных случаях руда помещалась в горн в тиглях. Варка железа в тиглях характерна для первобытной металлургии I тысячелетия до н. э.² Однако крицы в горнах были найдены также и на памятниках I и начала II тысячелетий н. э.: в землянках Боршевского городища VIII—IX вв. (раскопки П. П. Ефименко), на селище XI—XII вв. близ Торопца (раскопки Н. П. Милонова)³.

Технологические причины, заставлявшие в отдельных случаях варить железо в тиглях, не ясны; возможно, они могут быть установлены путем сравнительного анализа криц. Проф. А. П. Смирновым было высказано предположение, что в горшках производилась обработка высококачественного железа или стали.

Вышележащие напластования татаро-булгарского слоя, супесчаные темные гумированные, содержат в большом количестве остатки строительных материалов: прослойки и отдельные монолиты глины, пласты древесины, угля, обломки кирпичей; слой насыщен культурно-бытовыми остатками, главным образом, керамикой. Здесь, на глубине 55—65—70 см от поверхности татаро-булгарского слоя (100—110—120 см от 0), следует выделить его второй горизонт, непосредственно налегающий на первый и представляющий дневную поверхность глинобитных домов. На данном высотном уровне находилась дневная поверхность глинобитных домов № 1, 2, 3, 4

¹ Научный отчет Болгарской археологической экспедиции ИИМК, ГИМ и Гос. Музея Татарской АССР. 1948, стр. 12—21.

² Древняя «железоплавильня», открытая раскопками М. Е. Фосс на стоянке «Умиление» VIII в. до н. э. в Костромской обл. на берегу Галицкого озера. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 136; С. М. Поликарпович. Из истории горной промышленности и добывания руды в древнейшее время. «Савецка Краіна», № 5, Минск, 1932.

³ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. 1948, стр. 132.

и подполий или хозяйственных ям разрушенных домов (ямы № 3, 11, 12, 13). Второй горизонт характеризуется большим количеством бытовых сооружений — котлованов и подполий домов, хозяйственных и мусорных ям, разрушивших сооружения нижележащих слоев.

Таким образом, ремесленное металлургическое производство, находившееся на данной территории в конце XIII и в первой половине XIV в., в последующее время существования городища было заброшено и здесь были расположены глинобитные дома, зерновые ямы и прочие хозяйственные сооружения.

Характер слоя, многочисленность сооружений, обилие культурных остатков раскрывают картину интенсивной городской жизни второй половины XIV в. Комплекс культурных остатков — значительное количество поливной керамики и железных вещей, хорошая гончарная посуда, украшения и монеты — свидетельствует о несомненной зажиточности населения глинобитных домов.

Данные стратиграфии позволяют отнести второй горизонт IV слоя к XIV в. Преобладание поливной хорезмийской керамики ограничивает конечную дату существования горизонта концом XIV в. Нумизматический материал верхних горизонтов слоя охватывает период с 50-х по 70-е гг. XIV в. Сопоставление этих данных дает основание датировать второй горизонт IV слоя — дневную поверхность глинобитных домов — второй половиной XIV в.

Горизонт дневной поверхности квартала глинобитных домов перекрыт аморфными напластованиями пожара и разрушения. Деформированные остатки построек — пласты глины и обломки кирпичей — залегают непосредственно на поверхности IV слоя, так и ниже, на глубине 20—40 см от поверхности (60—80 см от 0), перекрытые позднейшими напластованиями IV слоя.

Верхний горизонт IV слоя свидетельствует о разрушении домов и запустении территории в позднее время существования городища. Этот период должен быть отнесен к началу XV в. Полуразрушенные запустелые дома продолжали постепенно разрушаться, и отдельные монолиты упавших глинобитных стен выходили непосредственно к поверхности IV слоя.

Под татаро-булгарским слоем залегал слой домонгольского периода существования города, датирующийся XI—XII вв. (V—VI слой по стратиграфической шкале городища). Малая интенсивность и аморфность слоя, скудность культурных остатков лишают возможности выделить здесь отдельные горизонты.

V—VI слой прослежен фрагментарно; на значительной части территории раскопа он нарушен сооружениями IV слоя. Слой плотный, суглинистый, слабо гумированный; толщина слоя 50—55 см. Большая интенсивность слоя наблюдалась на участках 2 и 5, где выявлены остатки деревянной постройки в виде фрагментов полуистлевших плах. Здесь слой темный, гумированный, достигает толщины 90—97 см. Залегание остатков постройки нарушено ямами IV слоя.

Большой интерес представляют впервые открытые в слое XII в. металлургические горны (№ 2, 3, 4, 5) и ямы для отходов металлургического производства (ямы № 24 и 25), находящиеся в одном горизонте с горнами. Основания горнов находились на глубине 198—205—217 см от 0 в нижнем горизонте V слоя или на материковом суглинке.

В нарушенной яме № 24 обнаружено громадное количество мелких чугунных литков, много шлаков и криц.

Слой чрезвычайно беден культурными остатками. В верхних горизонтах находили немногочисленные фрагменты керамики — коричневой, серо-желтой, недостаточно обожженной; встречались черепки грубой работы; находки красной керамики были единичны.

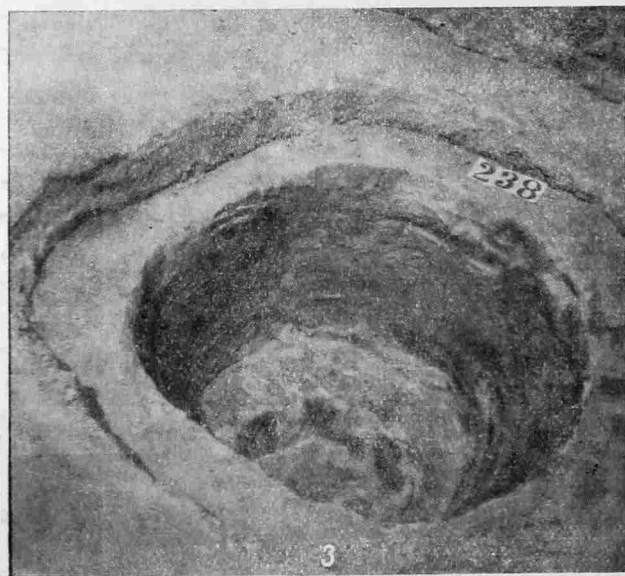
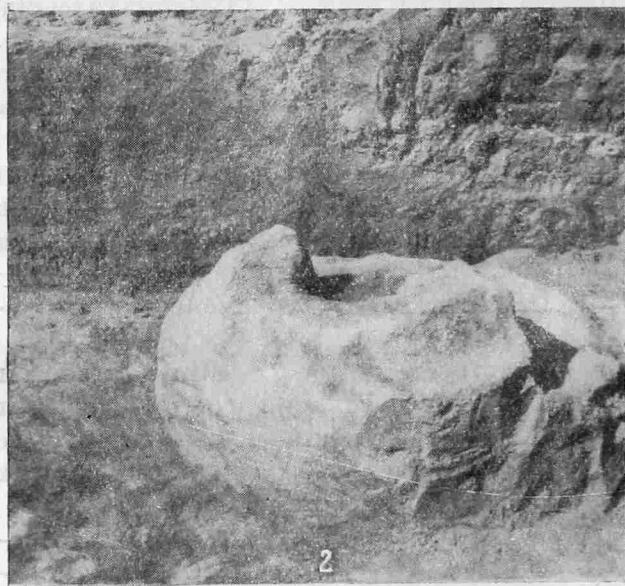
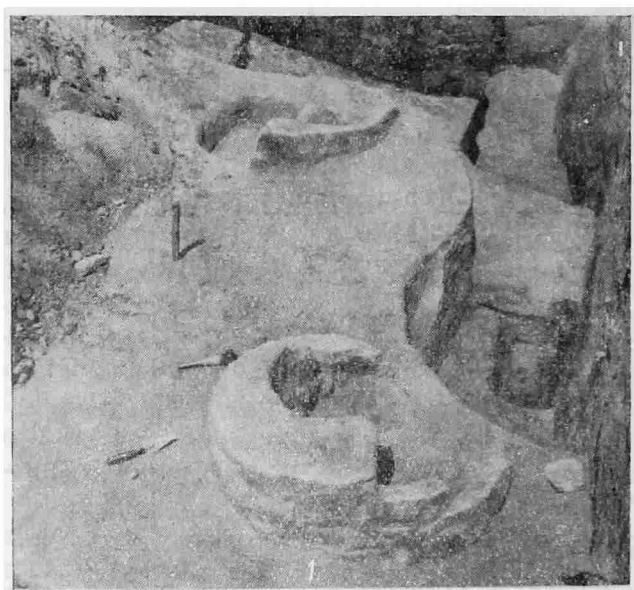

Рис. 55. Хозяйственные сооружения г. Болгара
1 — горны (№ 3 и № 4) XI—XII вв.; 2 — горн (№ 2)
XI в.; 3 — яма № 24

Наличие горнов и ям с отходами металлургического производства наряду с малым количеством культурно-бытовых остатков свидетельствует о малой заселенности района в XI и XII вв. и о существовании здесь ремесленного металлургического производства.

Перехожу к детальному описанию горнов. Было выявлено четыре горна. Три горна — № 2, 3, 4 (рис. 55 — 1 и 2) были расположены компактной группой на расстоянии 1,5—2 м один от другого и один горн (№ 5) находился в некотором отдалении от них, в 12—14 м южнее.

Горн № 2 (участок 34). Горн, перекрытый верхними напластованиями V слоя толщиной до 10—20 см, был выявлен в V слое на глубине 170—160 см от 0 (от поверхности 131—133 см). Горн имеет полусферическую форму, площадь его основания 104×110 см, высота 50 см. В плане горн имеет очертания овала, вытянутого по линии восток — запад. На вершине горна круглое отверстие диаметром 50 см; толщина стенок 8—10 см; сложен горн из сырцово́й глины, прокалившейся во время работы горна. С внутренней стороны стенки прокалены на 4—5 см до красного цвета, с наружной прокаленность слабее. Дно горна, выстланное глиной, сильно прокалено. Стенки горна в северо-восточной части разрушены от верха до основания, образуя проем для выемки криц; размер отверстия в основании 50 см. Поверхность перед отверстием, площадью 50×120 см, покрыта прокаленной красной глиной — основание разрушенных стенок горна.

Непосредственно к отверстию горна примыкала яма

(№ 25), видимо, связанная с эксплуатацией горна. Яма углублена в материковый суглинок, глубина ее 25 см, протяженность около 1,5 м, форма полусферическая. Яма вскрыта частично, значительная ее часть находится за пределами раскопа. Яма заполнена сверху сильно гумированным суглинком с отдельными кусками глины (наслоение до 8 см толщиной), ниже залегал слой золы и мелкого угля толщиной до 7 см.

Горн относится к V—VI слою и может быть датирован XI—XII вв.

Горн № 3 (участки 38, 26, 35). Горн выявлен в V слое. Основание горна находилось на материковом суглинке, на глубине 195 см от 0; полуразрушенные стенки горна перекрыты напластованиями V слоя до 20—40 см толщиной. Горн полусферической формы, в плане имеет очертание овала, вытянутого в направлении север—юг. Протяженность горна в направлении север—юг 150 см, восток—запад 118 см. Стенки сохранились лишь на высоту 25—29 см, северная разрушена до основания, образуя проем для выемки криц. Горн впущен в котлован материкового суглинка на глубину до 10—11 см.

Горн сложен из сырцово́й глины, толщина стенок 10—12 см. Стенки его с внутренней стороны прокалены до красного цвета, с наружной стороны прокаленность слабее. Дно горна сильно прокаленное, жесткое, звонкое при постукивании, темнокрасное, с черным и белым налетом.

Внутренность горна и основания разрушенных стенок завалены золой, мелким углем, кусками обожженной глины; толщина пласта — от 6 до 19 см, выше стенки перекрыты гумированным суглинком V слоя. Непосредственно к разрушенной стенке горна примыкает яма, связанная с эксплуатацией горна. Дневная поверхность ямы соответствует уровню дна горна, глубина ее 20—22 см. Яма заполнена напластованиями мелкого угля, золы, кусочков обожженной глины; толщина пласта до 10 см, сверху этот слой перекрыт гумированным суглинком V слоя.

Конструкция горна № 3 аналогична конструкции горна № 2. Общность стратиграфических условий свидетельствует об их одновременности. Горн № 3 также датируется XI—XII вв.

Горн № 4 (участок 26). Горн уничтожен большой ямой IV слоя (яма № 17). Сохранились лишь остатки основания горна в виде округлого, сильно прокаленного пятна диаметром 76—80 см. С юго-востока к основанию прилежали на протяжении до 1 м наслоения золы, мелкого угля и красной обожженной глины; толщина наслоения 14—16 см.

Стратиграфические условия залегания остатков горна позволяют отнести его к V—VI слоям и датировать XI—XII вв.

Горн № 5 (участки 15 и 23). Горн совершенно разрушен. Здесь позднее, в татаро-булгарский период существования города, был вырыт котлован подполья дома № 2. Выявлено основание горна из красной, хорошо прокаленной глины, площадью 150 × 100 см. Основание на 20 см углублено в котлован, вырытый в материковом суглинке. В средней части основания залегали напластования красной обожженной глины и угля. Среди остатков горна найдена крица. Горн находился в одном горизонте с горнами № 2 и 3 и одновременен им. К горну примыкала яма (яма № 24), заполненная отбросами металлургического производства.

Яма № 24 (рис. 55—3). Дневная поверхность ямы находилась в одном горизонте с горном, в материковом суглинке. Она имела очертания неправильного четырехугольника размером 170 × 160 см. Глубина — 30—35—47 см. Яма была заполнена отходами металлургического производства — чугунами литками, мелким черным шлаком, углем, пластами окалины. Здесь найдено 8500 чугуновых литков и 85 мелких криц, а также два фрагмента китайской керамики, тонкой, до 2 мм толщиной, тесто желтое, покрыто белой поливой с синими полосами и тонким черным орнаментом. Яма, как и горн, нарушена подпольем дома XIV в.

Значительное развитие кузнечного дела в Булгарии X—XIII вв. должно было иметь своей необходимой предпосылкой производство достаточного количества кричного железа. Проф. А. П. Смирнов в своей работе «Очерки по истории древних болгар»¹, на основании данных о развитии кузнечного ремесла в домонгольский период, высказал соображение о необходимом существовании в это время сыродутных горнов. Но до настоящего времени болгарские металлургические горны данного периода еще не были известны. Открытие сыродутных горнов XI—XII вв. дает новый и ценный материал для характеристики болгарского ремесла.

Конструкция горнов — наземные сводчатые закрытые печи — представляет шаг вперед сравнительно с открытыми ямными горнами I тысячелетия. Но в то же время они резко отличаются от высоких горнов XIV в. и имеют черты общности с ранними металлургическими печами I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э. Напомним производственную печь Шарповского городища на р. Тясмин (Верхнее Приднепровье) VI—V вв. до н. э. — сводчатую, овальную в плане (2 × 1,5 м), с узкой горловиной, сложенную из глины².

В местности Уту-Елга в Прибайкалье в землянке обнаружена вмурованная в стену печь, имеющая вид толстостенного горшка с овальным дном и двумя отверстиями для сопел; печь датируется началом I тысячелетия³.

Открытые нами горны представляют раннюю ступень в развитии болгарской металлургии.

Ранние металлургические горны мало изучены, и типы их выявлены недостаточно. Болгарские горны XI—XII вв. имеют значение для характеристики ранних стадий металлургии Восточной Европы. Особого внимания заслуживает находка в яме № 24 среди отходов металлургического производства громадного количества мелких чугунных литков. Яма была выявлена после снятия котлована подполья глинобитного дома конца XIV в. Таким образом, перекрывавшие ее культурные напластования разрушены позднейшими сооружениями. Ее высотные показатели те же, что и у горнов XI—XII вв., с которыми она находится в одном горизонте. Это дает основание полагать, что стратиграфически яма может быть связана с домонгольским (V—VI) слоем.

Отдельные находки чугунных литков неоднократно были обнаружены на уровне горизонта V слоя, нарушенного позднейшими сооружениями. Уровень металлургической техники XII в. исключает возможность производства чугуна. Чугунные литки можно рассматривать как брак в производстве кричного железа.

Раскопки дали новые материалы о ведущей отрасли болгарского ремесла — металлургическом производстве. Открыты два одновременных горизонта металлургического производства — XI—XII вв. и конец XIII — начало XIV в., представляющие последовательные этапы в техническом развитии болгарской металлургии. Изменение типа горнов и возрастание количества остатков и отбросов производства раскрывают прогрессивную динамику развития и ставят вопрос о возникновении чугунного литья в Болгаре в конце XIII — начале XIV в.

Выявлен чрезвычайно интересный, требующий специального исследования, технический прием болгарской металлургии — варка железа в тиглях.

Полученные материалы дают новое освещение Болгара как одного из крупных, технически передовых ремесленных центров Восточной Европы в XI—XIV вв. Открытие в гор. Болгаре металлургических горнов XI—

¹ «Труды ГИМ», вып. XI, 1946, стр. 97.

² И. Фабрициус. Тясминская экспедиция «Археологічні пам'ятки УРСР». т. II, Київ, 1949, стр. 80, 110.

³ С. М. Поликарпович. Из истории горной промышленности и добычи железа в древнейшее время. «Савецка Краіна», № 5, Минск, 1932.

XII вв. дает археологическое подтверждение характеристике домонгольского Болгара как ремесленного и торгового города.

Проведенное исследование дало некоторые новые сведения по исторической топографии города.

Следы городской жизни раннего времени существования города улавливаются на данной территории очень неясно. Город в это время находился восточнее и севернее, где его следы выявлены раскопками 1938, 1947 и 1948 гг. Напомню высказывание арабского писателя X в. Эль-Балхи: «Внешний Болгар есть маленький город, не занимающий большого пространства и известный только тем, что он есть главнейший торговый пункт этого государства»¹. В XI, может быть, в XII в. территория, вскрытая раскопками, была освоена городом. Здесь были расположены металлургические горны, поставлявшие железо растущему кузнечному ремеслу. Топография и сооружения домонгольского Болгара мало доступны изучению ввиду разрушения слоев X—XII вв. интенсивным городским строительством XIV в. Поэтому открытие ремесленного металлургического района XI—XII вв. дает ценный материал для характеристики экономики и топографии города в домонгольский период.

Во второй половине XIII в., с восстановлением города после татарского разгрома 1236 г., здесь вновь по старой традиции расположился ремесленный район. Более совершенная конструкция горна, обилие металлургических отбросов, в том числе чугунных литков, свидетельствуют о технических сдвигах и о большем масштабе развернутого здесь производства.

Далее, во второй половине или в конце XIV в., в топографии города произошло изменение — производство на данной территории было прекращено, горны заброшены и разрушены, и здесь возникла городская улица с глинобитными домами зажиточных горожан. Возможно, это изменение в топографии города следует связать с его разрушением в 1361 г. золотоордынским ханом Булак-Тимуром; при восстановлении города во второй половине XIV в. производственные районы отодвинулись к западу, на окраину, ближе к городским укреплениям, где они были открыты раскопками 1945—1948 гг.²

В конце XIV или в начале XV в. дома погибли в пожарище, может быть, во время одной из военных катастроф, неоднократно постигавших город в период татаро-монгольского ига. Восстановления улицы после пожара не последовало, и в последние десятилетия жизни города здесь располагался пустырь. Возможно, это свидетельствует об известном ослаблении и запустении города в начале XIV в.

¹ Д. Хвольсон. Известия о хозарах, буртасах, булгарах, мадьярах, славянах и руссах Ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 82.

² А. М. Ефимова, Н. Ф. Калинин, А. П. Смирнов. Раскопки городища Великие Болгары в 1945 г. КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 149; О. С. Хованская. Керамические горны в г. Болгаре. Стенограмма доклада на заседании Ученого совета Госмузея Татарской АССР 20 сентября 1949 г.

П. Д. СТЕПАНОВ

ИТОГИ РАСКОПОК ДРЕВНЕМОРДОВСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Летом 1949 г. производились раскопки древнемордовских памятников в районе среднего течения р. Суры. Изучению подверглось городище Ашна Пандо поблизости от с. Гулюшево Сурского р-на Ульяновской обл. и селище на площадке за валом городища Ош Пандо близ с. Сайнино Дубенского р-на Мордовской АССР.

На городище Ашна Пандо было вскрыто до 400 м² площади близ вала и вдоль восточного края. Древнемордовский культурный слой располагался сверху, и толщина его не превышала 0,3 м. Он резко отделялся от нижележащих, более древних культурных слоев. В этом слое как раз и были собраны типичные древнемордовские вещи, керамика и кости домашних животных.

Древнемордовский комплекс содержит вещи, керамику и костный материал, аналогичный найденному на городище Ош Пандо, на селище за валом городища и на селище близ с. Гулюшево. Многие из обнаруженных здесь вещей близки вещам из древнемордовских могильников — Кошибеевского, Борковского и особенно Армеевского.

Среди вещей древнемордовского комплекса городища Ашна Пандо следует указать на серпы с загнутым вверх шипом для крепления рукоятки (рис. 56—1), которых найдено шесть штук, и косы, которых найдено две штуки, в том числе одна целая. Косы также имели загнутые вверх шипы для крепления в рукоятке. находка этих вещей свидетельствует о существовании земледелия у древнемордовских племен. Это второй случай находки серпов на древнемордовском памятнике и первый случай находки кос. Аналогичные серпы были найдены при раскопках городища Ош Пандо в 1948 и 1949 гг.

Были также найдены железные ножи, шилья, удила, маленький молоток из железа, железное ушко от ведра или котла, бруски, льячки, литейная форма, литье (олово), пряслица. Все эти вещи характеризуют хозяйственную деятельность древнемордовских племен и говорят об относительно высоком уровне развития их культуры.

Найдено было также довольно много разнообразных предметов украшения: обломок серпообразной шейной гривны с привесками, браслеты бронзовые из толстой проволоки, сьюльгама из железа, шумящие привески — бутыльчатые, конусовидные, коробчатые, трапециевидные; пряжки железные и бронзовые, бусы. Найдено было несколько косточек, которые служили амулетами, и грубая фигурка человека из глины.

Помимо указанных выше аналогий, предметы украшений близки также вещам из Салтова и некоторых могильников Северного Кавказа.

Керамика, взятая в огромном количестве в древнемордовском слое, со-держала, кроме обычных обломков, множество исковерканных, пережжен-ных обломков. Это обстоятельство позволяет говорить о том, что местом изготовления глиняной посуды было городище. Форма сосудов древней мордвы разнообразна: горшки со вздутыми боками, горшки со слегка взду-тыми боками, с короткой шейкой, с высокими плечиками, всегда с плоским дном. Лепка без гончарного круга, но, возможно, на доске, так как на дни-щах иногда есть впадины от подсыпки под дно песка или золы, с примене-нием техники «налепом». Вся посуда не имеет орнамента. По величине со-суды различны. Аналогичную посуду мы имеем с городища Ош Пандо и с селища у с. Гулюшево, а также с многочисленных других селищ, распо-ложенных в этом районе. Этот тип посуды можно считать древнемордовским.

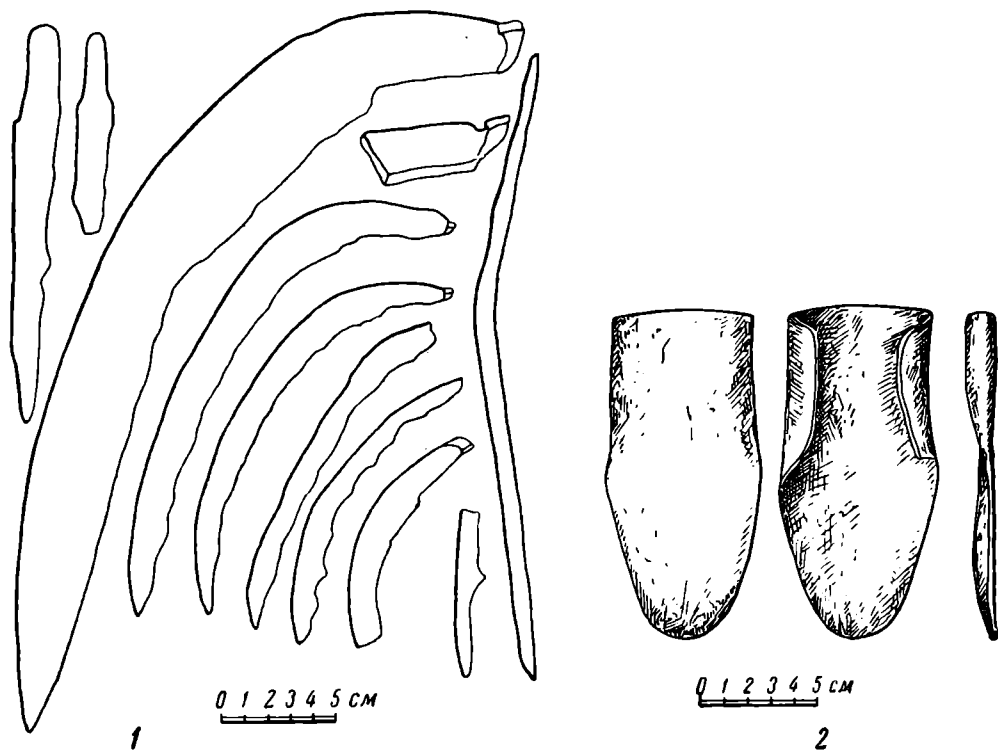

Рис. 56. Древнемордовские орудия

1 — серпы и ножи с городища Ашна, Пандо; 2 — железный сошник из постройки № 1 за валом городища Ош Пандо

Что касается костного материала, то при поверхностном осмотре уда-лось определить часть костей, принадлежавших корове, лошади, свинье, овце или козе. Кроме того, было найдено много костей лося, бобра и мед-ведя. Особенно много было найдено челюстей бобра.

По совокупности всего материала мы считаем возможным датировать древнемордовский слой, в рабочем порядке, тем же временем, как и горо-дище Ош Пандо, т. е. VI—IX вв. н. э. Это городище, безусловно, одно-временно с Ош Пандо и относится к той же культуре.

Раскопки на городище Ош Пандо продолжались в 1949 г. на площадке за валом, где было вскрыто около 500 м² площади. Здесь древнемордов-ский культурный слой содержал значительно меньше посторонних при-месей.

Вещевой комплекс и здесь был такой же, как на площадке самого горо-дища, хотя и встречались отдельные отличающиеся вещи. То же можно сказать о керамике и костном материале. Следовательно, принадлежность этого комплекса ясна без комментариев. Так же ясна и датировка.

Предметы вооружения представлены одним железным трехгранным че-решковым наконечником стрелы и несколькими кольцами от кольчуги.

Орудия труда представлены серпом, сошником (поломан), рыболовным крючком, тиглями, пряслицами, ножами, брусками. Типологически эти вещи ничем не отличаются от вещей с площадки городища (рис. 56—2).

Значительно богаче раздел украшений. Здесь много разнообразных бус, есть янтарная привеска, много конических бронзовых привесок. Была найдена, единственная пока, привеска из бронзы в виде коня, сделанная довольно грубо. Найдены бронзовые скольгамы с зачатками «усов» и две пряжки — бронзовая и железная, тех типов, которые были широко распространены в южном, алано-хазарском мире. Весь этот набор вещей близок тому, что было найдено на площадке городища, а также вещам из древнемордовских могильников — Кошибеевского, Борковского и Армеевского.

При раскопках на площадке за валом было обнаружено несколько сооружений. Во-первых, несколько продуктовых и других ям, из которых одна представляет особый интерес, так как, повидимому, служила для обрядовых целей. Она имела диаметр 1,25 м и глубину 0,7 м. В засыпке этой ямы были найдены: почти полный череп медведя, крупная янтарная привеска, бронзовая фигурка коня, бабка с отверстием, служившая амулетом, и нож. На краю ямы лежала челюсть коровы.

Вскрыты также две большие, но неглубокие ямы, над которыми были когда-то воздвигнуты постройки. Одна из ям имела почти квадратную форму при глубине около 0,9 м и ширине и длине в 8 м. Другая яма, тех же размеров, имела многоугольную форму. Дно ям служило полом в постройках, так как в первом случае на дне обнаружено большое кострище с обожженными костями, золой и углем. Что касается второй постройки — многоугольной ямы, то здесь следов такого кострища не обнаружено. Обе постройки стояли в ряд на близком расстоянии одна от другой. При раскопках не было найдено такого количества древесных остатков, которые позволили бы судить о характере всей постройки в целом. Но можно сказать определенно, что эти постройки ничем не отличаются от построек на площадке городища. Отсутствие же древесных частей объясняется тем, что эти постройки были разобраны, а не погибли от огня или времени.

Как находки на площадке городища, так и находки на площадке за валом позволяют нам говорить о том, что жившие здесь в VI—IX вв. н. э. племена принадлежали к группе мордовских, о чем свидетельствуют аналогии вещевого материала именно с вещами из древнемордовских могильников — Кошибеевского, Борковского и Армеевского. Хозяйство у этих племен было сложное, на что указывают многочисленные находки костей домашних животных — коровы, лошади, свиньи и овцы. О земледелии свидетельствуют сельскохозяйственные орудия — серпы, сошники и разнообразное зерно: ячмень, рожь, полба, горох. Занимались эти племена также охотой, рыболовством и различными ремеслами: выплавляли железо из руды и делали из него орудия и оружие; плавил бронзу и отливали из нее украшения; умели прясть и ткать, а также обрабатывать кожу и дерево, строить деревянные жилища.

По всем данным, перед нами родовая община, о чем свидетельствуют одного типа родовые знаки в виде креста, которые обнаружены на нескольких пряслицах. Эта родовая община находилась в процессе разложения. На древнемордовскую группу оказывала свое влияние та историческая обстановка, в которой ей приходилось жить. Значительную роль в изменении социальных отношений играло то, что древнемордовские племена, проживавшие на исследуемой территории, входили в состав Хазарского каганата. И не только входили, а находились в сфере сильного влияния со стороны хазарского Юга. Об этом упорно говорят находки вещей типа Салтовского могильника и северокавказских могильников той же эпохи. Эти мордовские племена подвергались эксплуатации со стороны Хазарского каганата и платили дань, по примеру других племен. Мордовско-хазарские отношения,

а также быт мордовских племен этого времени очень хорошо описывают арабские историки IX в. При этом описание и картина быта, открытая нами на городищах Ош Пандо и Ашна Пандо, полностью совпадают.

Древнемордовские племена, жившие по средней Суре, несомненно, имели общение также со славянскими племенами Поднепровья и родственными племенами Прикамья, о чем говорят находки некоторых вещей. Способствовали этому и географические условия.

Таким образом, раскопки указанных памятников открывают перед нами совершенно новые страницы истории одного из крупных племенных образований в Поволжье — мордвы. Поэтому было бы целесообразно расширить и углубить начатые исследования.

А. Н. БЕРНШТАМ

ДРЕВНИЙ ТЯНЬ-ШАНЬ

В 1949 г. основное внимание археологической экспедиции ЛОИИМК и КирФАН было посвящено древней истории Тянь-Шаня. Вызвано это было двумя научными соображениями: 1) большой военно-политической ролью древнего населения Тянь-Шаня в истории народов Средней Азии и 2) необходимостью выяснить место древних племен Тянь-Шаня в истории киргизского народа.

Экспедиция 1949 г., опираясь на предварительные разведки 1940 и 1944—1945 гг., поставила перед собой задачу охватить новые районы, ранее не исследованные, и произвести массовые раскопки памятников, оставленных кочевниками, — курганов и могил.

В итоге работы коллектив экспедиции, в который, кроме научных сотрудников ЛОИИМК и КирФАН, входили студенты исторических факультетов Ленинградского университета, Киргизского Гос. пединститута и восточного факультета Ленинградского университета, успел сделать немало. Маршрут экспедиции достиг почти 3 000 км. Обследовано четыре района, ранее не посещавшиеся археологами (Тюп, Джаргелан, Джумгал, Токуз-Тарау); открыто семь новых поселений и раскопано 90 древних могил и курганов. В результате собраны археологические материалы о памятниках, датируемых от VII в. до н. э. до VIII—X вв. н. э. Кроме того, экспедицией обследованы и нанесены на карту десятки других памятников, что позволило значительно продвинуть вперед составление историко-археологической карты Киргизской ССР.

На основании исследований, проведенных главным образом в 1949 г., с учетом результатов работ предшествующих экспедиций, можно сделать некоторые выводы.

Широко по всему Тянь-Шаню выступает культура его древнейших обитателей — племенных союзов саков VII—III вв. до н. э. Прежде мы могли говорить в весьма общих чертах о культуре племен саков. Раскопки 1949 г. сакских курганов дали достаточный материал для выявления местных элементов культуры и связи ее с культурой племен Южной Сибири, в первую очередь Алтая и отчасти Енисея. Подтверждением сказанному служит, например, находка бронзового ножа, украшенного фигуркой медведя, выполненного в стиле классических вещей майэмирского этапа на Алтае VII—VI вв. до н. э. Этот мотив украшения прослежен теперь нами до Восточного Памира включительно. К этим же явлениям относятся погребения с бронзовыми ножами тагарского типа в Аламышике (крупный разновременный могильник у г. Нарын), с листовидным ножом в Джергетале (Алабука), конструкция погребения в сложных (двукамерных) могильных постройках с накатом из бревен тяньшаньской ели под курганной на-

сыпью в с. Соколовка (долина Джаргелана) и некоторые находки в погребениях в Карагуджире, Аламышике III и т. п.

Взаимосвязь кочевых племен Тянь-Шаня с южносибирскими племенами не прерывалась и много позднее, что в значительной степени выявляет пути движения с Енисея предков киргизских племен. Показательно, например, сходство каменных статуй Иссык-Куля с алтайскими и енисейскими, хотя здесь имеется ряд местных вариантов в скульптурной технике и стилистических приемах, особенно заметных, например, на одной статуе из района Курменты, явно воспроизводящей «манерность» буддийских статуй Синьцзяна. Скрещение южносибирских элементов с местными документировано одним из погребений VI—VIII вв. в урочище Карой (к западу от Чолпон-Ата), где были найдены сосуды местного происхождения, подражающие металлическим сосудам с Енисея и Алтая.

В Аламышике V было раскопано погребение VIII—IX вв. с конем, аналогичное енисейским погребениям этого же времени из так называемого четвертого типа уйбатских чаатасов (по Л. А. Евтюховой).

Учитывая сложение местной кочевой культуры из двух компонентов — сакского (местного) и южносибирского, удалось расчленить памятники I тысячелетия до н. э. на ряд хронологических групп.

Древнейшими оказались захоронения со скорченными на боку костяками и с инвентарем из бронзы южносибирского облика (ножи тагарского типа в Аламышике I) и сакские (погребения с вытянутыми костяками), тоже с бронзовым инвентарем (ножи в виде полулиста, бронзовые бусы) и керамикой сако-усуньского типа (Джергетал, Кырчин). Сакские погребения отмечены уплощенными насыпями с двумя концентрическими кромlexами. Иногда внутренний кромlex имеет эллипсовидное очертание. Этот тип погребений мы называем скифо-сакским.

Ко времени V—III вв. до н. э. относятся малые по диаметру курганы с плотно уложенными в насыпи камнями, с каменными ящиками или их дериватами, с бедным инвентарем и преимущественно лепной керамикой. В этих погребениях, наряду с бронзой, сохраняющейся в украшениях, изредка появляется железо. По конструкции насыпи и погребальной камеры они сходны с погребениями на Иртыше, отмечая тем самым опять-таки северо-восточное влияние на Семиречье. Эти памятники именуются нами исседонскими (предусуньскими) памятниками (Аламышик II, Карагуджир и т. п.).

Еще в 1938 г. удалось выявить памятники, документирующие проникновение гуннских племен на Тянь-Шань. Как известно, с гуннами впервые проникли древнекиргизские племена. Долгое время эта группа памятников была ограничена нашими находками в Таласской долине по течению р. Кенкол. Затем последовали открытия в Арпе и Атбаши (1944 и 1945 гг.) и Чон-Алае (1947—1948 гг.).

В 1949 г. нам посчастливилось открыть гуннские погребения и на Тянь-Шане, на перевале Кыз-Арт (перевал из Кочкорской долины в Джумгал). В катакомбах Кыз-Арта собран исключительной важности материал, отмечающий раннее проникновение гуннов в Центральный Тянь-Шань. В погребениях встречены остатки оружия (роговые обкладки сложносоставного лука), обрывки китайского шелка и шерсти, глиняная плоскодонная грубая черная посуда и т. п. Теперь у нас есть все основания утверждать, что Тянь-Шань являлся цитаделью, из которой шло гуннское вторжение в Среднюю Азию. Как известно, именно они, гунны, сыграли не последнюю роль в формировании местного кочевого населения Средней Азии, оказав также огромное влияние на политические судьбы среднеазиатской античности. Если, таким образом, с древних времен образование местной культуры и этногенез протекали на основе скрещения сакских племен с южносибирскими, то с рубежа нашей эры в этногенезе племен Тянь-Шаня огромное

значение получает третий этнический компонент — центральноазиатский, носителем которого были северные гунны.

В гуннских погребениях Тянь-Шаня ныне можно также различить несколько типов. Если кызартские катакомбы принадлежат к «кенкольскому» типу погребений (наиболее раннему), то за ним следует «арпинский» тип погребений. Экспедицией 1949 г. открыты катакомбы — подбой с широким дромосом, отгороженным от камеры поставленными на ребро крупными камнями. Такие погребения типичны для Алая (Кургак, Мааша, Кызылтуу) и могут называться «алайским» типом и датироваться II—IV вв. н. э. К ним примыкает особый тип погребений тюркского времени, свидетельствующий о бытовании еще элементов гуннской этнической культуры в VI—VIII вв. Катакомбы II—IV вв. встречены на Иссык-Куле (Кырчин II) и в Центральном Тянь-Шане (Аламышик IV). Характерно, что наряду с памиро-ферганским и андронидными расовыми типами, отмеченными в более ранних погребениях, здесь у погребенных выявляются монголоидные черты и деформация черепа, так же как у кенкольцев.

Белым пятном в истории восточной части Средней Азии оставалась первая половина I тысячелетия н. э., когда в среднеазиатском междуречье (область между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей), в Хорезме, Фергане и за пределами Средней Азии (включая Северную Индию и Афганистан), господствовало государство кушанов, политическим гегемоном которого, как мы пытались доказать в специальной работе, были выходцы с Тянь-Шаня — племена усуней¹.

Какова была культура местных тяньшанских племен в это время — оставалось неясным. На этот вопрос мы впервые получили ответ благодаря удачным раскопкам курганов по течению р. Джергес, к востоку от Пржевальска. Своеобразная керамика из этих курганных погребений отмечает культурную связь с Ферганой (красное лощение посуды, тип орнамента в виде вертикальных каннелюр и прорезного арочного орнамента). Факты дают основание установить западное, среднеазиатское культурное влияние, которое мы связываем с племенами юечжи. Напомним, что китайские источники отмечали среди племен усуней остатки сэ (саков) и юечжей. Синхронны с Джергесом двукамерные погребения в Соколовке (Иссык-Куль). Эти погребения, близкие к рубежу нашей эры и заходящие в первые века нашей эры, именуются нами усуне-юечжийскими. Такой же тип погребений встречен и в Аламышике III, с богатым инвентарем, главным образом украшениями. Усуне-юечжийские погребения — это погребения местного населения, жившего здесь во время завоевания Тянь-Шаня гуннами.

Особо стоял перед нами вопрос об оседлых поселениях I тысячелетия н. э. Издавна известны рассказы о «подводном городе» у современного курорта Койсара вблизи г. Пржевальска. Кстати, находок со дна Иссык-Куля известно немало. Напомню также следы построек у Чолпон-Ата. Развалины под водой у Койсары некоторыми историками упорно отождествляются с древнеусуньским городом Чигу, отмеченным китайскими источниками. Несомненно, как это следует из китайских источников, Чигу был на южном берегу Иссык-Куля. Китайские источники отмечают, что Чигу имел стены, и поэтому он называется ими «чэн» (буквально «поселение, обнесенное валом»). Однако Койсара — не место древнего Чигу, ставки кочевых усуньских владетелей — гуньмо («гуньмо» — князь). Чигу следует искать, судя по нашим наблюдениям, в районе Покровки, в местности между реками Джеты-Огуз до Джууки. Именно эта территория богата усуньскими кладбищами «княжеского» типа, а сама долина прорезана речками с характерными названиями Кызыл-Су («Красная вода»). Это как нельзя больше соответствует названию усуньской «столицы» Чигу, что в точном переводе

¹ А. Н. Бернштам, СЭ, 3, 1947.

с китайского обозначает «Красная долина». Дальнейшие изыскания в этом районе, где, по сведениям местного населения, имеются следы валов (район совхоза «Орочок» в 6 км к востоку от с. Покровка), весьма перспективны для обнаружения древней «столицы» усуней. Чигу — первое свидетельство наличия оседлого типа поселений на Тянь-Шане. Эти поселения, вероятно, были двух типов: 1) военно-торговые фактории, проникавшие со стороны Чуйской долины (поселения по берегам Иссык-Куля, древняя область Верхний Барсхан), и, как стало особенно ясно в этом году, со стороны Ферганы, особенно в Токуз-Тарау (Чалдывар, Кара Тавалгаты) и в Джумгале (Каирма); 2) города-ставки местных владетелей, часто выстроенные руками опытных зодчих Ферганы и Чуйской долины (типа Кошой-Курган — древний город Атбаш в долине Атбаша, и Ширдакбек — древний город Каджангарбаши на р. Алабуга).

Начало строительства оседлых поселений стносится к VI—VIII вв., когда на Тянь-Шане последовательно складываются государства западнотюркского каганата, тюргешей и карлуков. Особенно усиливается это строительство при карлуках (VIII—X вв.) и при Караханидской династии (XI—XII вв.). Именно к этому времени, скорее всего к VII—VIII вв., относится замечательное здание у впадения р. Манакельды в р. Алабугу. Это здание, которое местное население рассматривает как дворец младшей и любимой жены героя киргизского эпоса Ширдакбека, впервые обследовано нами и было подвергнуто тщательному осмотру и обмерам. Квадратная в плане постройка в виде мощных стен, украшенных выступающими рельефными полуколонками, с круглыми башнями по углам восточной стены (башни, быть может, — позднейшая перестройка), имела в центре хауз (водоем), а по всем четырем секторам — жилые постройки в виде худжр (келий). Часть построек имела айваны (открытая галлерей). Между жилыми помещениями, весьма однотипными, и оборонительной стеной проходил коридор — узкое помещение, перекрытое сводом, где размещались защитники этого здания. Кое-где в стенах сохранились бойницы. По верху стены полуколоннами образовывался своеобразный парапет, в пролетах которого могли также размещаться воины.

Такой тип постройки, соединяющий в себе план «казармы» и крепости с оригинальной и первой для Тянь-Шаня декоративной обработкой стен (гофрировка), до сих пор известной только для центральных и западных районов Средней Азии (Хорезм, Мерв, Согд), представляет исключительный историко-архитектурный интерес. Чалдывар (как называют здесь это здание) еще раз подтверждает тесную связь и нарастающие темпы объединения культуры народов Тянь-Шаня со Средней Азией через Фергану и культурное влияние последней в VII—VIII вв. По характеру строительного материала и плану здания ближайшей ему аналогией является постройка Ак-Тепе около Ташкента, а отчасти и строительные комплексы в тюркских слоях Касана. Это дает полное право датировать наше здание VII—VIII вв. Подчеркиваем, VII век, так как ранее этого времени (659 г.) трудно предполагать проникновение на Тянь-Шань ферганцев, только с этого времени ставших под политический протекторат тюрков.

Если военно-политическая сила оставалась за Тянь-Шанем, то в культурном отношении играли большую роль оседлые районы. Наибольшее значение для Тянь-Шаня имели племена долины Чу, Таласа и Ферганы. Об этом говорят не только письменные источники, но и археологические данные. Наиболее активными проводниками культурных достижений являлись карлуки, самыми отсталыми были племена ягма, жившие к югу от долины Нарына вплоть до Кашгара, и чигили — по западному берегу Иссык-Куля.

Наш коллектив в 1949 г. уделил внимание изучению культуры и особенно расселению племен в VIII—X вв. Наибольшая концентрация тюркских племен, скорее всего чигилей, отмечена в Кок-Булаке (западный берег

Иссык-Куля) и Кочкорской долине (Ара-Куль). Кроме того, аналогичные памятники отмечены по северному берегу Иссык-Куля (Кырчин, Ой-Булак) и в Джумгале (Алтын-Арык).

Памятники кочевников Тянь-Шаня имеют местные варианты, и работами 1949 г. удалось установить некоторые этнографические отличия между различными группами племен Тянь-Шаня как VII—I вв. до н. э.—I—II вв. н. э., так и для VI—X вв. н. э.

Отмечу, что могильники, связанные с надгробными каменными статуями (северо-восточный угол Иссыккульской котловины), ближе к алтайским и, вероятно, принадлежали тюргешам, судя по указаниям арабоязычной и персоязычной литературы об их местожительстве.

В курганах на западе Иссык-Куля (Кок-Булак) отмечаются больше местные элементы, и по времени они должны быть связаны с чигилями, которые, согласно Гардизи, жили в этом районе Иссык-Куля. Исключительно интересными оказались погребения гунно-тюркского времени, с богатыми украшениями, с китайской монетой типа сачжацзянь, в своеобразных могилах с подбоем, в Аламышике V. Тюркские племена, связанные по происхождению с гуннами, именовались племенами чубань, и мы этот тип погребений (Аламышик V) называем чубаньским.

Выше мы отмечали погребения енисейского типа. К ним по времени (VIII—X вв.) должны быть отнесены грунтовые могилы в Алтын-Арыке, с поздней керамикой, датируемой карлукским временем (VIII—X вв.).

Особо следует отметить то, что в памятниках Тянь-Шаня все больше выявляются следы южносибирских влияний, и не только алтайских, но и енисейских. Это создает твердую базу для изучения процесса заселения Тянь-Шаня древнекиргизскими племенами и образования тяньшанской ветви киргизов. Характерно, что нашими работами показано непрерывное существование, до тюркского периода включительно, культуры гуннского типа, памятники которой ближе всего к этнографическим особенностям современного киргизского населения на Тянь-Шане. Большое значение имеет также обнаружение погребения енисейского типа, юноши с конем, что вполне согласуется со вторым этапом переселения древних киргизов на Тянь-Шане.

Вторым важным выводом, кроме установления общей историко-археологической периодизации, являются общие наблюдения над связью населения Тянь-Шаня с населением Южной Сибири и Центральной Азии, с одной стороны, и Средней Азии — с другой. На фоне этих связей особенно четко выступают местные элементы, отмеченные их неуклонным военно-политическим и этническим господством с древних времен, и формирование на их основе, в скрещении с восточными элементами, тяньшанской ветви киргизских племен.

Уже этот краткий очерк наблюдений экспедиции 1949 г. показывает, что коллективу экспедиции удалось достичь немаловажных результатов в этом сезоне работ. Благодаря широко развернувшимся за последние годы археологическим работам по всей Средней Азии и возможности рассматривать археологические материалы Тянь-Шаня в связи со всеми материалами, полученными в результате работ советских археологов в Средней Азии и Южной Сибири, мы приобретаем большое количество новых культурно-исторических фактов, имеющих значение для изучения прошлого не только Киргизии, но и Средней Азии в целом.

М. Е. МАССОН

О СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ ПРЕДЕЛАХ ПАРФЯНСКОГО
ГОСУДАРСТВА

«На восточных его пределах находится город Мулу (Мерв) под названием „Малой Аньси“ (Малой Парфии)».

«История Младшего дома Хань»

Многолетние работы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ), состоящей при Туркменском филиале Академии Наук СССР, дали уже значительное число наблюдений и накопили большой вещевой материал, освещающий различные периоды прошлого многих пунктов южной части Туркменской ССР, от Каспийского моря до побережья Аму-Дарьи. Это позволило выяснить локальное своеобразие ряда археологических комплексов, наметить по ним своего рода археологическое районирование и в сопоставлении с данными письменных источников выделить отдельные культурно-исторические провинции. При этом очень четко выявилось, что область древней Маргианы и районы левобережья среднего течения Аму-Дарьи, с одной стороны, резко отличаются от областей Парфии и лежащего западнее Дахистана своеобразием археологических объектов, а с другой — имеют много общего с комплексами памятников материальной культуры Тохаристана и Согда. Для кушано-парфянского и последующего времени, вплоть до арабского завоевания, это особенно наглядно прослеживается по мелкой терракотовой скульптуре. Последняя очень характерна для коренных земель Мавераннахра — долины Зеравшана, Кашка-Дарьи, а также южных областей Узбекистана и Таджикистана, входивших некогда в состав правобережного Тохаристана, где она повсюду встречается в изобилии¹. Наоборот, на территории Апаварктикены, Парфии и Дахистана терракотовые фигурки указанного периода встречаются редко, почти как исключение. В этом отношении показательны результаты многолетних археологических раскопок на городищах Нисы, при которых за все время только в 1949 г. встречен первый и единственный пока фрагмент миниатюрной терракотовой фигурки — часть мужского торса с полуотбитой правой рукой. Фигурка эта весьма своеобразна: полая внутри, она снаружи была сплошь покрыта позолотой, что отличает ее от всей остальной массы объектов такой же среднеазиатской скульптуры. Вместе с тем, на городищах Старого Мерва, его района и вдоль левого берега Аму-Дарьи от Чарджоу до Басаги предметы мелкой терракотовой

¹ В. Л. Вяткин. Городище Афрасиаб. Ташкент — Самарканд. 1927, стр. 20—27; К. В. Тревер. Terracottas from Afrasiab. М.—Л., 1934; М. Е. Массон. Городища Старого Термеза и их изучение. «Труды УзФАН СССР», сер. I, вып. 2, Ташкент, 1940, стр. 74 и сл.

скульптуры отнюдь не составляют редкости. Специальное исследование этой терракоты констатировало в манере трактовки и в других деталях очень много общего между объектами из Мерва, Керков, Термеза, а также установило, что терракотовая скульптура здесь, как и в Согде, некогда была предметом весьма широкого потребления, связанного с религиозными представлениями народных масс¹. Наличие в разнообразном археологическом инвентаре признаков, позволяющих сближать комплексы памятников материальной культуры древней Маргианы с кругом культур Тохаристана и Согда, выдвинуло, между прочим, на очередь вопрос о пересмотре представлений, касающихся северо-восточных пределов Парфянского государства.

По литературной традиции принято считать, что северо-восточной границей государства Арсакидов служила Аму-Дарья, причем, по предположению В. В. Бартольда, она, вероятно, проходила близ Чарджуу². Основанием к этому послужила одна фраза из «Истории Старшего дома Хань» в передаче Иакинфа Бичурина, что Парфия (Аньси = Ансак — китайская транскрипция термина Арсак в смысле «государства Арсакидов») «лежит по реке Гуй Шуй»³.

Не имея возможности судить, насколько точно передает содержание соответствующего места в китайском тексте перевод Иакинфа, сделанный около ста лет назад, и не отвергая вероятности, что на протяжении почти полутысячелетнего существования Парфянского государства его граница в течение какого-то отрезка времени могла доходить до Аму-Дарьи, нельзя упускать из вида, что эта река вообще очень редко бывала прежде политической границей, разделявшей государственные образования, лежавшие к северу и к югу от нее. Упомянутая фраза, стоящая после слов, что Аньси «считается величайшим государством», и все приводимые далее подробности убеждают в большой зависимости текста «Истории Старшего дома Хань» от «Исторических записок» (Шы-Цзи) Сы-ма-Цзяна. Этот автор, скончавшийся в 99 г. до н. э., при составлении своего труда широко использовал данные отчета посольства своего современника Чжан-Цзяна, сведения которого о странах «Западного края» восходят ко времени не ранее середины 30-х — середины 20-х годов II в. до н. э. Некоторые данные Шы-Цзи могут относиться и к несколько более позднему времени, будучи почерпнуты из других источников, например, из отчетов китайских посольств в Парфию в 121 г. до н. э. и в середине первого десятилетия II в. до н. э.

В тексте Сы-ма-Цзяна о Парфии отнюдь не говорится, что Аньси своими пределами доходила в то время до Аму-Дарьи, а приводится лишь сообщение, что «по реке Гуй Шуй живут торговцы и купцы (странная тавтология.— М. М.), которые и сухим путем и водою развозят свои товары по соседним владениям даже за несколько тысяч ли»⁴. Если перевод точен, то речь может идти об «аньсийских купцах», которые пытались тогда держать в своих руках международную торговлю шелком и безусловно имели на берегах Аму-Дарьи укрепленные караван-сарай, исполнявшие функции своего рода факторий. Последние вовсе не обязательно должны были находиться внутри государственных границ Парфии, равно как и купцы того или иного народа сплошь и рядом проживали за пределами своего государства (например, хотя бы согдийские купцы, жившие в различных местах

¹ Результаты работы ЮТАКЭ в этом направлении за 1946 г. отражены в статье Л. И. Ремпеля. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы. «Труды ЮТАКЭ», т. 1, Ашхабад, 1949, стр. 332—337.

² В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 8.

³ Иакинф. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. III, СПб., 1851, стр. 54.

⁴ Иакинф. Цит. соч., стр. 7. По другим истолкованиям этого текста в нем значится, что Аньси расположена «по направлению к реке», что в ней есть базары и купцы, что последние употребляют повозки и барки для перевозки товаров вообще всюду, а не только в районе Аму-Дарьи.

вплоть до пределов Китая, что отмечается в документах первых веков н. э.).

Если мы обратимся к дошедшим до нас письменным известиям о северо-восточных пределах Парфянского государства, то увидим, что нет никаких данных считать, что первым арсакидским царям в III в. до н. э. были подвластны даже земли Маргианы. Как известно, в середине последнего десятилетия III в. до н. э. при столкновении Антиоха III с греко-бактрийским царем Евтидемом I последний главные силы сосредоточил у западных пределов своих владений в Тапурии¹, а крупный кавалерийский авангардный заслон в количестве до 10 000 всадников выдвинул несколько вперед к берегу р. Арий (Теджен). Используя оплошность неприятеля, удалявшегося на ночь от порученного охране берега Теджена, Антиох, двигавшийся со стороны Гиркании, успел затемно перебросить через пойму этой реки большую часть своей армии, которая вскоре была атакована бактрийской кавалерией. Судя по напряженности разыгравшейся битвы, в ней принял участие не только авангард Евтидема, но, видимо, и часть его главных сил, так как селевкидская армия понесла большие потери в людях, а упорство греко-бактрийских войск вынудило принять участие в сражении самого Антиоха, под которым была убита лошадь и у него самого было выбито несколько зубов. Одолеть неприятеля Антиоху удалось с большим трудом, но поражение греко-бактрийцев было настолько чувствительным, что Евтидем по окончании сражения вынужден был очистить Тапурию и, отступив во главе оставшегося войска в глубь Бактрии, укрыться за стенами города Зариаспа². Из приведенного у Полибия отрывка явствует, что главные силы Евтидема, располагавшиеся в тылу в Тапурии, находились неподалеку от поймы Теджена, восточнее, а вернее, юго-восточнее ее, и что земли этой провинции были или в пределах самой Арии в широком понимании или смежными с ней³.

При заключении мира между Антиохом III и Евтидемом I в 206 г. в смысле территориальном было подтверждено *status quo ante bellum*, и, таким образом, Маргиана продолжала оставаться в составе Греко-Бактрийского царства. Высказывания различных исследователей, будто при Митридатe I (171—138 гг.) парфяне отняли у греко-бактрийцев Маргиану, а затем сами вынуждены были уступить ее вместе с Арией вторгшимся сакам, являются не более как предположительными домыслами⁴. По письменным

¹ Полибий. Всеобщая история, X, 49.

² Полибий. Там же.

³ В. В. Тарн считает, что Евтидем сосредоточил свои войска в области Туса, и в оправдание этого своего домысла безоговорочно приписывает греко-бактрийцам заодно захват у парфян Аставены, Апаварктикены и других областей, о чем в источниках нет никаких данных (W. W. Tarn. *The Greeks in Bactria and India*. Cambridge, 1938, стр. 88, 114, 219, 293). Тапурия или Тапирия (Ταπυρία, Tapuria, позднее Табаристан) была прикаспийской областью, населенной народом тапури, тапуори, tapuri, tapurri или таригаеи, и соответствовала в III в. до н. э. юго-восточной части современного Мазандерана. По Страбону, Тапирия вместе с Рагами некогда принадлежала Мидии, а жили тапиры между дербиками и гирканцами, западнее последних (Страбон. География, XI, 9, 1). В этом сходятся все классические авторы, за исключением Ератосфена, сообщающего, что какие-то тапиры обитают между гирканцами и ариями. Интересно, что автор X в. Макдиси для Туса приводит в арабской транскрипции название Таберан, которое в местном произношении могло звучать как Тапуран (Макдиси, BGA, III, 319). Независимо от того, происходит ли название тапуров от слова «топор» или корнем его является термин «гора», можно допустить, что в древности в разных местах могли проживать одноименные племена и одно из них действительно занимало область Туса. Однако считать, что именно здесь находились главные силы Евтидема, нет оснований, поскольку это топографически находилось бы, как указывалось нами, в противоречии со всем остальным содержанием текста Полибия: располагаясь в Тусе (не говоря уже о Мазандеране), Евтидем был бы намного впереди своего авангарда, стоявшего у Теджена. Возможно даже, что Полибий спутал Тапирию с Туривой.

⁴ Ср. точку зрения С. П. Толстова о северо-восточной границе Парфии. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 241.

источникам известно лишь, что современник Митридата I парфянского, греко-бактрийский государь Евкратид Великий, вел борьбу на своих западных границах с народами Арии (в основном верхней части долины Теджена) и что парфяне отняли у него здесь две греко-бактрийские сатрапии: Туриву и Аспиону¹.

Вскоре затем последовало падение Греко-Бактрийского царства, и парфяне на протяжении 30-х и 20-х годов III в. до н. э. вынуждены были вести трудную борьбу с саками, появившимися у северо-восточных пределов страны, а затем тохарами-юэчжами. Осложнения с саками помешали Фраату II (136—127 гг. до н. э.) окончательно разгромить государство Селевкидов, а его преемник Артабан II (127—124 гг. до н. э.) погиб в результате тяжелого ранения, полученного в сражении с тохарами. Только Митридату II Великому (123—88 г. до н. э.) удалось во втором десятилетии II в. до н. э. смирить саков, образовать из занятой ими страны сатрапию Сакастену (= Сеистан) и около того же времени прочно завоевать Арию и Маргиану, что было ознаменовано выпуском памятных драхм с упоминанием названий этих областей. Нумизматы прошлого столетия, в том числе А. К. Марков, приписывали чекан этих драхм Фраату II, причем считалось, что Арию и Маргиану отвоевал у Гелиокла греко-бактрийского Митридат I². Макнауэсом эти памятные монеты необоснованно приписаны чекану Синатрука (77—70 гг. до н. э.). Имеются и иные точки зрения, приведенные в зарубежной литературе. Чисто нумизматический анализ заставляет относить всю группу монет данной серии к концу II в. до н. э. Это вполне логически увязывается с конкретной исторической ситуацией времени правления Митридата II, с которого начинается этап внешних успехов Парфянского государства, признанного отныне достойным соперником Рима на Востоке. Недаром Сы-ма-Цзян, используя донесения китайских дипломатических агентов конца II в. до н. э., характеризует в это время Парфию-Аньси как страну, имеющую несколько сот больших и малых городов, занимающую пространство в несколько тысяч ли и считающуюся «величайшим государством».

С этих пор Маргиана в течение долгого времени была пограничной областью Парфянского государства. Как на далекой окраине, в ней при Ороде I (56—37 гг. до н. э.) после разгрома в 53 г. до н. э. армии Красса были поселены в качестве колонистов около 10 000 взятых в плен римских солдат. Пан-ку, несомненно имевший в своем распоряжении данные о Парфии, относящиеся к последним годам I в. до н. э. и к первым годам I в. н. э.³, писал, что Аньси на востоке граничит с областью Кандагара (Угэшаньли), а на севере с Каньгюем. Последний был тогда на подъеме своего могущества и представлял мощное государственное образование, от которого зависели следующие пять «малых владетелей»: Ташкента, Кушании (т. е. области среднего течения Зеравшана), Бухары, Кеша и Хорезма

¹ Страбон. География, XI, 11.

² См. А. К. Марков. Незданные арсакидские монеты. ЗВОРАО, т. VI, СПб., 1892, стр. 279 и сл.

³ Несомненным доказательством этого является отмечаемое в «Истории Старшего дома Хань» употребление в Парфии серебряных монет, на лицевой стороне которых помещено изображение лица государя, а на обратной — его супруги (Иакинф. Цит. соч., стр. 53). Как известно, такой факт в арсакидском чекане имел место только во правление Фраата V (2 г. до н. э.—4 г. н. э.), женившегося в угоду духовенству на своей матери Музе, итальянской чевольнице, присланной императором Августом в подарок его отцу. Это было запечатлено выпуском монет с изображением на реверсах повернутого вправо бюста государыни в высокой трехъярусной короне с диадемой и легендой: Σ ΘΕΑΣ ΟΥΡΑΝΙΑΣ ΜΟΥΣΗΣ ΒΑΣΙΛΙΑ (ισσης) — «божественная Урания Муза, царица». (Ж. де Морган. Manuel de numismatique orientale de l'antiquité et du moyen âge. Paris, 1923—1936, стр. 160. Интересно также, что Пан-ку отмечает наличие в Парфии «около ста больших и малых городов», тогда как, по Сы-ма-Цзяну, Аньси имела «несколько сот больших и малых городов».

(может быть, части последнего). Более южные среднеазиатские области входили в состав владения «Большой юэчжи», лежавшего, по Пан-ку, также на восток от Аньси. Из относящегося ко времени около начала н. э. описания Исидором Харакским маршрута по торговому пути в пределах северных и северо-восточных областей Парфии явствует, что Маргиана и Арахозия (= область Кандагара) находились в ту пору на окраине этого государства¹. Такое же положение отмечается в «Истории Младшего дома Хань» (25—265 гг. н. э.), где в описании Парфянского государства приводится, что «на восточных его пределах находится город Мулу (Мерв) под названием Малой Аньси» (Малой Парфии)².

Согласно китайской исторической традиции, «исконными» парфянскими владениями на восточных пределах считали области Мулу (или Му) и Унагэ. В «Истории Северных дворов» обе они именуется «древними Аньсийскими землями», причем европейскими исследователями делались попытки их главные города (резиденции правителей) помещать непосредственно на левом берегу Аму-Дарьи, в частности отождествляя Му с Амудем-Чарджоу (старо-китайское Омо или Омей)³. Между тем для этого нет никаких оснований. Про оба упомянутые владения в указанной исторической хронике говорится лишь, что они лежат «на западной стороне р. Уху», т. е. по другую сторону от Аму-Дарьи, считая от Китая⁴. Приводимые взаимные дистанции от различных мест исключают прибрежное расположение их «столиц». Так, главный город владения Му указывается лежащим на расстоянии 500 ли (около 250 км) к юго-западу от владения Бухары, что соответствует местоположению Мерва. С последним согласуется и указание размеров его укреплений, независимо от того или иного истолкования этого места текста⁵. Области Унагэ, лежавшей к юго-востоку от Му и считавшейся в два раза ближе к последней, чем к Бухарскому владению, по нашему мнению, соответствует средневековый Гузган, или Гузганан, включавший земли Шапургана, Андхоя, Давлетабада, Сарыпуля и Меймене. В X в. местный владетель жил в Гурзиване, но старой столицей области считался тогда Шапурган (может быть, тождественный бактрийскому городу Суругана), причем известно было, что прежние владетели ее некогда носили титул «гузган-худат»⁶.

Особенного внимания заслуживает показание «Истории Северных дворов» (IV—VI вв.), что наследственные правители Му и Унагэ производили себя «из рода канского владетеля» (т. е. от кушан) и титуловались «чжаову» (может быть, чжабгу), как и многие другие современные им владетели Мавераннахра. Столкновения парфян с юэчжами, как отмечалось выше, начались вскоре после падения Греко-Бактрийского царства и покорения последними Тохаристана. Несмотря на то, что «Большой юэчжи» распался на пять отдельных владений, все же, по данным Пан-ку, он имел в I в. до н. э. в зависимости от себя ряд южных областей, в частности Гаофу, т. е. область Кабулистана. «История Младшего дома Хань» оспаривает

¹ Исидор Харакский. Парфянские стоянки, 14 и 19. После упоминания столицы Арахозии прямо сказано: «Здесь граница владений парфян».

² Иакинф. Указ. соч., стр. 114.

³ Например, на составленной археологом А. А. Марушенко исторической карте Туркмении III—IV вв. (в экспозиции Ашхабадского краеведческого музея) Унагэ показано между Чарджоу и Керками, в два раза ближе к первому, чем ко второму.

⁴ Иакинф. Указ. соч., стр. 188.

⁵ У Иакинфа приведено, что резиденция владетеля Му имеет 3 ли в окружности, т. е. окло 1,5 км, что соответствует размерам Эрке-Кала древнего Мерва. Другие авторы считают, что текст этот надо понимать в смысле 3 ли в стороне квадрата, что совпадает с прямоугольной площадью городища Старого Мерва — Гяур-Кала, внутри которого у северного фаса возвышается Эрке-Кала. Отождествление Гяур-Калы с Антиохией Маргианской надо признать прочно установленным.

⁶ В. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903, стр. 23—24.

справедливость этого наказания, утверждая, что Кабулистан хотя и являлся «большим государством», но находился до сложения крупного государственного образования «великих кушан» попеременно под властью Индии, Кашмира или Парфии, которые якобы овладевали им в момент своего политического усиления и теряли его в пору ослабления своего могущества. В конце раздела о Кабулистане в «Истории Младшего дома Хань» содержится весьма решительный полемический выпад против Пан-ку:

«История Старшего дома Хань» уверяет, что Гаофу находилось под зависимостью пяти юечжисских князей. Это несправедливо. Оно было под зависимостью Аньси, а Юечжи приобрел Гаофу с покорением Аньси»¹.

Согласно показанию этого же источника, инициатором столкновения Парфии и Кушанского государства явился Кадфиз I (Кио-Цзю-кю), время правления которого, как нам удалось доказать раньше, приходится на самый конец I в. до н. э. и в основном на несколько десятилетий I в. н. э.². Именно он «начал воевать с Аньси, покорил Гаофу, уничтожил Пуду и Гибинь и овладел землями их»³.

Как показано выше, около начала нашей эры восточная граница Парфии, по данным Исидора Харакского, проходила по восточным пределам области Кандагара. Общая ситуация в начале I в. н. э. не могла способствовать заметному продвижению парфян на восток. Положение несколько изменилось к середине этого столетия. В процессе борьбы за престол между Готарзом и Варданом I (41—45 гг. н. э.), когда первый из них, опиравшийся в основном на даев и гирканцев, вынужден был удалиться в Гирканию, второй нанес ему и там новое поражение. Именно в связи с этим, по словам Тацита, Вардан I снял осаду с Селевкии и перенес лагерь «на поля Бактрианы». Развивая свой успех, он «дал еще много удачных битв и покорил все народы до реки Синда на границе дагов и ариев». Тут кончились его удачи, якобы потому, что парфяне не любили служить в такой дали. В результате, несмотря на победы, Вардан вынужден был прекратить дальнейшие завоевания и возвратиться в Парфию. Перед этим он отдал распоряжение о сооружении на месте памятных монументов в ознаменование того, что до него ни один из арсакидских царей «не налагал дани на эти народы»⁴. Едва ли, однако, в это время Кабулистан даже на время мог сделаться достоянием Парфии, поскольку это была пора необычайной военной экспансии кушан на грани правления Кадфиза I и Кадфиза II. Вскоре Парфянское государство, вслед за признанием в 61 г. автономии Гиркании, распалось на несколько самостоятельных и полусамостоятельных владений. Отныне политика «поддержания добрососедских отношений» с кушанами из-за боязни Рима исключает для Парфии возможность расширения северо-восточных границ за счет владений государства кушан, переживающего с конца I в. н. э. новый этап большого политического и экономического подъема при Канишке и его первых преемниках.

Таким образом, спорные противоречия между сведениями «Историй» Старшего и Младшего дома Хань вынуждают признать более правильными данные Пан-ку. Утверждение второго, более позднего источника, будто кушаны приобрели Кабулистан при Кадфизе I после покорения Аньси, также страдает неточностью. Известно, что Аньси, т. е. Парфия в целом, ни при Кадфизе I, ни при каком другом кушанском государе покорена не

¹ И а к и н ф. Цит. соч., стр. 119.

² М. Е. М а с с о н. К вопросу о происхождении безыменного «царя царей, великого спасителя». «Бюллетень Среднеазиатского гос. унив.», вып. 23, Ташкент, 1945, стр. 189. Полностью текст опубликован в сборнике работ кафедры археологии Средней Азии при историческом факультете САГУ. «Труды САГУ», новая серия, вып. 11, Ташкент, 1950.

³ И а к и н ф. Цит. соч., стр. 118.

⁴ Т а ц и т., XI, 8—10.

была. Здесь можно было бы допустить, что в «Истории Младшего дома Хань» речь идет о «Малой Аньси», т. е. Маргиане, положение которой в смысле политической подчиненности остается, по письменным источникам, неясным. По Птоломею (первая половина II в. н. э.), Бактрия, составлявшая тогда ядро государства кушан, на западе граничила с Маргианой, что согласуется с китайскими сведениями о Мулу, но может быть понято в чисто географическом смысле. Если соответствуют действительности сведения китайской хроники, якобы правители Мерва и Гузгана при эфталитах и западных тюрках производили свой род от кушан, титулуясь как «джабгу», то данное показание как будто делает вероятным захват кушанами этих областей в пору расцвета их могущества. Мерв входил в состав Сасанидского государства, но в нем могли оставаться некоторое время у власти местные правители.

Разложение Парфянского государства протекало длительнее, чем этот же процесс развивался в государстве «великих кушан», а закат обоих этих рабовладельческих государственных образований последовал примерно в одно время. Во всяком случае, в конце II — начале III в. изменение северо-восточных границ Парфии в смысле возможного приращения земель за счет кушанских владений исключено.

Как бы то ни было, но развитие в Маргиане на местной основе своего облика культуры, отличного от такового же Парфии и имеющего, по археологическим данным, много общего с дошедшими до нас памятниками материальной культуры далекого прошлого правобережного и левобережного Тохаристана, зависело от многих причин. Оно определялось не просто положением Маргианы между собственно Парфией и приамударьинскими областями Бактрии-Тохаристана, но рядом факторов этнического, социального и политического порядка, в том числе и возможным вхождением Мургабского оазиса в течение какого-то отрезка времени в первых веках н. э. в состав государства «великих кушан».

Дальнейшему уточнению в разрешении вопроса о северо-восточных границах Парфянского государства будут способствовать новые успехи советской археологии в изучении южных областей Туркменской ССР. В частности, очень важно накопить возможно больше наблюдений над местными нумизматическими находками вообще, а особенно над медными монетами парфянского, кушанского и отчасти раннесасанидского (в том числе кушано-сасанидского) чеканов, учитывая их распространение путем выявления нумизматических провинций для разных категорий монетных кружков. До сих пор среди немалого числа собранных ЮТАКЭ на городищах Старого Мерва монетных кружков не зарегистрировано ни одного кушанского.

II. МЕТОДИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК

Н. Н. ВОРОНИН

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ РАСКОПОК ДРЕВНЕРУССКОГО ГОРОДА

Древнерусский город — едва ли не наиболее сложный археологический объект как в отношении сложности изучения его исторической стратиграфии, так и в смысле трудоемкости и стоимости его раскопок.

Культурный слой здесь достигает огромной мощности; в то же время для решения даже частных вопросов истории города требуется раскрытие крупных площадей или совокупность ряда умело расположенных отдельных раскопов.

Ведущиеся уже второе десятилетие археологические исследования древнерусских городов и полученный опыт позволяют поставить некоторые принципиальные и методические вопросы, связанные с раскопкой практикой, и попытаться установить некоторые общие и частные ее законы и правила. При этом надо сразу же оговориться, что раскопочный процесс бесконечно многообразен и охватить все мыслимые случаи конкретных раскопочных ситуаций невозможно. В археологии, как в хирургии, должны существовать общие и частные положения, практическое применение и развитие которых зависит от опыта, искусства и наблюдательности исследователя, от его «тактического» мастерства при встрече с разнообразными неожиданностями в процессе раскопок. Поэтому, касаясь ниже вопроса о шурфах, траншеях, перемычках и т. п., мы сознательно не указываем их размеров, так как они полностью определяются конкретными особенностями памятника, условиями научного задания, возможностями экспедиции и пр.

Задачей раскопок русского города, как и любых других археологических исследований, является получение новых документальных данных для изучения во всей возможной полноте исторического процесса, а в данном случае — истории и культуры города. Средством решения этой задачи и служит изучение культурного слоя города путем раскопок. Понятие «культурный слой» в наиболее общей форме определяется как исторически сложившаяся совокупность отложений жизни поселения. Поэтому методика его вскрытия должна обеспечить максимально точную фиксацию всех особенностей и исторической последовательности этих отложений. Это обеспечивается путем наблюдения: а) над самой стратиграфией, т. е. структурой и взаимоотношением напластований, и б) над комплексом находок в них. На базе этих наблюдений, сопоставленных с данными письменных и иных источников, и строятся исторические выводы исследования.

В свете этих общих положений необходимо рассмотреть этапы исследования города и некоторые методические принципы и приемы.

При археологическом изучении русского города перед разведкой, как правило, не стоит задача поисков самого объекта. Лишь в редких случаях (например, древнее Белоозеро) местонахождение объекта спорно. В огромном большинстве случаев древний город живет и теперь, или, если он прекратил жизнь давно, его морфологические признаки — валы, рвы и т. п. — столь выразительны, что не оставляют сомнения в его местонахождении.

Таким образом, задача разведки при изучении древнерусского города заключается лишь в поисках и предварительном изучении культурного слоя города, предшествующем постановке стационарных раскопок на большой площади: разведка должна выявить участки с наиболее мощным и не поврежденным позднейшими строительствами, а следовательно, научно наиболее продуктивным слоем.

В этой связи обязательно предварительное возможно полное изучение всех письменных и графических источников по данному памятнику, сбор местных сведений о бывших недавно строительных и земляных работах, наконец, обследование самого памятника и сбор подъемного материала на поверхности и в обнажениях. При изучении письменных источников особенно важен учет всех данных о пожарах и строительствах, которые, будучи точно датированы источником и отражаясь, как правило, в структуре слоя, дают точную хронологию его зон.

Значение разведки слоя города особенно существенно еще и потому, что большие раскопки города — самый дорогой и длительный из видов археологического исследования, требующий больших и систематических капиталовложений. Поэтому необходимо заранее гарантировать соответственно высокую научную эффективность этих дорогостоящих работ, т. е. правильно и точно выбрать их площадку.

Применительно к масштабам и особенностям объекта необходимо прежде всего ясно дать отчет в возможности и правомерности широкого применения не только системы разведочных шурфов, но и траншей. У нас за последнее время стало «ходячей истиной» и «прописной археологической моралью» огульное осуждение практики шурфов и траншей и такое же огульное признание единственно правильным приемом раскопки большой площадью. Этот взгляд, как мне кажется, сложился на практике раскопок памятников первобытно-общинной эпохи, и едва ли можно механически переносить его на памятники иного типа и масштаба — феодальные города. Бесспорно, однако, что раскопки путем траншей должны быть раз и навсегда категорически осуждены, но разведка путем траншей должна быть признана правомерной наряду с шурфовкой. «Вред» подобной разведки для памятника типа города весьма относителен. Если для небольших памятников первобытно-общинной поры с тонким и часто весьма непрочным слоем траншея или шурф грозят началом размыва и разрушения памятника, то в городе, при его огромной площади, мощности и компактности слоя, ни шурф, ни траншея ничем не угрожают, тем более, что текущие строительные и коммунальные работы постоянно врезают город, к сожалению, не вызывая обычно заботы об археологическом надзоре. Археологическая же разведка города есть научно необходимый прием.

Говорим особенно о траншеях, так как они наиболее «одиозны», но и более эффективны, по сравнению с системой шурфов, для целей разведки городской (городищенской) территории. Шурфовка дает систему «уколов» типа геологических буровых проб и, как правило, случайна; траншея же дает систематический целостный профиль поселения и выявляет наиболее выигрышные в научном отношении участки, которые должны быть охвачены широким раскопом.

Оговоримся, что в городах с мощным слоем траншея теряет свою практическую целесообразность, и здесь разведка должна осуществляться путем пробных раскопов достаточной (для прохождения всей толщи слоя) площади.

Далее считаем, что применительно к городу можно говорить о правомерности определенной более узкой исследовательской задачи, исходя из которой, исследователь в отдельных случаях вправе, изучая, например, древнейшие судьбы города, не развешивать большой площадью раскопа там, где выявлены комплексы позднейшего времени.

Здесь же отметим, что в определенных условиях правомерно ограничение исследования того или иного города разведкой или небольшой раскопкой. Такое изучение, не позволяя ставить широких обобщений по данному объекту, все же, как правило, дает предварительный ответ на ряд важнейших вопросов, позволяя судить о времени возникновения города, его связи с предшествующим дофеодалным поселением или «основании» заново «на чистом месте», об интенсивности его жизни на разных исторических этапах и т. п. Так, например, небольшие «разведочного» масштаба раскопки в Ярославле, Муроме, Вологде дали весьма интересный и точный материал по древнейшей истории этих городов. Было бы исключительно ценно, если бы все древнерусские города были пройдены такой разведкой и имели бы свою археологическую «пробу». Особенно это относится к периферийным городам Руси, не нашедшим достаточного освещения в письменных источниках, каковы, например, Галич-Мерский, Углич, Кострома и многие другие. Подобная широко поставленная разведка городов в своем итоге могла бы дать материал и для общеисторических выводов.

Возвращаясь к теме о разведке города, подчеркнем, что к процессу разведки относятся полностью те же требования раскопной и фиксационной методики, которые предъявляются и к раскопке. Можно лишь отметить, что в отношении шурфов с незначительным или поздним слоем необязательна графическая фиксация, которая вполне заменяется описанием в дневнике. Траншея или система предварительных шурфов дает в руки исследователя профиль слоя до раскопки площадью. Это позволяет, при условии четкости границ слагающих слой отложений и зон, повести последующую работу по слоям и дает возможность относительного предвидения. Однако слой, отчетливо видный в данном профиле, может вскоре потерять свою четкость и крайне затруднить начатый послойно раскоп. К тому же при значительной мощности частей слоя необходимо их более детальное расчленение. Поэтому наиболее удобным и универсальным приемом является вскрытие слоя строго горизонтальными пластами толщиной в 20 см («штык» старой методики).

При этом приеме каждый пласт фиксируется на плане с нанесением на него под порядковым номером индивидуальных находок и указанием в перечне глубины их залегания. Дополнительные записи в дневнике об особенностях структуры слоев и их изменений позволяют в любой момент камеральной обработки материала восстановить с полной точностью положение вещей в той или иной зоне слоя. При встрече на всей площади раскопа или в ее части с какой-либо ярко выраженной прослойкой (щебень строительства или разрушения здания, слой пожара, нивелировочные подсыпки и пр.) условный пласт расчленяется на реальные слои, что отмечается в дневнике и на чертеже тщательной нивелировкой и описанием. Эта гибкость приема попластового раскопа позволяет восстановить не только комплекс культурных остатков в живом слое в целом, но и проследить развитие внутри его.

В условиях спокойного горизонтального напластования слоя методика его раскрытия горизонтальными пластами с точной фиксацией находок по вертикали и горизонтали в основном отвечает ходу исторического сложения слоя и не требует коррективов. Однако весьма часто оказывается, что ма-

териковая основа слоя изрыта ямами естественного или искусственного происхождения. Тогда отложение слоя идет не по горизонтали, а по весьма прихотливой кривой, и отложения одного времени будут лежать в разных пластах раскопного процесса, выравниваясь лишь после того, как ямы окажутся зашлывшими слоем. При этом криволинейность материковой основы слоя выясняется лишь в конце его вскрытия. В этих случаях установление синхронного вещевого комплекса осложняется, но не безнадежно. Точная фиксация положения находок позволяет при изучении располагать их уже не по горизонтальным пластам, но по пластам вогнутым, сообразно основе материка, объединяя предметы, лежащие в разных по отметкам пластах раскопа, и восстанавливая таким образом реальное содержание синхронной зоны слоя. Конечно, этот прием точен относительно, но его следует применять.

Как правило, слой города осложнен и нарушен различного рода позднейшими перекопами, ямами, при которых на края перекопа попадает выброс более ранних слоев, а в самую яму могут попасть в процессе засыпки отложения позднейшего времени. Обычно подобный перекоп отражается в отличимой глазом структуре и цветности слоя, иногда же он обнаруживается лишь при изучении в поле материала по его асинхронности на данном участке. Эти перекопанные участки необходимо тщательно изолировать, чтобы изучить отдельно и не исказить исторической картины нарастания слоя и изменения содержащихся в нем материальных остатков.

До сих пор речь шла о культурном слое «в чистом виде», т. е. об его основной массе, о к р у ж а ю щ е й наиболее интересные для археолога остатки деревянных, кирпичных или каменных сооружений жилого, бытового, производственного, культового и тому подобного характера. Методика раскрытия каждого такого объекта заслуживает специального освещения. Здесь же мы коснемся лишь нескольких общих вопросов раскопного процесса, связанных с этими объектами.

Задачей раскрытия такого объекта является не только фиксация его реального состояния (как правило, состояния разрушения), но и получение всех возможных данных для его реконструкции, определения техники и назначения объекта, точной датировки его возникновения, обстоятельств и времени его разрушения. Поэтому здесь ход попластового раскрытия слоя значительно осложняется: слой должен быть удален так, чтобы сохранить до полного изучения или зафиксировать в ходе разборки всю картину разрушенных и целых частей объекта. Процесс в этом смысле может быть сопоставлен с расчисткой погребений, с той, однако, разницей, что костяк находится в яме с о д н о в р е м е н н о й засыпью, сооружение же погребено в слое, исторически н а р а с т а в ш е м в течение того или иного отрезка времени, и расчистка объекта должна прочно увязать его остатки с окружающим слоем. В этих условиях к общим попластовым планам прибавляются детальные разрезы и крупномасштабные планы с возможно большим числом нивелировочных замеров и засечек. Наиболее сложны в смысле археологического изучения остатки деревянных строений, которые очень плохо сохраняются. Особенно важно выделить и точно фиксировать вещевой материал внутри постройки и вне ее. В тех «счастливых» для археолога случаях, когда жилое или хозяйственно-производственное сооружение погибло в результате единовременного разрушения или пожара, эта точная фиксация находок может дать весьма живую картину обстановки помещения или производственного сооружения и его использования (например, Березниковское городище).

Каменные монументальные постройки — храмы, крепостные стены, дворцы и др. — в процессе своего раскрытия дают наиболее четкую картину, так как их остатки и развалины почти не подвержены естественным процессам разрушения и предстают перед исследователем в весьма отчетливом

первоначальном виде. Исследование такого рода памятников может быть как монографическим, т. е. когда памятник раскрывается самостоятельно, вне зависимости от общегородской раскопки, причем раскоп захватывает лишь небольшую зону окружающего здание слоя, так и являться одним из объектов раскопок широкой площадью. Однако и в том, и в другом случае обязательно точнейшее изучение состава и характера примыкания к стенам здания культурного слоя, которое дает основания для весьма детального выяснения истории постройки и последующей жизни сооружения, а также позволяет установить точные границы отдельных зон внутри самого культурного слоя. В типичном случае здесь будет прежде всего прослежен слой выброса из рва фундамента здания, который ляжет либо на более ранний слой поселения, либо на естественный предматериковый слой (в случае если постройка возводится на необжитом, «чистом» месте). Далее вскрыется слой самого строительства, иногда расчлененный прослойками гумуса на несколько зон, что будет свидетельствовать о нескольких строительных сезонах или перерывах строительства. Далее над строительным слоем обычно идет больший или меньший слой, отложившийся после постройки, который будет расчленен в свою очередь прослойками ремонтов, перестроек и, наконец, разрушения здания. Так как эти веи в жизни крупных построек часто точно датированы летописью и иными письменными источниками, то шкала строительных отложений дает тем самым точную хронологическую шкалу слоя. И обратно, если памятник не известен по письменным источникам, выявленная стратиграфическая шкала может быть датирована относительно вещевых находок в слое и стать основой для воссоздания истории памятника. Точно так же должна быть изучена и стратиграфия внутреннего заполнения руин. Как снаружи, так и внутри здания все его фрагменты тщательно фиксируются в целях их использования для реконструкции.

Во всех случаях раскопки культурного слоя города важнейшим исследовательским документом является его профиль, так как именно он фиксирует порядок и характер напластований, а следовательно, отражает ту реальную среду, в которой лежали изученные комплексы и отдельные находки.

В условиях большого по площади раскопа появляется необходимость иметь, кроме профилей по его границам, внутренние контрольные профили. Они получают путем оставления перемычек, делящих площадь на несколько крупных участков; по окончании раскопа и фиксации, перемычки разбираются сообразно слагающим их слоям. Оставлять большое число перемычек нецелесообразно, так как они неизбежно расширяются книзу, очень сокращают площадь и дробят раскоп. Разновидностью этой системы является оставление не сплошных перемычек слоя, но отдельных его кусков. останцев — это система так называемых «попов». Обе эти системы могут быть заменены более удобным и целесообразным приемом — оставления перемычек с постепенной фиксацией профиля в чертеже и разборкой перемычек по ходу раскопа, с тем, чтобы площадь раскопа оставалась все время сплошной. Так, например, углубив раскоп на два пласта, т. е. на 40 см, в чертеж заносят со строгой нивелировкой профиль перемычки до этой глубины, после чего она снимается; та же операция производится на глубину 80 см, 1,20 м и т. д.; таким образом сохраняется контрольный профиль, а дробящая и сокращающая раскоп система перемычек или «попов» избегается.

Следует сказать о системе графической фиксации культурного слоя, в особенности его разрезов и профилей. Нужно признать, что такой единой системы у нас нет. Каждый исследователь пользуется, как правило, своими графическими обозначениями — разнообразными штриховками и значками, причем эти обозначения даже у одного автора не всегда однообразны.

Структура напластований дается обычно разграничительными линиями, штриховки же и знаки служат лишь для более удобного зрительного восприятия чертежа, отнюдь не связываясь со структурным качеством данной зоны слоя. Поэтому чертежи сопровождаются большими многословными легендами и экспликациями, раскрывающими каждый раз особую, индивидуальную систему обозначений.

Мы выработали более или менее общий язык идеограмм для археологических карт. Представляется еще более необходимым выработать общий язык и для фиксации раскопочного процесса, как-то унифицировать наши условные обозначения и принять один стандартный набор этих обозначений с тем, чтобы любой чертеж, любого исследователя, любого города мог быть прочитан каждым так же, как читается топографическая карта. В особенности это касается профиля слоя. Здесь система обозначений должна быть менее всего условной, но по возможности реально изобразительной, т. е. быть системой знаков, комбинация которых передавала бы все структурные и качественные особенности слоя. Предлагаем в порядке обсуждения систему обозначений, сложившуюся в нашей небольшой раскопочной практике (рис. 57 и 58). Она также сочетает штриховку и серию значков.

Основную массу культурного слоя чаще всего составляют внешне аморфные, часто отличающиеся лишь по цвету, гумированные культурные отложения. Эти зоны слоя обозначаются вертикальной штриховкой, ее частота и толщина линии передадут более интенсивную или слабую окраску; при очевидной смене одной зоны такого слоя другой зоной такого же слоя, но не отграниченной инородными прослойками, штриховка сдвигается по горизонтали, передавая достаточно зримо смену слоя. Перекопы, ямы даются той же вертикальной, но пунктирной, разорванной штриховкой, что очень выразительно и в смысловом и в зрительном плане. Этими двумя сюжетами ограничивается применение штриховки.

Однако описанный, ровный по структуре слой может содержать и, как правило, содержит либо местами, либо на всем протяжении ясно выраженные включения строительных остатков, дерева, щебня, извести, щепы, песка, глины, прослойки золы, угля, навоза и т. п. Для обозначения этих включений служит серия значков. В случае частичных включений этих компонентов в слой значки располагаются непосредственно внутри штриховки слоя, давая его весьма реальную картину; в случае залегания перечисленных остатков ясно очерченными линзами и прослойками они оконтуриваются и заполняются соответствующими значками или их комбинациями. Точно так же изображаются целостные слои строительных остатков, нивелировочных прослоек и т. п.

Преимущество этой системы перед системой с преобладанием штриховки в том, что она сразу, без словесных комментариев, дает не только последовательность слоев, но и сильное, при условности знаков, реальное и з о б р а ж е н и е самой структуры слоя, как бы его схематизированную и обобщенную «фотографию». При этом степень частоты, величины или «жирности» значка может довольно гибко передавать частные особенности данного компонента, например, легкие точки — белый песок, жирные точки — красный песок. Комбинации значков позволяют передать в чертеже все особенности смешанных, например мусорных, зон слоя и т. п. Число обозначений для условий русского города не превысит 20, т. е. эта система очень проста и для пользования, и для восприятия, и чтения чертежа. В полевых же условиях она очень экономит время, освобождая от больших словесных комментариев и позволяя делать на месте графический «портрет» слоя со всеми его индивидуальными чертами и особенностями. Этот объективный «портрет» слоя, дающий реальную картину от начала его образования и до современной дневной поверхности, исследователь должен

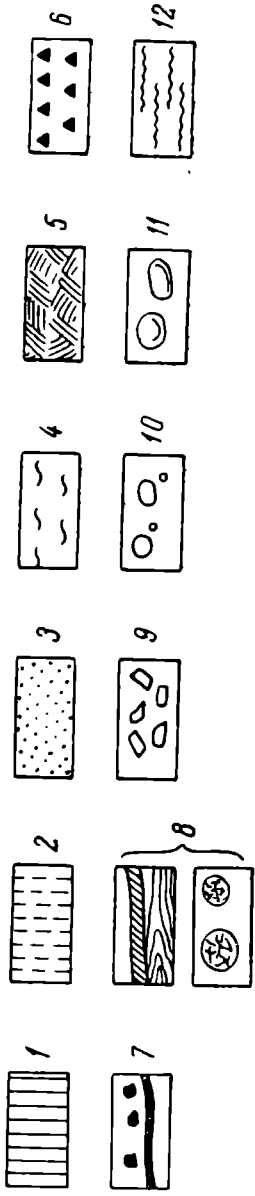

Рис. 57. Типовая система условных обозначений, применимых при археологической фиксации
 1 — аморфный слой; 2 — слой перерытый или насыпной, ямы; 3 — песок; 4 — глина; 5 — щепа или древесный тес; 6 — зола; 7 — уголь и угольные слои; 8 — дерево; 9 — кирпичный лом; 10 — известняк; 11 — камень; 12 — навоз.

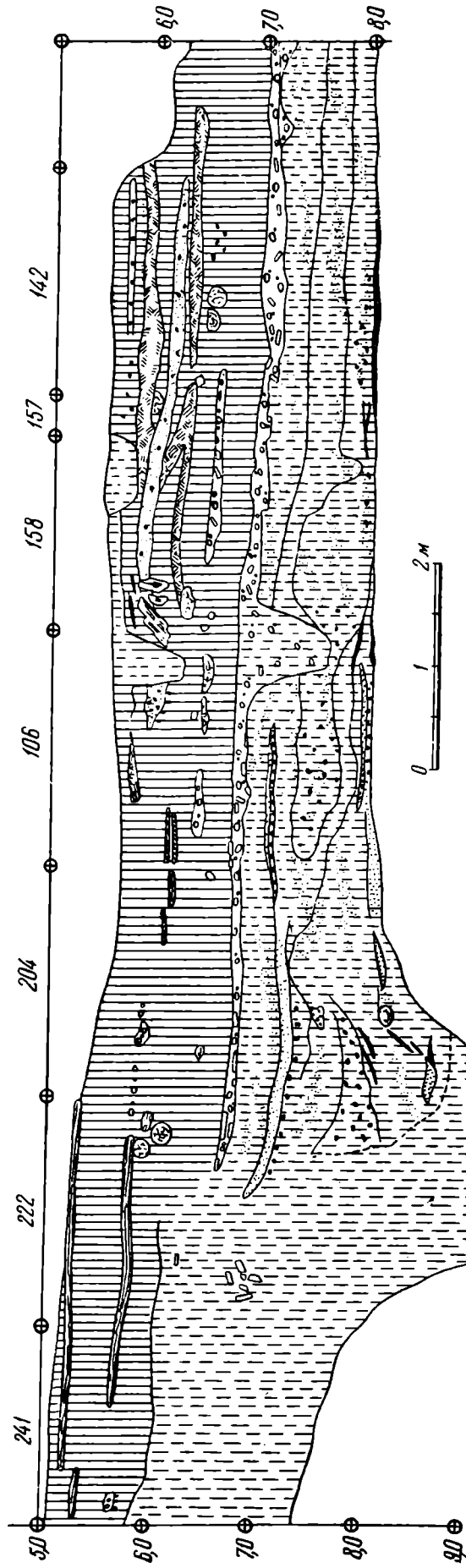

Рис. 58. Профиль культурного слоя древнерусского города, выполненный в предложенной системе условных обозначений. Профиль снят на стенке раскопа, расположенной под тупым углом к сетке квадратов

сопроводить (в тексте или в самом чертеже) своим толкованием расчленения слоя на исторические зоны и этапы. Но эта, уже исследовательская аналитическая схема слоя не должна подменять его реального изображения, тогда как в профилях при отчетах мы часто имеем именно такую подмену.

Для попластовых планов вопрос о системе знаков не так остер. Задача плана в основном иная: дать картину расположения остатков строений и находок, а также зафиксировать границы каких-либо существенных отложений, например слоя пожара, пятен глины от полов, развалов щебня и т. п. Поэтому линейные или пунктирные границы этих пятен могут быть снабжены или словесной надписью, или помещением соответствующих значков.

Отметим здесь же, что при сравнительно несложной структуре слоя и малочисленности фиксируемых на плане остатков можно делать совмещенный план, отражающий (с обязательными отметками уровня) в одном чертеже строения и другие объекты, а также находки на разных глубинах слоя (опыт раскопок городища Великие Болгары). Эта система фиксации часто дает очень выразительную картину изменения планировки данного участка, соотношения сменяющих друг друга строений и т. п.

Нам представляется необходимым скорейшая разработка и утверждение определенных стандартов, как в графике, так и в приемах фиксации археологических исследований (и не только средневековых городов). Исключительно быстрый рост советской археологии обязывает археологов выработать «общий язык». Подготовка археологов в университетах и специальные археологические курсы в педагогических институтах должны обязательно включать не только ознакомление с этим «языком», но и практическое обучение пользованию им: археолог обязан уметь рисовать и чертить.

О фиксации отдельных находок мы говорили выше — они отмечаются с указанием координат и глубин в планах пластов и полевой описи и в дневнике. Особо нужно сказать о массовом материале, так как здесь, на наш взгляд, требуются коррективы к существующей весьма разнообразной практике — от сбора и привоза всей массы, например, керамики, до отбора ее по случайным признакам.

Массовый материал (кости, керамика) должен собираться и фиксироваться также по пластам и квадратам. Чем точнее топография массового материала, тем точнее его анализ и выводы — установление количества особей скота по костным остаткам, подборка целых сосудов из фрагментов и т. п. Однако при больших раскопках, при многолетнем изучении одного города, допустим и практически целесообразен прием «выборочного» сбора и изучения массового материала. Безусловно, нет смысла в накоплении тонн повторяющихся фрагментов керамики — они заваливают музейные фонды и научно бесполезны. Поэтому нужно в первый год раскопок изучить керамический материал полностью, т. е. дать картину технической эволюции гончарного дела, установить типо- и хронологическую шкалу посуды. Это изучение керамики может быть проведено и на небольшом участке с наилучше сохранившейся и четкой стратиграфией (опыт раскопок Вщижа, городища Великие Болгары и др.). После получения такой характеристики керамики в дальнейшем можно собирать лишь особенные фрагменты, например все днища с клеймами, все обломки с индивидуальным орнаментом и т. п., давая общую цифровую характеристику остального, оставляемого на месте материала уже в определениях, установленных в первый год раскопок. При втором и последующих раскопочных сезонах керамика может собираться уже не по квадратам, а по пласту в целом.

Выше мы говорили о правомерности небольших «разведочных» раскопок в древнерусских городах, дающих как бы первичный «археологический

паспорт» памятника. Но несомненно, что вскрытие больших площадей имеет преимущественное значение при исследовании города. Следует, однако, дать себе отчет в возможностях и задачах постановки больших раскопок. Они будут различны в зависимости от масштабов города и от характера памятника, т. е. от того, имеем ли мы дело с небольшим поселком городского типа или с огромным по площади и сложным по социальной топографии крупным городским центром, с городищем вне современного города или с памятником, продолжающим жить в условиях развивающегося и строящегося города. Свободные от застройки городища — типа Старой Ладоги, Старой Рязани, Старицы — обязательно должны исследоваться путем раскрытия больших площадей; в идеале такой памятник может быть вскрыт либо целиком, либо в большей своей части. Раскопки живых больших городов неизбежно фрагментарны, так как ясно, что такие города никогда нельзя раскопать целиком, а доступные исследованию участки, как правило, случайны — это свободные от застройки места. Поэтому здесь представляется более целесообразным рассредоточение раскопочных площадей так, чтобы они охватили хотя бы в выборочном порядке различные в социальном и хронологическом смысле участки города. Следовательно, здесь принцип концентрации сил в одном пункте и наращивания большой площади в одном участке города должен смениться системой достаточно крупных раскопок, размещенных в соответствии с задачами освещения различных по историческому возрасту и в смысле социальной топографии районов большого города.

Последнее время чаще и чаще раздаются голоса о научной и главным образом экономической выгодности организации крупных экспедиций, которые позволили бы иногда одновременно, за один сезон, полностью раскрыть крупный памятник. При этой системе — в идеале — каждый сезон работы ведутся на одном памятнике, затем переносятся на новый объект и т. д. Не могу не высказаться против такой системы. Прежде всего я считаю положительным явлением, что археологи «горожане» последние годы закрепились за определенными городами или районами. Это способствует углубленности и точности исследования и полноте освещения всех особенностей материальной культуры данного города и района. «Мобилизация» этих научно определившихся сил и «концентрация» их на одном объекте, как мне представляется, обезличит работу и понизит ее качество. Научное преимущество одновременных раскопок в ряде городов состоит и в том, что они приносят сравнительный материал, взаимно освещающий неясные вопросы. Наконец, единовременный или быстрый, в один-два сезона, большой раскоп крупного памятника мне кажется нерациональным и потому, что лишь при постепенном его раскрытии и постепенном изучении получаемого материала в процессе нескольких раскопочных кампаний возникают новые вопросы и вносятся такие коррективы, которые от сезона к сезону уточняют методику изучения данного памятника и ставят перед исследователем новые, не возникавшие до раскопок, задачи и новые возможности их решения. Концентрированный же «удар» по памятнику будет неизбежно более механистичным и «типизированным» средством исследования.

В заключение несколько слов о научных задачах исследования древнерусских городов. Здесь, нам кажется, также своевременно определить специфику наших перспектив и внести в их понимание определенность. В отличие от памятников первобытно-общинного строя, археологическое изучение которых является единственным средством освещения и реконструкции всех сторон жизни древнего общества, от материального производства до социального строя и духовной культуры, археологическое исследование русских городов в основном имеет более узкие специализированные задачи. Конечно, археолог никогда не откажется от возможности извлечь из своего городского материала все, что он может дать для освеще-

щения политического строя, классовой борьбы, просвещения и различных сторон надстроечных явлений, ибо археолог — прежде всего историк. Но все же эти темы с большей или меньшей полнотой решены или решаются историками на материале письменных и иных, не археологических источников. Поэтому часто археолог может лишь дополнить своим материалом освещение этих сторон истории города. Специфической же его задачей является изучение тех тем истории и истории материальной культуры города, которые освещаются только или преимущественно археологическим материалом и которые может раскрыть только археолог. Перечислим важнейшие из этих тем и их содержание.

1. Возникновение города. Различные пути этого процесса в разных районах древней Руси: на базе славянского племенного центра или слияния нескольких городищ; в условиях колонизации неславянских областей; на базе концентрации ремесленников и торговцев в самостоятельном поселке или при княжеской крепости; в результате княжеского градостроительства и т. д. Существенна увязка решения этой задачи с археологическим изучением периферии города для освещения этнического состава ее населения и наличия или отсутствия ремесла в пригородных деревнях.

2. Развитие социальной топографии города, облика застройки и материальной культуры княжеского центра и ремесленных посадов.

3. Развитие коммунального хозяйства города: улицы и мостовые, водоснабжение, дренажи и пр.; оборонительные сооружения города, монументальное строительство.

4. История городского ремесла. В этой теме после монографии Б. А. Рыбакова, обобщившей весь наличный материал, предстоит длительное накопление новых данных, которые позволили бы дать углубленные и детальные монографические исследования по отдельным отраслям ремесла в отношении истории их социальной организации и технологии, установления типологических и хронологических серий вещей. Последняя тема особенно настоятельна, так как установление точных датировок городских ремесленных, особенно массовых, изделий внесет большую точность в общий процесс археологического исследования.

5. Внешние экономические связи города, ввоз продуктов ремесла и сельского хозяйства.

6. Домашний быт различных классов городского населения (пища, одежда и пр.).

Таковы важнейшие темы, разрешение которых является непосредственной задачей археологов и только археологов. Подчеркиваем еще раз, что перечисленные задачи не исчерпывают всех возможностей — археолог вправе и обязан решать и общ исторические задачи, если это позволяет сделать его материал.

Ш. ХРОНИКА

Н. К. ЛИСИЦЫНА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РСФСР
в 1949 г.

В 1949 году археологические исследования в РСФСР по сравнению с предыдущим годом расширились как территориально, так и тематически.

Комитет полевых исследований ИИМК АН СССР в 1949 г. выдал 96 открытых листов на право производства археологических разведок и раскопок.

Исследованиями было охвачено 47 областей (г. Москва и Московская область, Новгородская область, г. Псков и Псковская область, Калининградская, Ленинградская, Великолукская, Смоленская, Вологодская, Калининская, Владимирская, Горьковская, Рязанская, Калужская, Тульская, Брянская, Курская, Ростовская, Воронежская, Саратовская, Сталинградская, Ульяновская, Чкаловская, Челябинская, Курганская, Свердловская, Молотовская области, Чувашская, Мордовская, Татарская и Кабардинская АССР, Грозненская область, Дагестанская АССР, Ставропольский край, Черкесская А. О., Краснодарский край, Крымская, Тюменская, Омская, Томская, Иркутская области, Горно-Алтайская А. О., Алтайский край, Хакасская А. О., Красноярский край, Тувинская А. О., Бурят-Монгольская АССР, Амурская область).

В 1949 г. в археологическую работу включились многие отдельные исследователи и различные областные и местные краеведческие музеи и другие организации. Увеличение числа археологических разведок частично объясняется паспортизацией археологических памятников, предпринятой Управлением охраны памятников Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР в связи с постановлением Совета Министров от 14 октября 1948 г. «О мерах улучшения охраны памятников культуры».

* * *

Раскопки в Москве, на территории Зарядья производил М. Г. Рабинович¹. Он же произвел раскопки 5-ти курганов в районе д. Зюзино Московской области. Курганы принадлежат славянскому племени вятичей, датируются концом XIII — началом XIV в. Интересен обряд погребения, при котором с покойником клались уже сломанные и разбитые вещи.

М. Г. Рабинович произвел также обследование Тушкова городка, расположенного на правом берегу реки Москвы в 27 км выше г. Можайска.

¹ См. настоящий выпуск, стр. 48.

В культурном слое (мощностью 1,2 м) встречается керамика курганного типа и более поздняя, что не противоречит дате основного периода бытования поселения (XIV—XV вв.).

Д. А. Авдусин вскрыл последний курган в с. Беседы Ленинского района Московской области. В кургане обнаружено 2 костяка — мужской и женский. Племя по височным кольцам и бусам — вятичи. Время — XII в.

В Новгородской области сотрудник Новгородского музея Б. К. Мантейфель произвел обследование 28 курганов (3 группы) из которых раскопано 6 и частично вскрыт жальник. Во всех раскопанных курганах (сопках) встречено трупосожжение в различных вариантах без вещей с невыразительными небольшими фрагментами лепной керамики. Время, очевидно, VI—VIII вв.

С. А. Тараканова продолжала раскопки в Пскове. Установлено, что Псковское городище являлось племенным городом славян-кривичей. Раскопки позволили проследить постепенное превращение племенного центра в феодальный город. Обнаружены остатки жилищ, производственных очагов, горнов, жертвенники, отдельные вещи. Археологический материал и стратиграфия позволяют утверждать, что Псков как город возник в VIII в.

В 1949 г. были продолжены раскопки городища Камно, расположенного в 8 км к СЗ от г. Пскова. Заложен раскоп площадью 192 м.² Мощност культурного слоя 1—1,2 м. Обнаружены наземные деревянные жилища, жертвенники, сыродутные горны и т. д. Керамика в основном лепная, но встречена и гончарная. Многочисленны отдельные находки — изделия из металла, кости, хлебные зерна, обломки жерновов, каменные литейные формочки, пряслица и т. п. Уникальными являются изображения на каменных плитках, впервые найденные на славянском городище. Многообразие находок характеризует хозяйственную деятельность обитателей городища и позволяет проследить процесс ее развития. Дата городища — I—XII вв. н. э.

Кроме того, Псковская экспедиция произвела раскопки курганов в 2-х пунктах: 1) в курганной группе у д. Лосицы Лядского района и 2) в курганной группе урочища «Совий бор» близ д. Грядище Середкинского района. Всего раскопано 7 курганов — из них 2 длинных, 2 удлиненных, 1 круглый (сопка), 1 комбинированный (длинный, слитый с круглым) и 1 низкий круглый. В 1-й группе был вскрыт 1 длинный курган, остальные во 2-й. Обряд погребения — трупосожжение в урне и без нее. Вещей нет.

В Великолукской области производила работы Я. В. Станкевич¹.

В Смоленской области Д. А. Авдусин производил раскопки Гнездовских курганов².

Экспедиция ГИМ и Череповецкого музея под руководством Л. А. Голубевой произвела разведку и раскопки в урочище «Старое Белоозеро» близ д. Каргулино на правом берегу р. Шексны, у ее истоков из Белоозера. Раскопки подтвердили наличие древнего поселения IX—X вв. на южном берегу Белоозера. Поселение XI—XII вв. носит ремесленный облик и характеризуется городским инвентарем, что при отсутствии укреплений, типичных для киевских и ростово-суздальских городов, заставляет предположить здесь существование в XI—XII вв. города северного типа — рядки, подобные новгородским рядкам XVI в.

В Калининградской области производила исследования Ф. Д. Гуревич³.

В Ленинградской области В. И. Равдоникас продолжал исследования старой Ладogi. Работы производились на 2-х участках, примыкавших

¹ См. настоящий выпуск, стр. 82.

² См. настоящий выпуск, стр. 72.

³ См. настоящий выпуск, стр. 91.

непосредственно к основному раскопу с СЗ и ЮЗ сторон. Вскрыто вновь 676 м². Всего, таким образом, вскрыто 2000 м², но раскопки доведены до материка (уровень VII—VIII вв.) только на площади раскопа 1947 г. На остальной площади культурный слой снят до горизонта, содержащего остатки деревянных сооружений X—XI вв. (на участке № 1); на участке № 2 вскрыт хорошо сохранившийся слой XVI—XVII вв. Вещевой материал аналогичен материалу раскопок предыдущих лет.

Экспедиция Карело-Финского Института истории, языка и литературы под руководством А. М. Линевского продолжала раскопки курганов в низовьях р. Ояти. Исследовано 45 курганов. Получен интересный материал, дающий возможность изучить этнический состав и картину социальной жизни Новгородской земли и установить по одежде и украшениям возрастную и социальную дифференциацию населения.

В. В. Данилевский произвел в Усть-Рудице (Ленинградская область) раскопки остатков здания фабрики М. В. Ломоносова и разведки в ряде мест бывшей усадьбы М. В. Ломоносова. Установлено, что здание фабрики (78 м длины) состояло из 3-х основных частей, соединенных в единое целое. Найдены остатки стеклоплавильной печи, стеклоплавильных горшков с сохранившимся на дне цветным стеклом, шквары, пластинчатые смальты, тянутые смальты, пронизки, многочисленные фрагменты цветных стекол и многое другое.

Н. Н. Воронин производил раскопки в г. Старице в Калининской области¹.

Во Владимирской области А. Д. Варганов исследовал: 1) обжигательную кирпичную печь в местечке Гончары (г. Владимир). Печь большого объема — в ней можно было обжигать сразу 20—25 тыс. кирпичей. Датируется печь 2-й половиной XVII в.; 2) плинфяную печь в г. Суздале, относящуюся к началу 90-х годов XI в. На нее работало сразу 3—4 кирпичных станка.

Е. И. Горюнова продолжала раскопки Тумовского селища (Муромский район Горьковской области). Вскрыта большая площадь, примыкающая к раскопу предыдущего года, и заложено 2 линии шурфов к С и к В от центрального раскопа. Шурфовка позволила наметить северную и восточную границы поселения. Вся вскрытая площадь равна 511,5 кв. м. Материал освещает жизнь муромской деревни конца X — начала XI вв. и выясняет некоторые вопросы славянской колонизации муромской земли в процессе «исчезновения» летописной муромы. Было вскрыто одно славянское жилище на северной окраине поселка, представляющее собой полуземлянку с печью-каменкой.

А. Ф. Дубынин продолжал исследование Малышевского могильника в Селивановском районе Владимирской области. В 1949 г. вскрыто 906 м², обнаружено 57 погребений, из которых 3 оказались конскими. Раскопки были сосредоточены в основном с ЮЗ стороны раскопа 1948 г. Прослежены Ю и З границы могильника. Впервые обнаружены двойные погребения. Преобладает трупосожжение. Дата погребений — VI—XI вв.

И. А. Кирьянов в г. Горьком проводил небольшие археологические работы в Кремле и параллельно наблюдал за ходом строительных и прочих работ на территории города, в районах расположения памятников архитектуры. На прясле стены Нижегородского Кремля, между башнями Георгиевской и Пороховой, был заложен шурф со стороны главного фасада прясла справа от существующих ворот. Кремлевская стена была вскрыта на длину 135 см и до основания фундамента. В здании бывшей церкви Жен мироносиц обнаружены захоронения XIX в.

¹ См. настоящий выпуск, стр. 42.

И. К. Цветкова продолжала раскопки стоянки Володары в Володарском районе Горьковской области и археологические разведки на левом берегу р. Волги (в районе с. Безводное и с. Желнино).

На берегу р. Ватомы были обнаружены 2 совершенно разрушенные стоянки, относящиеся, повидимому, к эпохе бронзы. Около с. Желнино была обнаружена стоянка балахнинской культуры (II стадия). Раскопки на стоянке Володары являлись продолжением раскопок 1946 и 1947 гг. Была вскрыта площадь в 120 м², на которой была обнаружена большая жилая землянка, соединенная переходом с землянкой из предыдущих раскопок. Стоянка относится к Волосовской культуре (III стадия — III — II четверти II тыс. до н. э.).

В. А. Сафонов возглавлял работу Дзержинского Краеведческого музея (Горьковская область). Была проведена разведка в Приокской части Волго-Окской (Балахнинской) низины; продолжено обследование правого берега р. Оки в пределах Богородского и Павловского районов Горьковской области и участка левого берега р. Волги на территории Городецкого района. На территории Балахнинской низины обнаружено несколько местонахождений отдельных археологических предметов. На правом берегу р. Оки найдено одно поселение эпохи бронзы, 2 городища и 2 славянских селища; на левом берегу р. Волги — следы двух неолитических стоянок и одного славянского селища.

А. Л. Монгайт в 1949 г. продолжал исследование Старой Рязани¹.

Н. П. Милонов произвел обследование древнерусских селищ в Рязанском, Мервинском и Солотчинском районах Рязанской области. Были проведены разведки на ранее известных селищах — Борковском, Старо-Ольговском, Рубцовском, Алехановском и обнаружены новые селища в Кораблине, Вышгороде, Казарях и Мурмине.

В. И. Зубков в связи с паспортизацией археологических памятников произвел обследование 22-х районов Рязанской области. В результате было паспортизовано 133 памятника археологии, среди которых 33 стоянки, 11 могильников и курганных групп, 42 городища и 47 селищ. При этом 37 памятников открыто вновь. Собран подъемный материал.

В Калужской области Т. Н. Никольская производила раскопки Огубского городища².

А. В. Никитин производил обследование Засечной черты в пределах Тульской, Калужской и частично Орловской областей³.

В Брянской области производил работы большого масштаба Б. А. Рыбаков⁴.

В Курской области А. Н. Рогачев продолжал начатое М. В. Воеводским исследование палеолитического поселения у с. Авдеева Ленинского района. В 1949 г. вскрыто 350 м² площади поселения и завершено полевое исследование этого памятника. Установлено наличие остатков долговременного поселения, сходного по плану с остатками большого жилища в Костенках I. Вещевой материал — кремневые и костяные орудия, украшения — также подтверждают сходство с таковыми из Костенок I. Дата Авдеевской стоянки — поздне-солотрейское время.

А. Е. Алихова продолжала раскопки Авдеевского селища⁵.

П. И. Засурцев продолжал начатые в 1948 г. раскопки курганного могильника у с. Липино Ленинского района Курской области. В двух группах вскрыт 41 курган. Обряд погребения — трупоположение в ямах, головой

¹ См. настоящий выпуск, стр. 12.

² См. настоящий выпуск, стр. 99.

³ См. настоящий выпуск, стр. 62.

⁴ См. настоящий выпуск, стр. 34.

⁵ См. настоящий выпуск, стр. 106.

на 3. Интересно погребение в кургане № 1 группы № 2, где вокруг могилы с обычным погребением обнаружено кольцевое кострище. Группа № 1 датируется XI—XII вв. Группа № 2 — концом X — началом XI в.

В 1949 г. М. И. Артамонов начал раскопки остатков хазарской крепости Саркела — Белой Вежи русской летописи. Городище находится у хутора Попова, на левом берегу р. Дона близ ст. Цымлянской. Раскрыты остатки крепостных кирпичных стен на протяжении более 160 м. Окончательно установлены форма крепости и ее размеры. Раскопками впервые обнаружены жилые дома хазарского времени. Сплошное заселение крепости гражданским населением относится к концу IX—X вв. Культура населения Саркела хазарского времени сходна с культурой катакомбных могильников Сев. Кавказа и таких же могильников, расположенных на территории между р. Доном и р. Донцом (Салтовско-маяцкая культура). Верхние слои городища — славяно-русские. Появление славян стоит в непосредственной связи со взятием этого города Святославом. Материалы свидетельствуют о развитом ремесле и широкой международной торговле.

Громадный могильник Белой Вежи имеет все признаки городского, в котором племенные особенности уступили место общерусским христианским формам погребения. Русское население вначале сохраняло курганный обряд погребения, но в своеобразном виде — больших курганов — кладбищ с сотнями захоронений.

В Воронежской области экспедиция Воронежского Университета под руководством А. Н. Москаленко проводила разведку: 1) по правому и левому берегам р. Воронежа от г. Липецка до с. Вертячьего Хлебенского района и 2) по побережьям р. Дона в пределах Гремяченского района. По р. Воронежу были обнаружены остатки материальной культуры эпохи бронзы и позднего времени — XVI—XVIII вв. По Дону выявлены новые памятники и обследовано состояние ранее известных — палеолитических стоянок Костенки I, III, IV, Тельманской стоянки, стоянок эпохи бронзы — Ерика, Белых тупок, Боршевские, Гольшевское, Устинское, славянские городища.

А. Н. Рогачев продолжал раскопки в Костенках¹.

Экспедиция Саратовского Гос. Университета под руководством И. В. Синицына производила раскопки на территории Сталинградской области и Зап. Казахстана².

М. С. Акимова руководила экспедицией музея Антропологии, производившей исследование поздних чувашских кладбищ и раскопавшей 4 кургана абашевской культуры в 3,5 км в СВ от д. Катергино (Козловский район Чувашской АССР).

П. Д. Степанов продолжал исследование городища «Ош-Пандо» в Дубенском районе Мордовской АССР³.

В Ульяновской области П. Д. Степанов производил раскопки городища «Ашна-Пандо»⁴.

В Татарской АССР продолжал многолетние раскопки города Болгары А. П. Смирнов⁵.

Экспедиция Казанского Филиала Академии Наук СССР во главе с Н. Ф. Калининым производила углубленные разведки археологических

¹ См. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951 г. — «О нижнем слое культурных остатков Тельманской стоянки в Костенках».

² См. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951 г. — «Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Зап. Казахстане».

³ См. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951 г. — «Итоги раскопок древнемордовских памятников».

⁴ См. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951 г. — «Итоги раскопок фатьяновских поселений на Средней Суре».

⁵ См. настоящий выпуск, стр. 120 и 128.

памятников в Камско-Устьинском, Апастовском, Тетюшском, Бол. Тархановском, Буинском и Кайбицком районах Татарской АССР. Обследован правый берег р. Волги от Камского Устья до южных границ республики, правый берег р. Свияги от устья Сух. Улемы до южных пределов ТАССР и все междуречье в этих пределах. Экспедиция работала 4-мя отрядами. Обследовано 133 памятника (из них ранее известных 15) — в том числе 13 первобытных стоянок, 12 болгарских городищ (X—XIV вв.), 11 более ранних городищ (одно из них II—VI вв. н. э.), 10 — 2-й половины I тыс. н. э.; селищ болгарских и других — 74, могильников и других кладбищ — 20, отдельных надгробных камней вне кладбищ — 3.

Кроме того, Н. Ф. Калинин произведены небольшие раскопки у с. Деуково, где обнаружена палеолитическая стоянка.

О. Н. Бадер производил исследования в Молотовской области¹.

А. Я. Брюсов продолжал работу в Свердловской области².

Е. М. Берс произвела раскопки жилища в предместье г. Свердловска в пос. Палкино. Установлен тип жилища и его конструкция. Жилище относится к сарматскому времени. Выявлены 3 типа керамики — 2 одновременных жилищу и один более ранний.

К. В. Сальников в 1949 г. проводил археологические исследования в Челябинской и Курганской областях³.

В Чкаловской области А. А. Формозов произвел разведку в районе г. Орска. Обследовано 10 памятников (из них о 4-х имелось ранее краткое упоминание в печати). Найдено 2 новых пещерных стоянки. Обследовано 3 микролитических стоянки эпохи ранней бронзы, открыт очень интересный поздне-андроновский комплекс у с. Еленовки (древний рудник, стоянки, могильник), собраны сведения об исключительно богатом андроновском погребении под г. Орском, давшем новые для этой культуры типы орудий.

В Кабардинской АССР производил исследования К. Э. Гриневиц (экспедиция Кабардинского научно-исследовательского института). Произведено сплошное обследование Зольского, Кубинского, Нагорного и Эльбрусского районов и частичное Прималкинское, Баксанское и Чегемское. Всего обследовано 55 объектов — 26 городищ и селищ, 7 пещер, 7 курганов, 10 каменных ящиков, 3 могилы и 3 менгира.

В Дагестанской АССР продолжал исследование Агач-Калинского и Таркинского могильников К. Ф. Смирнов⁴.

Т. М. Минаева произвела обследование долины р. Зеленчука в пределах Ставропольского края и Черкесской автономной области. Обнаружено 28 памятников (не считая одиночных курганов), относящихся к различным эпохам. Наиболее древними являются курганы близ аула Адыге Хабль, давшие погребение эпохи бронзы. Основные работы производились на могильнике Байтал-Чапкан, принадлежавшем аланам, — IV—V вв. н. э. Наиболее поздние памятники — курганы и урочище Байтал-Чапкан, принадлежавшие черкесам или кабардинцам.

В 1949 г. многие экспедиции работали в Краснодарском крае.

М. М. Кубланов во главе группы студентов Ленинградского Пед. Института им. А. И. Герцена производил небольшие раскопки у с. Кучугуры (СВ часть Фонталовского полуострова).

Д. Б. Шелов производил небольшие раскопки у хут. Ильичевка⁵.

¹ См. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951 г. — «Камская археологическая экспедиция 1949 г.»

² См. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951 г. — «Уральская археологическая экспедиция».

³ См. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951 г. — «Археологические исследования в Курганской и Челябинской областях».

⁴ См. настоящий выпуск, стр. 113 и вып. XXXVII, 1951 г. — «О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана».

⁵ См. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951 г. — «Городище около хут. Ильичевка».

Н. В. Анфимов исследовал Семибратнее городище¹.

А. С. Башкиров со студентами Пед. Института Москвы и Ярославля продолжал раскопки городища Патрэй на Фонталовском полуострове.

М. М. Кобылина продолжала исследование Фанагории².

В. Д. Блаватский произвел разведки в Анапе³.

К. Ф. Смирнов продолжал исследование Пашковских могильников⁴.

Комплексной научно-исследовательской карстово-спелеологической станцией при МГУ была организована экспедиция под руководством Л. Н. Соловьева и Т. Н. Высотской в заповедник, расположенный в 27—30 км от пос. Хоста (Краснодарский край) и 3—5 км от пос. Воронцовка в верховьях р. Кудепсты и ее притока р. Псаха. Был осмотрен ряд пещер и гротов в пределах заповедника и его окрестностей. Наиболее интересна Большая Воронцовская пещера, в которой обнаружены следы пребывания человека, начиная с неолита. В районе с. Красная Поляна обследованы 2 группы дольменов.

В Крымской области Е. В. Веймарн произвел разведки ряда памятников, относящихся к кизил-кобинской (стоянки) и таврской (убежища, могильники) культурам, а также средневековых и античных городищ.

Раскопки в Киммерике и небольшие исследования в Феодосии производила И. Б. Зеест⁵.

В. Д. Блаватский продолжал многолетние раскопки в Пантикапее⁶.

Г. Д. Белов возглавлял экспедицию Гос. Эрмитажа и Херсонесского музея, продолжавшую исследования Херсонеса. Экспедицией выявлены следы некрополя V—VI вв. до н. э., открыты строительные остатки эллинистических домов и зданий римского времени, обнаружены большие здания, составлявшие по времени и по назначению одно целое с базиликами V и VI—X вв., и жилой дом XII—XIV вв. Исследование дало большое количество материалов для изучения истории города на всем протяжении его существования (V в. до н. э.—XIV вв. н. э.).

В. Ф. Гайдукевич продолжал раскопки древнего Илурата⁷.

В. П. Бабенчиков производил раскопки городища на вершине холма «Тепсень» у с. Планерного (Коктебель). Собраны данные по строительному искусству и ремеслам. Дата городища VI—XI вв. н. э. Расцвет падает на VIII—X вв. Возможно бытование на городище алан и антов.

В 1949 г. А. Н. Карасев производил раскопки Неаполя Скифского⁸.

П. Н. Шульц производил обследование в Симферопольском, Зуйском и Белогорском районах Крымской области, где открыты 2 новых скифских городища, 2 селища, 2 средневековых поселения.

М. М. Худяк продолжал исследование Нимфея. Работа велась на верхнем плато городища — на раскопе «С» — у оборонительной стены. Экспедиция изучала окружение ям, открытых в материке в 1948 г., обнаружила продолжение оборонительной стены Нимфея и доследовала помещение за стенами №№ 27 и 28.

В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская производили исследования в Омской области⁹.

¹ См. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951 г.— «Раскопки Семибратнего городища».

² См. КСИИМК, вып. XXXVII, 1941 г.— «Раскопки Фанагории».

³ См. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951 г.— «Разведки в Анапе».

⁴ См. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951 г.— «О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана».

⁵ См. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951 г. 1) «Разведочные раскопки в Феодосии» и 2) «Жилые дома Киммерика».

⁶ См. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951 г.— «Раскопки Пантикапея (1949 г.)».

⁷ См. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951 г.— «Новые исследования Илурата».

⁸ КСИИМК, вып. XXXVII, 1951 г.— «Раскопки Неаполя Скифского».

⁹ См. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951 г.— «Городище Большой Лог».

В Томской области Е. М. Пеняев возглавлял работу археологического отряда археолого-антропологической Чулымской экспедиции Томского государственного университета. В результате работы дополнена археологическая карта Нижнего Чулыма — зарегистрировано 26 новых объектов. Составлены археологические карты-схемы окрестностей деревень Смолсукровка, Десятово и Нижнее Салтыково. Вскрыто 8 курганов, 2 грунтовых могилы и 50 м² на поселениях XVI—XVII вв. Десятовское селище датируется карасукской эпохой.

М. Р. Полесских провел в 1948—1949 гг. в Иркутской области разведки по Среднему и Нижнему течению р. Оки (приток Ангары) и в местности Суховская (левый берег Средней Ангары). Обнаружено 5 местонахождений эпохи неолита, 5 памятников железного века, наскальные рисунки (3).

В местности Суховская исследована неолитическая стоянка. Культурный слой обнаружен на протяжении 15—25 м. На площади стоянки обнаружено детское погребение.

В этой же области П. П. Хороших (экспедиция Иркутского Пединститута и Иркутского областного музея) производил обследование на западном побережье оз. Байкал на участке с. Лиственичное — мыс Кадильный. Обследованы неолитические стоянки и наскальные рисунки верхнего течения р. Лены.

В Горно-Алтайской Автономной области С. И. Руденко продолжал раскопки Пазырыкских курганов¹.

В Алтайском крае М. П. Грязнов возглавлял экспедицию ИИМК и Гос. Эрмитажа. Продолжались работы близ с. Большая речка на р. Оби на Ближних Елбанах. Установлена общая планировка обширного поселения большереченской культуры и тип жилища оседлых племен южной Сибири в VII—VI вв. до н. э. Найден богатый вещевой материал. Открыта литейная мастерская бийской культуры V—III вв. до н. э., в которой обнаружены литейные формы для изготовления ножей, кельтов и других предметов.

Э. Р. Рыгдылон производил разведки в Красноярском крае (Минусинский район), Хакасской А. О. (Алтайский, Аскизский и Баградский районы).

На территории Бурят-Монгольской АССР А. П. Окладников изучал памятники в долине р. Селенги. Раскопано городище гуннского времени на р. Иволге. Это самый северный памятник гуннов в Прибайкалье. Городище имело мощные оборонительные сооружения — 4 ряда валов и рвов. Вскрыто 9 жилищ, в которых найдены — костяные накладки лука, костяные и бронзовые наконечники стрел. Открыто еще одно гуннское городище на р. Джде и погребения. Уникальной находкой является бронзовая печать с китайскими иероглифами.

В Амурской области Г. С. Новиков (Областной Краеведческий музей) произвел обследование памятников и зафиксировал отдельные находки различных эпох, начиная с камня и бронзы и до XVII в. н. э. (наиболее поздние памятники относятся ко времени пребывания казаков на Амуре). Произведены разведки городищ и селищ «даурского» типа (16), а также более древних городищ, селищ и могильников как курганных, так и бескурганных и памятников эпохи бронзы и камня.

¹ См. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951 г. Изд. «Пятый пазырыкский курган».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГИМ — Государственный исторический музей
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИЗ — Исторические записки Академии Наук СССР
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР
ИОИФ — Известия Отделения истории и философии Академии Наук СССР
КирФАН — Киргизский филиал Академии Наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии Наук СССР.
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология
САГУ — Среднеазиатский государственный университет
СЭ — Советская этнография
УзФАН — Узбекский филиал Академии Наук СССР
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов
ЧОИДР — Чтения в Московском обществе истории и древностей российских
BGA — British Geographical Annual
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
-

СОДЕРЖАНИЕ

Сессия отделения истории и философии АН СССР и Пленум Института истории материальной культуры АН СССР, посвященные итогам полевых археологических исследований ИИМК за 1949 г.

I. ДОКЛАДЫ НА СЕССИИ И ПЛЕНУМЕ

<i>М. К. Каргер.</i> Новые данные к истории древнерусского жилища	3
<i>А. Л. Монгайт.</i> Раскопки в Старой Рязани	12
<i>Н. Н. Воронин.</i> Раскопки в Гродно	25
<i>Б. А. Рыбаков.</i> Раскопки во Вщиже в 1948—1949 гг.	34
<i>Н. Н. Воронин.</i> Раскопки в Старице	42
<i>М. Г. Рабинович.</i> Археологические раскопки в Москве в Китай-городе	48
<i>А. В. Никитин.</i> Оборонительные сооружения Засечной черты в районе Тула—Одоев — Белев	62
<i>Д. А. Авдусин.</i> Раскопки в Гнездове	72
<i>Я. В. Станкевич.</i> Археологическая разведка в Великолукской области	82
<i>Ф. Д. Гуревич.</i> Древние поселения Калининградской области	91
<i>Т. Н. Никольская.</i> Огубское городище	99
<i>А. Е. Алихова.</i> Авдеевское селище	106
<i>К. Ф. Смирнов.</i> Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана	113
<i>О. С. Хованская.</i> Новые данные о городе Болгаре	120
<i>А. М. Ефимова.</i> Metallургические горны в городе Болгаре	128
<i>П. Д. Степанов.</i> Итоги раскопок древнемордовских памятников	136
<i>А. Н. Бернштам.</i> Древний Тянь-Шань	140
<i>М. Е. Массон.</i> О северо-восточных пределах Парфянского государства	145

II. МЕТОДИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК

<i>Н. Н. Воронин.</i> Некоторые вопросы методики раскопок древнерусского города	152
---	-----

III. ХРОНИКА

<i>Н. К. Лисицына.</i> Археологические исследования в РСФСР в 1949 г	162
Список сокращений	170

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *С. Т. Попова*
Технический редактор *Е. В. Зеленкова*
Корректор *М. М. Мержеевская*

*

РИСО АН СССР № 4383. Т-05009. Издат. № 2904.
Тип. заказ № 906. Подп. к печ. 16/VI 1951 г.
Формат бум. $70 \times 108^{1/16}$. Печ. л. 14,73. Бум. л. 5,37
Уч.-изд. 14,6. Тираж 2000.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
17	2 сн.	оснаментированное	орнаментированное
19	18 сн.	частям света	странам света
29	14 сн.	(рис. 15 — 1)	(рис. 15а)
77	11 сн.	до 7,5	до 7,5 м
107	4 сн.	(рис. 45 — 2)	(рис. 45 — 3)
149	15 сн.	Парфянские стоянки	Парфянские стслицы

Краткие сообщения, вып. XXXVIII